

Лев Смиловицкий

Из опыта пережитого

Lev Smilovitsky

From My Life Experience

Memoirs

Minsk – Jerusalem, 1988-2016

Лев Смиловицкий

Из опыта пережитого

Воспоминания

Минск – Иерусалим, 1988-2016

Лев Смиловицкий
Из опыта пережитого. Воспоминания
Иерусалим, 2016. 191 с., 93 илл.

Дизайн и верстка *Виктория Яблокова*
Составитель и редактор *Леонид Смиловицкий*
Комментарии и примечания *Леонид Смиловицкий*
Корректор *Соня Андреева*

Книга «Из опыта пережитого» Льва Матвеевича (Лейбы Мотелевича) Смиловицкого рассказывает о судьбе еврейского юноши из Речицы (Беларусь) в годы войны и сразу после ее окончания. Эвакуация в Башкирию, добровольное вступление в Красную армию, игра в прятки со смертью во время службы в противотанковой артиллерии Резерва Главного Командования, битва за Смоленск и Витебск, взятие Кёнигсберга, ранение, госпиталь, Гороховецкие запасные лагеря, будни и быт войны. После 1945 г. – служба в советской военной контрразведке СМЕРШ, окончание Минского юридического института, работа в комсомоле. Воспоминания Л.М. Смиловицкого, доверительные по своему тону и пронзительные по звучанию, дают правдивое представление об отношениях людей в годы войны и о цене человеческой жизни.

Книга рассчитана на всех, кто интересуется историей советского общества в период Второй мировой войны и психологией поведения человека на войне.

Предложения, отклики и заказы на книги направлять по адресу:
smilov@zahav.net.il или по тел. +(672) -54-62-77543, 054-62-77543

ISBN 978-965-92411-1-8

Printed in Tsur-Ot Press (Jerusalem)

Настоящая книга была подготовлена и издана при поддержке и участии моих коллег, друзей и родных

Израиль
проф. Яков Рои (Иерусалим)
проф. Шауль Штампфер (Иерусалим)
проф. Захар Шибеко (Хайфа)
Геннадий Пасечник (Натания)
Рита Айзенштат (Цфат)
Александр Розенблюм (Ариэль)
Владимир Ципин (Явне)

США
Леонид Миркин (Вашингтон)
Дмитрий Миркин (Скоки, штат Иллинойс)
Геннадий Шляпинтох (Чикаго)
Лев Рапопорт (Гленкоу, штат Иллинойс)
Аркадий Рапопорт (Скоки, штат Иллинойс)
Светлана и Алекс Смиловицкие (Сан-Франциско)

Беларусь
проф. Михаил Стрелец (Брест)
Александр Литин (Могилев)
Вадим Акопян (Минск)

Россия
д-р Илья Альтман (Москва)
проф. Евгений Кринко (Ростов-на-Дону)
Леонид Терушкин (Москва)

Польша
проф. Ежи Гарбинский (Люблин)

Германия
Галина Норкина (Регенсбург)
Михаил Шифман (Хейлегенхаус)

Чехия
д-р Кирилл Касьян (Прага)

Оглавление

Предисловие 9

Начало войны 15
Боевое крещение. Ранение и госпиталь 46
Запасной полк. Снова на передовой 59
Друзья-товарищи 77
Под Кёнигсбергом 85
О репрессиях 92
После войны. Работа в ЦК ЛКСМБ 106
Партийная работа. Нажим на деревню 122
Случай с Шелепиным 130

Вместо послесловия 133
Приложение 138

Table of Contents

Foreword 12

The beginning of the war 15
My baptism of fire. Wounded and hospitalized 46
Reserve regiment. Back at the front 59
Comrades-in-arms 77
Near Koenigsberg 85
The purges 92
After the war. Work at the CC of the Belarusian Komsomol (Youth Communist League) 106
Party work. Pressure on the villagers 122
The Shelepin affair 130

Instead of an afterword 135
Abstract 137
Supplement 138

Предисловие

Книга «Из опыта пережитого» составлена по материалам шести интервью моего отца Льва Матвеевича (Лейбы Мотелевича) Смиловицкого, которые я взял у него в 1988 г.

Каждое воспоминание, которым человек собирается поделиться, предполагает ответ на вопрос: кому это адресовано – предназначается ли для печати, или только для сохранения семейной памяти? Однако даже если публикация не предполагается, остается внутренний цензор. Народная мудрость учит: «слово – не воробей, вылетит – не поймаешь» и «написанное пером – не вырубишь топором». Именно этим и руководствовался отец, отвечая на мои вопросы.

Участники войны, рассказывающие о своем военном опыте, в основном делятся на две противоположные группы: краснобаев и молчунов. Люди, охотно оглашающие военные истории, – чаще всего те, с кем ничего подобного на самом деле не происходило, или те, кто стремится таким образом избавиться от того психологического груза, который они несут всю жизнь, от того стресса, который пережили в молодости.

Мой отец принадлежал ко второй категории свидетелей – людям, которые старались лишний раз не вспоминать вслух то, что видели на войне, то, чего не могут забыть. Моя детская, подростковая и юношеская память не сохранила рассказы отца. Вряд ли он вообще когда-нибудь позволил бы себе откровенничать, если бы не перемены в конце восьмидесятых. Это было время, когда немота постепенно начала оставлять

советских людей, приученных держать язык за зубами. Фронтовики стали говорить то, что никогда не было предназначено для постороннего уха. Именно благодаря такому стечению обстоятельств мне удалось убедить отца рассказать, как кончилось его детство, и началась взрослая жизнь.

Рассказ отца делится на две половины: на то, что происходило с ним во время советско-германской войны и вскоре после победы. Будучи человеком культурным, начитанным, образованным, преподавателем с многолетним стажем, имеющим ученую степень, папа говорил просто и ясно, убедительно и логично. Было заметно, что к этой теме мысленно он возвращался не раз. Когда делалась аудиозапись под Минском, недалеко от деревни Бояры Молодеченского района, отцу исполнилось 63 года, почти столько же, сколько мне сегодня. Я не перестаю удивляться, сколько фамилий, географических названий, эпизодов, примеров, подробностей и деталей он сохранил в своей памяти. Делая распечатку интервью, я не изменил ничего, за исключением некоторых стилевых погрешностей, неизбежных при устном рассказе.

Спустя тридцать лет после того как были сделаны эти записи, я перевел их в цифровой формат. Появилась возможность не только слушать и читать самому, но и поделиться с другими. Все, что с нами происходит, спустя годы становится историей. Конечно, если это значимые вещи, – те, что выходят за рамки одной судьбы и являются общим достоянием. То, что рассказал мой отец, я считаю значимым.

В советское время в военной мемуарной литературе подчеркивались не столько трагические, сколько героические события. Трагическое же понималось через призму противостояния трудностям и лишениям.

Воспоминания отца оказались настолько правдивыми по содержанию и пронзительными по своему звучанию, что я использовал их в своей научной работе. Процитирую его слова, которые меня потрясли: «В 1945 году, когда окончилась война, я был уже молодым старичком. Не было уже такого чувства веселья, озорства, юношеской живости, которая присуща моему возрасту. Это было у нас все убито и похоронено... Говорю тебе это честно, положа руку на сердце». Общий вывод, который сделал отец, трагичен по своему смыслу, хотя и не лишен оптимизма: *то, что я выжил, – случайность, но то, что мы победили, – закономерность.*

Эти слова больно резанули меня, поскольку, если бы отца убило, то я бы не родился, а значит, не появились бы на свет и мои дети. Сколько таких мальчиков и девочек 1925 года рождения, которым в 1941-м исполнилось 16, шагнули в огонь войны и не вернулись? Скольких детей они не родили, сколько судеб не состоялось? Вот страшная цена испытаниям, которые прошел еврейский народ, имеющий сегодня свое государство. И пусть воспоминания моего отца окажутся необходимой частичкой в этой сложной, яркой и чрезвычайно противоречивой картине, которую мы называем историей XX века.

Проработав более двадцати лет в Центре диаспоры при Тель-Авивском университете, я приобрел опыт исследовательской работы: познакомился с десятками мемуаров, дневников и воспоминаний и, без преувеличения, тысячами писем 1941-1945 гг. самых разных авторов, провел сотни интервью и бесед с людьми поколения войны, выпустил собственные книги – то есть получил возможность сравнить накопленные знания с поминания отца продолжают сохранять свою актуальность в наши дни, они заслуживают того, чтобы сделать их достоянием общественного внимания.

При подготовке к печати книги «Из опыта пережитого» в качестве иллюстраций были использованы документы, фотографии и материалы из семейного архива Леонида Смиловицкого. В ряде документов Льва Матвеевича в правописании фамилии Смиловицкий допущена ошибка (*См**е**ловицкий* вместо *См**и**ловицкий*), что имеет свое объяснение. Товарищи по оружию полагали, что его фамилия происходит от слова «смелый», тем более, что поведение отца в боевой обстановке давало этому основание. Следовательно, писать ее нужно через «Е». Можно предположить, что в неполные 18 лет, когда отец оказался в армии, ему самому не было известно, что многие евреи получали свои фамилии по месту исхода. В данном случае, от местечка Смиловичи Минской губернии, откуда, скорее всего, его предки пришли в Речицу.

Леонид Смиловицкий
Иерусалим, май 2016 г.

Foreword

The book *From my Life Experience* has been compiled based on the six interviews with my father, Lev Matveevich (Leiba Motelevich) Smilovitsky, which I held on the eve of coming to Israel.

Each reminiscence, which a person intends to share with others, presupposes first and foremost an answer to the question: who is the audience – is it intended for publication, or only for preserving a family memory?

However, even if publication is not planned, there still remains an internal censor. Folk wisdom teaches us: "A word spoken cannot be taken back," or "The pen is mightier than the sword." And that was the rule which my father kept in mind when answering my questions.

The war veterans who tell about their war experience can be divided into two opposite groups, the talkative ones and the taciturn ones. Those who willingly tell war stories are often people who never experienced such events in reality, or those who in this way try to relieve themselves from the psychological burden which they have been carrying all their lives, to shed the stress which they experienced in their younger days.

My father belonged to the second category of witnesses, those who avoided recalling aloud what they saw in the war, and which they could not forget. My memory as a child, teenager and young man, did not include my father's stories. And I don't think that he would have allowed himself to be sincere, had the changes of the late 1980s not occurred. That was the time, when the muteness of Soviet people taught all their lives to keep silent

gradually began to recede. The front veterans started to tell things which previously were not intended for prying ears. Against this backdrop I convinced my father to relate how his childhood ended and his adult life started.

My father's story is divided into two parts – his experiences during the Soviet-German war and shortly after the war. Being a cultured man, well-read, educated, a lecturer with a long-term experience and an academic degree, my father spoke simply and clearly, convincingly and logically. When I made the audio recording in the village of Boyary, in Molodechno district, Minsk region, my father was 63 years old, almost as old as I am today. I still wonder at how many family names, geographical names, episodes, and particulars of the events he kept in his memory. When I made a transcript of the interview, I changed nothing, except some style stylistic errors, unavoidable in an oral narration. Thirty years after these records were made, I converted them into a digital format. It has become possible not only to listen and read these interviews by myself, but also to share them with others. All our past experiences become history. Of course, when these are significant – they transcend the limits of an individual fate and become a public asset. I consider my father's story a significant one, and so I have decided to present it to a wider audience. In Soviet times, military memoirs, as a rule, emphasized heroic, not tragic, events. The tragic side of life was perceived through the prism of overcoming the difficulties and privations.

My father's memoirs turned out to be so truthful in content and so penetrating that I have used them in my scholarly work. I quote his words, words that shattered my soul: "In 1945, when the war ended, I felt myself as a young oldster. I no longer had the feeling of being merry, mischievous, and lively, as was proper at my age. All these things in us were killed and buried. I mean this, honestly." The general conclusion made by my father, a twenty-year-old veteran, is tragic in its sense, although not devoid of optimism: *that I have survived is an accident, but that we have won is a law of nature*.

These words hurt me painfully, because, had my father been killed, I would not have been born, and thus, my children would not have seen the light of day. How many of these boys and girls born in 1925, and who were 16 in 1941, stepped into the fire of war, and did not return? How many children remained unborn, how many fates were broken? That is the terrible price of

the tribulations of the Jewish people that today has its own state. And let the memoirs of my father become a necessary particle in the complex, bright, and extremely contradictory picture which we call the history of the 20th century.

Having worked at the Diaspora Research Center at Tel Aviv University for more than 20 years, I have gained experience in research work: I have studied scores of memoirs, journals and reminiscences, have conducted hundreds of interviews with people of the war generation, and published my own books – that is, I've had the opportunity to compare my knowledge with what I first heard from my father. And my conclusion is: my father's memoirs are still relevant today, and they deserve to be presented for public attention.

During the preparation for printing the book *From my life experience*, documents, photos, and other materials from the family archives of Leonid Smilovitsky were used. In some of the documents of Lev Matveevich a mistake occurred giving the surname as *Smelovitsky* instead of *Smilovitsky*. His comrades-in-arms thought that his family name was derived from the word "smelyi" (bold, brave, in Russian), the more so since his conduct at the front gave every reason for such a definition. So, the name should be written with "E." It can be assumed that at less than 18, when my father joined the army, he himself was not aware that many Jews got their names from their place of origin. In his case from the shtetl of Smilovichi, in Minsk gubernia, from where his ancestors most likely came to Rechitsa.

Leonid Smilovitsky,
Jerusalem May, 2016

Начало войны

К сегодняшней нашей встрече, Леня, я просмотрел некоторые книги, вырезки, фотографии. Обратил внимание на книгу, которую ты мне подарил. Ты, конечно, уже не помнишь, какую сделал тогда надпись 23 февраля 1977 г.: «Папочке в день Советской Армии. Папа, я читаю эту книгу и вижу в ней тебя». Действительно, это одна из оригинальных книг Константина Михайловича Симонова. Не проза, а альбом «Шел солдат», беседы его с теми солдатами, которые были удостоены трижды ордена Славы. Видишь, прямо на первой странице – солдат, не приукрашенный, в обмотках, со скаткой через плечо, грязный и усталый. Он весь в морщинах, не красавец, прямо скажем, но вместе с тем солдат. Константин Симонов прямо пишет в предисловии: «Шел солдат. О том, как он шел, как он сначала отступил до Москвы, но не отдал ее, а потом до Сталинграда, но не отдал его. О том, как он дошел до Берлина и взял его, мне рассказывали самые главные люди войны – солдаты». Вот об этом надо поговорить …

Когда, папа, ты впервые услышал слово «война», при каких обстоятельствах? И как ты к этому относился? Не в 1941 году, а вообще, – что такое война?

Мое поколение родилось со словом «война» на устах. Когда ты впервые услышал это слово? Наверное, чуть ли не с детского сада? И у нас было то же самое. Я родился в 1925 г.

Семья Смиловицких, слева направо: Мотл-Борух, Хаим, Лейба и Лея. Фото в Речице, 1928 г.

Гражданская война только закончилась. Это было по ее горячим следам, все только о ней и разговаривали. Но речь шла о войне с белыми, с поляками, с бандами Булак-Булаховича. В начале двадцатых годов, например, эта банда ворвалась в Речицу и расстреливала коммунистов, евреев и всех, кто сочувствовал советской власти. На глазах нашей соседки Рахили Циркиной, когда она еще была ребенком, расстреляли ее родителей и всех родных. Только она одна чудом осталась жива. После этого Рахиль немного тронулась… Так как мы, дети, могли не говорить о войне? О войне, о патриотическом воспитании много говорили в школе. Более того, я хорошо помню, как прекрасно была налажена работа военных кружков: ОСОАВИАХИМа[1], ГСО[2], ГТО[3], «Ворошиловского стрелка»[4].

Нас готовили к войне, не к нападению, а к защите, естественно. Почему? Нам говорили, что враг не разбит, ни внутри страны, ни извне. Мы находимся в окружении врагов, как в осажденной крепости. Такое у нас воспитывали мировоззрение. Учили, как пользоваться противогазами, какие есть отравляющие вещества, газы. До сих пор помню названия: иприт, люизит, как от них спасаться. Их ведь применяли в Империалистическую войну, десятки тысяч людей отравили. И готовились мы на полном серьезе.

---

[1] ОСОАВИАХИМ – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству – советская общественно-политическая оборонная организация, существовавшая в 1927-1948 гг.

[2] ГСО – «Готов к санитарной обороне», программа массовой санитарной подготовки населения (с 1934 г.), Союза Красного Креста и Красного Полумесяца СССР; включала изучение правил оказания первой медицинской помощи, гигиены, санитарно-химической защиты и др.; из активистов кружков ГСО формировались санитарные посты и дружины.

[3] ГТО – «Готов к труду и обороне СССР», программа физкультурной подготовки (с 1931 г.) в общеобразовательных, профессиональных и спортивных организациях в СССР, в системе патриотического воспитания, охватывала население в возрасте от 10 до 60 лет.

[4] Ворошиловский стрелок – нагрудный значок ОСОАВИАХИМ и РККА для награждения метких стрелков (с 1932 г.).

Несмотря на то, что существовали международные конвенции?

Мы ни о каких конвенциях знать не знали. Речицкие мальчишки, и я в том числе, участвовали в ОСВОДе на Днепре, готовились к походу от Днепра до Черного моря. Кстати, 22 июня 1941 г. мы должны были отправиться в такой поход на вельботе. Вельбот – это большая лодка, в которой сидят около 30 человек. С одного борта гребут человек 12 и также с другого. У каждого по одному веслу, на корме – рулевой. Война все эти вещи отменила.

И вопрос не в том, когда мы услышали впервые о войне. Мы были воспитаны в духе: «если завтра война, если завтра в поход, мы сегодня к походу готовы». Начнись война – мы врага обязательно разобьем, и малой кровью. Были в этом убеждены. Молодежь всегда романтически настроена, а в то время – особенно. Если ты хочешь знать, мы внутренне желали войны, можешь себе такое представить? 22 июня впервые объявили о начале войны. Радиоприемники представляли собой большую редкость. Они были у единиц, людей состоятельных, или в учреждениях. У большинства радио не было, а вместо них – тарелки, репродукторы. Черная такая тарелка, она висела у нас в зале, она и объявила, что началась война.

В то утро я оказался дома. Смотрю, мама стоит в зале и внимательно слушает. Женщина она была простая, окончила вечернюю школу, кстати, вопреки воле мужа, который так и не научился читать и писать. Ревновал. Мама считалась у нас на улице политически грамотной: слушала радио, читала газеты, соседям рассказывала. И вот она стоит у репродуктора, а по щекам текут слезы. По характеру мама была сдержанной, эмоций своих обычно не показывала, и тут… слезы. Спрашиваю, почему плачешь? Мама отвечает: «Сынок, представляешь, война!» А я отвечаю: «Ну и что? Это даже хорошо, а то мы не могли бы отличиться, а теперь мы пойдем на фронт, за несколько дней фашистов разобьем. Всех освободим, все люди будут свободны. Во всем мире будет дружба». Мама мне отвечает: «Эх, сынок, что ты говоришь? Неизвестно, чем все это кончится, и не забудь, что на границе твой брат Хаим. Он же только две недели, как окончил училище и уехал на границу. Живой ли он еще? Я отвечаю: «Наша армия такая сильная! Наш Хаим такой парень!»

Красноармейцы. Фото Аркадия Шойхета 1928 г. (слева) и Георгия Патрусова 1940 г.

А назавтра над Речицей мы уже видели немецкие самолеты с огромными, как нам казалось, черными крестами на крыльях. Нас они не бомбили, летели на Гомель. Летели так низко, что мы были удивлены. Глядели, рты разинув, не понимая еще, что к чему, пацаны на Комсомольской улице. Мне было 16 лет, только закончил восьмилетку. Спустя несколько дней начал гореть Гомель. Канонаду было слышно в Речице, за 40 км, а ночью – зарево…

Речица находится в глубинке Белоруссии, относительно далеко от границы, поэтому первые недели войны мы жили еще спокойно. У взрослых было тревожное состояние, но официальная пропаганда дезинформировала, в основном через радио. Достоверных сведений не было. Нам внушалось, что ничего страшного не произошло, все поправимо. Чувства опасности не было, мы и не представляли себе, что немцы могут очутиться в Речице. Мы тут родились, выросли, это наша земля и Красная Армия такая сильная! Социалистическая армия без всяких «их благородий». Мы слышали это в песнях, смотрели в кино! «Всех сильнее, всех победим!» В школе нас учили, что чувство классовой солидарности международного пролетариата не позволит сокрушить СССР. Что поднимется мускулистая рука мирового рабочего класса, и Гитлеру придет конец.

Итак, чувства опасности не было, со дня на день мы ожидали известий, что немцы разбиты и отброшены через границу. Радио поддерживало такую иллюзию. Вместе с тем, было удивительно, что, несмотря на сообщения Совинформбюро, вроде: «происходят упорные бои в районе Бреста, потом у Гродно, но наши доблестные войска отбивают яростные атаки фашистских извергов»… Потом все ближе и ближе, уже Минск сдали. Мама моя, твоя бабушка Лиза (Лея Мордуховна Верткина), человек наиболее грамотный в нашей семье, понимала, чем это пахнет. Тем более, что через Речицу со стороны Западной Белоруссии шли беженцы. Они и рассказывали, что творятся страшные бесчинства, что убивают, главным образом, коммунистов, политических и евреев. Поэтому эти люди и бежали прежде всего. Стали поговаривать, что нужно быть настороже. По времени это конец июня – июль 1941 г.

Но были и другие разговоры. Например, напротив нас жили Гуревичи. Отец семейства, бывший нэпман, и против него существовало

предубеждение. До войны нэпман в городе был то же, что кулак в деревне. По крайней мере, так нам это преподносили и внушали. Гуревич работал служащим и, естественно, особенно советскую власть не любил. На законном основании, потому что она его обобрала. Все знали, что его отношение к властям нельзя было назвать лояльным. Но Гуревич считался человеком грамотным, и с его мнением считались. В разговоре с матерью, что делать, если немцы приблизятся, на мысль мамы об отъезде, что иначе погибнем, Гуревич возражал: «Немцы – это цивилизованный народ. Никакого разбоя нет, это разговоры. Их бояться не надо. Вот и в Гражданскую, империалистическую войну немцы были? Ну и что, они даже защищали гражданское население. Если брали что-то – платили. Кто расстреливал и убивал? Бандиты, булаховцы, националисты, а немцы, наоборот, защищали». Гуревич говорил это вслух, и кое-кто к нему прислушивался. Мама имела, конечно, свое мнение и менять его не собиралась.

Несколько раз за лето было две или три «паники» в Речице. Это поднимался слух, что немцы уже на подходе к городу, и нужно спасаться, пока не поздно. Фронт прорвали… Люди подхватывали то, что у кого было под рукой, и бежали на Лоев, в сторону Киева, это 60-70 км вниз по Днепру. Кто на чем: кто на барже, кто на подводах, кто пешком, о машинах, конечно, и речи быть не могло.

У моего отца, твоего дедушки Мотл-Боруха, была лошадь. Работал он на перевозке грузов ломовым извозчиком. В 1930-х гг. он пассажиров перевозил, а потом эти артели извозчиков «прикрыли» огромными налогами. Перевозить грузы, песок, бревна, другие тяжести еще разрешалось. Папа был физически сильным, здоровьем обладал завидным и занимался этим делом.

Мама сказала: нужно ехать. Без всяких, с характером была. Отец не хотел бросать все, что нажили тяжелым трудом, но мама заставила. Сказала: ты можешь оставаться, а я заберу детей и уйду! Пошли на Лоев, но побыли там 2-3 дня, видим, что все спокойно, и решили вернуться.

Мне было 16 лет, а в это время все влюбляются. Помню, мне очень нравилась Ляля Жеженко, наша соседка, отличница, знала немецкий язык, у нее были родственники из Прибалтики. Как я после войны узнал,

родителей ее репрессировали, и она воспитывалась у тети. Девочка была очень толковая, грамотная, красивая, она мне нравилась, даже, если хочешь знать, была детская любовь. Я боялся ей, конечно, сказать, стеснялся. И вот, когда мы уходили в сторону Лоева, шли мы по Советской улице: телега, папа держит лошадь, мы рядом, а она шла напротив. Остановилась еще так, посмотрела, как мы уходили. Стало очень неловко…

В Лоеве все было тихо, и мы засобирались назад. Мне так хотелось обратно в Речицу, что я ушел впереди родителей с одним из своих дальних родственников, Любинским. Мы прошли от Лоева до Речицы пешком почти 60 км. Такое со мною было впервые. Можешь представить, мы шли почти без груза, но еле добрались, ноги гудели, спина, я этот поход на всю жизнь запомнил. Пришли в Речицу, она опустела, многие уехали.

Райком партии и райком комсомола после речи И.В. Сталина 3 июля 1941 г. начали создавать народное ополчение. Мы записались туда вместе с Исааком Бабицким первыми из класса. Потом, недельки через две, еще двое ребят пришли в ополчение – Жора Зырко и Володя Хотенко. Почему пошли в ополчение? Конечно, не только романтика. Мы были так воспитаны, чувство долга было очень высоко. Раз к нам обратились, мы не могли быть в стороне. Причем заметь, что мы не были комсомольцами. Комсомольцы не пошли, а мы с Исааком пошли. В нашем классе уже многие вступили в КСМ, а мы не подавали заявления. Были политически несознательными? Вряд ли. Занимались серьезно спортом с пятого класса, изучали военное дело, были юными осводовцами[5], но готовыми себя к вступлению в комсомол не чувствовали. Да и семьи у нас были простые, и до конца необходимость этой организации для себя мы еще не осознавали.

---

[5] ОСВОД (аббревиатура от «Общество спасания на водах») – советская добровольная массовая общественная организация, имеющая целью охрану жизни и здоровья людей на водоемах (предупреждение несчастных случаев, обучение населения плаванию и способам спасания); помощь спасательным службам; упорядочение использования маломерных судов судоводителями-любителями.

Лейба Смиловицкий с одноклассниками. Фото в Речице 1940 г.

Существовало убеждение, что быть в комсомоле – это быть идеальными, кристально честными, а мы себя такими не считали. Это уже потом в комсомол пошли абы кто и вообще, после войны уже задача другая перед комсомолом была поставлена: чем больше в ВЛКСМ, тем лучше. Мол, несоюзная молодежь должна воспитываться в комсомольской организации. Но разве у молодых людей не должно быть самостоятельной политической организации? И последний момент: до войны, если ты не состоял в комсомоле, это не считалось признаком неблагонадежности, как теперь.

Короче говоря, пришли мы с Исааком Бабицким записываться в народное ополчение. Он был выше меня на полголовы, стройнее, а я такой малой, но крепыш, «солнышко» на турнике крутил. Его взяли, а меня не берут. Это было рядом с парком над Днепром: здание барачного типа и сейчас стоит, рядом с милицией. Там была и казарма, чтобы те, кто записался, уже домой не уходил, там и жил. Дело организовывали комсомольские работники, насилу уговорили принять и меня.

Выдали винтовки английские, откуда они у них там хранились? Не исключено, что еще со времен Гражданской войны. Винтовки были раза в два тяжелее, чем наши образца 1892/93 года. Я был ростом почти с эту винтовку с примкнутым штыком, можешь себе представить? Патронов выдали по 200 или 300 штук, с патронташами, со всем необходимым. Сколько угодно патронов, сколько кто хотел взять.

Какими же героями мы ходили по Речице! С винтовками, с патронташами, не просто так болтались по улицам. У нас были свои командиры подразделений, проводились занятия по строевой подготовке, питание за казенный счет – тоже водили строем. Что же мы делали? Охраняли главные стратегические объекты города: электростанцию, почту, вокзал, радиоузел. Ставили нас на пост не по два часа, как потом на фронте, а на всю ночь. Как-то по-дурацки. Вдвоем на всю ночь, может потому, что опыта не было?

Как сейчас помню: стоим, а в 4-5 утра идут люди на базар, мы кричим: «Переходи на ту сторону»! Нам было приказано и близко никого не подпускать. И мы на полном серьезе несли эту службу. Потом мы охраняли небольшой аэродром, который до войны был в Речице. Небольшой,

невоенного значения. На летном поле стояло два самолета, ночь, никого нет, и решили мы испытать, какая броня у самолета – ведь он участвует в воздушных боях, как он защищен? Ткнули штыком, а он прошел насквозь: оказалась фанера. Помню, уже тогда я был страшно удивлен, как на таких самолетах можно воевать? В воздухе? А если пули, а если снаряды? В сознании мелькнуло: так с какой же техникой мы вступили в войну?

Не обходилось и без курьезов. Дежурим однажды ночью и слышим отчетливо, что кто-то идет. Мы насторожились, кричим в темноту: «Стой! Кто идет!» Остановились, вроде. А мы вдвоем, два пацана. Успокоилось, потом опять движение. Чувствуем, что-то живое идет на нас. Кричим снова: «Стой! Стрелять буду!» Вроде опять остановилось. Прошло некоторое время и снова движение. Мы выстрелили вверх, как положено по уставу. Оказалось… корова. Иногда нас поднимали в ружье ловить диверсантов, которых забрасывали немцы в наш тыл. Они или занимались диверсиями, или, будучи переодетыми в красноармейскую форму, сеяли панику. Бегали, искали, но не буду хвалиться, никого на моих глазах не поймали.

Время шло, немцы прорвали фронт, и дошли до Паричей. Это совсем близко к Речице. Тогда начали записывать добровольцев в истребительный батальон. То есть уже не с целью охраны, а непосредственно для участия в боевых действиях с противником. И мы с Исааком туда записались. Нас и туда брать не хотели, но ребята мы были очень шустрые и добились своего. Сейчас, откровенно говоря, я еще не уверен, как бы поступил. Играли с судьбой, ходили по лезвию ножа и просто удивительно, как уцелели. Мы сами лезли в пекло… Сомнений тогда не было. Нас набрали из ополчения 30 человек, посадили на грузовики, отвезли в Горваль. Горваль от Речицы на запад – 30 км. Это по направлению к Мозырю, к Калинковичам, недалеко от Паричей. Линия фронта находилась уже в трех километрах. Выкопали землянки, ходы сообщения, жили обычной фронтовой жизнью. Но обмундирования военного нам не выдали, ходили в гражданском. Только винтовки и патроны дали. Впервые там узнал, что такое вши. Мыться было негде, грязь, питание неважное, и напали на нас вши. И в таком количестве, что буквально заедали. Житья никакого не стало! А потом я вспоминал, что даже на фронте не было

такого. Тогда были уже специальные дезинфицирующие службы, приезжали так называемые вошебойки, прожаривали наше обмундирование. Тут же ничего не было. Командир отделения Невор, лет на 20 старше был, чем мы, «дядька», как мы его звали, действительную уже отслужил, взрослый мужик такой, научил, как избавляться от этой заразы – на костре выжаривать. Снимет рубашку и просмаливает над огнем – треск стоял!

Впервые там я видел солдат и офицеров, которые вышли из окружения или бежали из плена. Меня это поразило: почему? Не гладенькие и чистенькие офицеры, а оборванные, измученные люди, с русыми бородами, грязные. Я и теперь отчетливо вижу их перед собой. Так врезалось в память. Мы одного такого покормили, напоили, он пошел дальше. Настроение было невеселое. В Горвале мы долго не были – до середины августа 1941 г.

Однажды приходим с Исааком из охранения, а никого нет, все ушли. Что делать? Пошли пешкодрала в Речицу, что еще оставалось делать? А там началась паника. Ни у кого уже сомнений не оставалось, что немцы войдут в Речицу. Мама стала категорически настаивать на эвакуации. Мы же никого ни о чем не спрашивали, ушли и в ополчение, и в истребительный батальон не спросясь. Поставили перед фактом. Родители были против. Но молодость такая жестокосердная! Никого не слушали!

На этот раз мама была непримирима: «Если ты с нами не поедешь, мы остаемся, и ты погубишь всю семью! Ты!» Помню точно число – 16 августа. Многие предприятия города райкому партии удалось эвакуировать. И мы, ополченцы, дежурили на вокзале. Мое сыновнее чувство взяло верх. Я согласился. У Исаака родители уже уехали, по-моему, на баржах по Днепру, он же с тетей Фаней, а тогда она была девочкой, поехал с нами. До этого мы зашли в ее дом. И ее родители уже уехали. Девичья фамилия Фани была Вайнер. Тоже восьмиклассница, училась совсем в другой школе, но девчонка была симпатичная, и они с Исааком между собой дружили. Как говорят сейчас – «любовь крутили». Сначала в одной компании были, а потом уже дружили по-настоящему: и на танцы ходили вместе, и уроки делали. Пришли к ним домой, открыли квартиру и увидели дохлого котенка, он остался в помещении,

скорее всего, впопыхах его не нашли, а он околел от голода. Картина эта мне запомнилась: мисочка, ничего в ней нет, и рядом трупик котенка… Отвратительное, тягостное чувство возникло. Решено было ехать. Дома осталась моя бабушка Бася, папина мама. Ей было тогда уже за 70, неграмотная. Разве мы думали, что уезжаем на всю жизнь, что война так затянется – на четыре года? С такими последствиями!

По радио продолжались ура-патриотические передачи и бравурная музыка: мол, войска сражаются, дают отпор, и люди, как бараны, верили. Это хорошо еще, что твоя бабушка Лиза, моя мама, способна делать собственные выводы. Мы взяли с собой самое необходимое, никакой ерунды. Забрали только шубу, доху на меху, которая представляла в наших глазах большую ценность. Она пробыла с нами всю эвакуацию, а когда мы возвратились обратно, то ее продали и купили корову. Эту доху, как сейчас я помню, мама купила в торгсине на золотое обручальное кольцо и золотые часики. Ей дали два мешка муки и эту доху.

А что такое торгсин?

Это государственное предприятие, занимавшееся скупкой у населения золота, которое использовали потом для нужд народного хозяйства[6]. Да и голод был страшный в 1932-1933 гг., поэтому люди искали и несли, у кого что было. Вот и мы сдали. Это сильно помогло в эвакуации: все вещи необходимые были, мы были одеты и обуты. Ничего в основном не нужно было покупать, более того, иногда даже ухитрялись продать какую-нибудь одежонку, чтобы выручить хлеба. А другие люди – были и такие, в чем стояли, в том и поехали – потом они страшно голодали и бедствовали. Правда, были и те, что бежали в панике.

---

[6] Торгсин (Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами) – государственная организация по обслуживанию гостей из-за рубежа и советских граждан, имеющих «валютные ценности» – золото, серебро, драгоценные камни, предметы старины, наличную валюту, которые они могли обменять на продукты питания или другие потребительские товары; создано в январе 1931 г., ликвидировано в январе 1936 г.

Семья Смиловицких, стоят слева направо:
Лиза (Лея) Смиловицкая (Верткина), Юда Смиловицкий
и Фаина Шимановская; сидят: Хая Смиловицкая, жена Юды,
Бася Смиловицкая (мать Мотл-Боруха);
внизу: Левушка и Рахмиэль Смиловицкие. Фото в Речице 1938 г.

Мы имели возможность увезти что-то, наш эшелон уходил последним из Речицы. Как раз эвакуировали фанерный завод. Проезжали через Гомель, весь город уже лежал в руинах. Города не было… По дороге нас неоднократно бомбили. Проедем 5-6 км, вдруг машинист останавливает состав, все выбегают и ложатся кругом. Самолеты налетают и бомбят. Потом все собираются и опять поезд трогается. Проедем некоторое время, и все повторяется. Машинист первый драпака дает, а за ним все остальные. Бомбы летят и дико свистят, это жуткая картина, страшнее любого снаряда, душу леденит. Потом оказалось, что немцы нарочно так делали хвостовое оперение авиабомб, чтобы создать психологический эффект.

Поезд наш шел в направлении Украины, на Бахмач, Чернигов. Потом повернули эшелон в другую сторону, проехали через Москву на Пензу и там выгрузились на станции Сура по имени реки Сура. Она протекает почти по всей Пензенской области. Местные власти расселили беженцев. Мы попали в семью железнодорожника; они жили прямо напротив вокзала. Папа устроился грузчиком на станции, а я начал ходить в 9 класс школы.

Как сейчас помню, был такой случай. До четвертого класса я учился в белорусской школе, и поэтому в речи моей половина слов была белорусскими, а вторая половина – русскими. Нечистая русская речь. И вот на уроке математики отвечаю я домашнее задание, а учитель поправляет: «Говори не «няхай», а «пусть», а я соглашаюсь: «Ну, няхай – пусть». Я этот случай забыл, а вспомнил только встретившись с этим учителем в Минске в 1966 г. в Белгосуниверситете, когда я сдавал кандидатский экзамен и работал над диссертацией. Он уже был доктором математических наук, жил во Львове. В эвакуацию на станцию Сура приехал из Ленинграда. Мы там колоски собирали, помогали урожай убирать, а мама была дома. И вот еще что осталось в памяти. Через станцию Сура двигалось много эшелонов из Москвы в Куйбышев, где должны были размещаться все центральные государственные учреждения, в т.ч. НКВД и НКГБ. Это был октябрь 1941 г., когда немцы вплотную подошли к Москве. Это меня поразило: если мы, пацаны, воевали, а тут полковники наркоматов внутренних дел и госбезопасности едут в эвакуацию, то что же это такое? На душе было очень тревожно. Эшелон шел за эшелоном.

АРХИВНАЯ СПРАВКА

В документах госархива Пензенской области, в списках граждан, эвакуированных и проживающих на территории Сурского сельсовета Больше-Вьясского района с 7 августа 1941 по 2 ноября 1947 года значится:

" ... Смиловицкий М.М., гл.семьи, 1892 года рождения.
Смиловицкая Лиза, жена, 1900 года рождения.
Смиловицкий Лев Мотел., сын, 1925 года рождения.
Смиловицкий Миля Мотел., сын, 1934 года рождения.
Семья эвакуирована из г.Речицы. Проживала в пос.Сура по ул.Советская."

Директор госархива
Пензенской области

Т.А.Евневич

№ 29-э
09.12.93

Другая очень важная деталь: эвакуированные ленинградцы, те, кого удалось вывезти по льду Ладожского озера, истощенные до предела. Я видел девушку 18-20 лет, которая выглядела как настоящая старуха. Люди потеряли даже чувство естественной стыдливости: оправлялись прямо на перроне вокзала. Это была зима 1942 г.

Жить в Суре было голодно, и мы перебрались в Башкирию. Ехали в теплушке вместе с солдатами. Офицер их оказался из Белоруссии, Калинин его фамилия и, когда он узнал, что мы его земляки, посадил нас к себе. Доехали до станции Туймаза в 60-70 км от Уфы. Это был район, где открывалось, как тогда говорили, второе Баку. В годы войны он приобрел огромное значение. Баку оказался под угрозой захвата немцами, и мы на юге могли потерять нефть. Люди были очень нужны, и нашу семью приняли с распростертыми объятьями.

Лейба Смиловицкий (крайний справа, сидит), ст. Сура Пензенской области.
Фото октябрь 1941 г.

Вспомни и посмотри!
Наилучшему другу
Смеловицкому Л. М.
от
супругов Бабицких
И.Н. и Ф.Е.

Жизнь коротка, бывают
моменты, когда она кажет-
ся тяжела, но всё-таки
хороша. Пройдут ещё
годы. Прошлое канет в
вечность. Но дружба и
теплыя отношения всегда
останутся приятными.
Будет время, взглянешь на
снимок. И надолго вспом-
нишь прошлое...
4.II.47 г. г. Речица.

Фаина и Исаак Бабицкие. Фото в Речице 4 февраля 1947 г.

Отец работал грузчиком, помогал ему и я, одновременно ходил в школу. Да, кстати, до Суры с нами ехали Исаак с Фаней, а потом они узнали, что их родители в Астрахани, списались как-то и уехали туда.

В Туймазе, действительно, жизнь была дешевле и лучше. Во-первых, Башкирия – это черноземный край, как и Восточная Украина. Там были доступны мед, молоко, пшеница – люди жили неплохо, особенно те, кто зарабатывал. В начале войны не успели еще все из Башкирии вымести.

Там я познакомился с другими эвакуированными ребятами, и мы стремились попасть на фронт с Лешей Кудряшевым из Ржева и Мишей Благовещенским. И был еще один парень из Туймазы – Коля Снегирев. Вот мы вчетвером и дружили. Мы все были ровесниками, 1925 г.р. Причем Коля в детстве перенес травму, и у него одна нога была короче другой.

Для того, чтобы скорее попасть в армию, мы учились в школе шоферов при военкомате, а кроме того, мы разносили повестки. Нас использовали как ребят грамотных для ведения личных дел призывников, переписывания различных бумаг. Делали все это с условием, что нас обязательно возьмут в армию.

Мы были еще допризывниками, 18 лет еще не исполнилось, военнообязанными не были, и они нами еще не могли командовать. Работал с нами капитан-инвалид, он все отговаривал: «Куда вы лезете? Учитесь, что вам нужно»! В Уфе размещался ряд эвакуированных учебных заведений, в том числе и высших, учиться было где. Нам бы учиться, дуракам, но мы были так патриотически настроены, что стремились только на фронт.

В конце концов, военком нам говорит: «Ну, что же, если хотите, можем вас отправить». Сейчас я думаю, что у него была разнарядка, а людей не хватало, и он нас сунул. Сказал, что назавтра мы должны быть пострижены наголо. Парикмахерской не было, и вечером мы сами себя обкорнали ножницами. Можешь себе представить, как это – стричься ножницами? Стали мы похожи на баранов.

Прихожу домой и говорю родителям, что завтра нас забирают в армию. Меня отговаривали, но я оказался плохим сыном, непослушным.

Лейба Смиловицкий накануне ухода в Красную армию, ст. Туймаза, Уфимской области Башкирской АССР, зима 1942 г.

Вышли нас провожать на вокзал, а во время войны знаешь, как садились на поезда? На ходу за несколько минут, поезд только притормозит, и все лезут, распихивая друг друга, в окна, двери и на крышу. Точь в точь, как это описано у Н. Островского в романе «Как закалялась сталь». Лезть нахалами, там такая толпа рвалась, и нужно было успеть. По головам, кто как. Ворвались в этот вагон, поезд тронулся, и тут я понял, что я даже не попрощался с родителями. Уезжал на войну и даже не попрощался, как следует. С тех пор я их всю войну и не видел. Часто потом эта картина расставания стояла у меня перед глазами.

Мама предлагала взять с собой больше еды, я же все выложил, упрямый был, и оставил только на два-три дня. Об этих оставленных продуктах и я потом не раз вспоминал. Нас загнали в какую-то школу, превращенную в сборный пункт, именно загнали. Закрыли, не кормили, не поили. Вокруг уже охрана стояла и проволока. Прямо в Уфе, километра два от вокзала шли пешком. Это только из Туймазы нас было десятка три, а вообще набралось несколько сотен.

Ребята мы были неопытные, буквально назавтра смотрю: мой сидор «сперли» вообще, со всем, что там было. Мы буквально голодали. Принесут на день какой-то похлебки, кто схватит, тот и съест. Не схватишь – и не съешь. Как жили? Подходили к проволоке и выменивали на свою одежонку хлеб у местных жителей. Понимаешь? Оделись в такое рванье, что себя с трудом узнавали. Каким-то чудом у меня сохранилось пальто папино на меху. Было оно у нас дома чуть ли не с Гражданской войны. Помню, черного сукна и воротник. Валенки хорошие отдали, пиджаки, рубашки, шапки, а дали нам взамен рванье, только чтобы тело прикрыть.

Так мы «перекантовались» что-то такое дней десять. Кто же украл? Дело в том, что с нами вместе были не только добровольцы и призывники, но и те, кого посадили в свое время в тюрьму за мелкие преступления – хулиганы, воры, а теперь их выпустили, чтобы взять на фронт. И это жулье нас обворовывало. Как ловили вора – его пропускали сквозь строй. Что это такое? Два этажа в школе, по обеим сторонам лестницы стоят молодые ребята, вора пропускали сверху донизу, и каждый давал ему кулаком, сколько мог. Вниз он уже падал еле живой. Вот такие нравы были в той школе у нас. Мы были самые молодые, а возраст у

мобилизованных был разный: и по 30 лет, и по 35, до 45 лет. Никто не чаял, как оттуда вырваться, и когда сообщили, что нас повезут в воинскую часть, мы были рады безмерно.

Привезли нас железной дорогой на станцию Кузоватово в Ульяновской области. Мороз страшный. Сначала завезли в какую-то казарму, там были нары, мы немножко обогрелись, отдохнули, а затем всю эту рвань, т.е. нас, собрали и повезли куда-то за город. Это был 8-й учебный запасной полк.

Ты что, специально учил все эти названия? Сколько лет прошло, а ты их помнишь!

Да никогда не учил, не держал в памяти, но запомнил на всю жизнь. Как? Почему? Не могу объяснить. Бывают такие вещи. Это врезалось на всю жизнь, многое позабывал, а это помню. 8-й учебный автополк. И вот мы должны были дойти до этой воинской части от железнодорожной станции километров 15. Мороз, одежда в дырах, обувь «каши просит», снег в нее набивается, а тут еще пурга поднялась и ночь. Коля Снегирев буквально падает, не может идти. Мы же так четверкой от самой Туймазы и держались. Он же хромой. Стали мы его по очереди на горбу тащить, как могли – я, Миша и Леша, вот так его и волокли. То один, то другой, то третий… Как мы дошли – ума не приложу. Приползли еле живые и повалились на нары. А это в лесу, обыкновенные бараки. Правда, утром нас покормили горячей пищей, уже из котлов, как положено, сводили в баню, но обмундирования еще не давали.

Началась работа мандатной комиссии. Вызывали каждого и спрашивали: откуда, фамилия, имя и отчество, образование и пр. Пошел отсев. Я смотрю, Колю Снегирева сразу повернули. Выходит он из дверей и на лице кривая улыбка. Что такое? «Отправляют домой». «Как домой?» «А вот так. Даже на меня накричали – как ты сюда попал хромой?» Правда, огорчения в его лице я не увидел. Пожалуй, более того, мы ему завидовали. Понимаешь? Потому что попали в переплет в этой школе, потом переход от станции Кузоватово до учебного полка, еще фронта и близко не видели, а уже захотели домой к родителям. Но

домой, конечно, не пускали. Отдал я Коле свое пальто, более-менее приличное, потому что я знал: дома-то голые-босые, в стране у нас всегда с одеждой было тяжело. Взял его рваную фуфайку, и мы его проводили.

Чтобы дурных мыслей не появлялось, призывников заставляли работать. Работа заключалась в чем? Во-первых, дрова были нужны, а во-вторых, вечно там строили что-то: то бараки, то навесы какие-то. Вот нас и гоняли пилить лес и таскать бревна на горбу. Причем овраг какой-то обрывистый, вверху стояли два сержанта, а мы должны были снизу тащить бревна. Сержант смотрел: если бревно в диаметре было меньше 12 см, то сбрасывай его вниз, и гнал обратно. А если нормально – тащи дальше. Была и норма, если хочешь пообедать. Рваные, голодные, завшивленные и такой еще рабский труд. Холодно, но ничего, я там не видел, чтобы кто-то болел. Молодые, понимаешь, здоровые были.

Прошли мы мандатную комиссию, попали в автороту. Изучали ЗИСы, полуторки, практику вождения, ходили в наряды – все как положено. Только через две недели нас обмундировали. Но тут началась оттепель, и мы к своим рваным опоркам делали деревянные колодки и привязывали шпагатом. В таком виде и шлепали. Это был так называемый карантин. Потом всю рвань забрали и выдали военную форму, шинели. Занятия пошли как в любой воинской части, что ты и сам знаешь и прошел. Тут я для тебя ничего нового не могу сказать. Были и теоретические занятия, и практические, и стрельбы, ночные марш-броски, автомарши, а чего стоила каждый день физзарядка? В шесть утра выгоняли на мороз с голым торсом, умывались прямо из лунки, бежали метров 800, делали зарядку. Так нас закалили, и никто не болел.

Там я познакомился впервые с комсомольской работой. Вступил я в комсомол, когда работал в военкомате, в 1942 г. в октябре месяце. Можешь себе представить: немцы были под Сталинградом, а мы вступали в комсомол! Не все это делали, далеко не все… В учебном полку комсомольцев было не так уж много, политработники сделали на нас ставку. Вызывает меня один старший лейтенант и поручает сколотить комсомольский актив. Ты, говорит, чувствуется, парень грамотный,

толковый, и мы сделаем тебя комсоргом роты, а ты постарайся помочь нам сделать роту лучшей.

Я как-то не отказался, начал работать, приняли многих ребят в комсомол, собрания боевые проводили. Работа шла как следует. Меня даже стали часто освобождать от многих других занятий. Кроме того, чтобы лучше кормиться, я вспомнил о своих гимнастических успехах в Речице. Организовали в роте акробатический кружок из четырех человек. Нас возили даже показывать наши номера в другие подразделения. Потом кормили до отвала. Поесть как следует молодому человеку, да в тех условиях, было большим делом.

Случилось так, что перевели меня даже на освобожденную комсомольскую работу. Разрешили как комсоргу роты, учитывая то, что я связан с разными подразделениями, свободно передвигаться по части, заниматься по индивидуальному плану. Комсомольская работа мне нравилась, ее я считал важной и нужной.

Закончили мы учебу где-то в мае 1943 г., и всех ребят стали отправлять на фронт в боевые части. И тут, представляешь, опять-таки интересные юношеские чувства: отправили моих друзей, тех ребят, которые пришли со мной сюда из Туймазы. Уходили Леша Кудряшов, Миша Благовещенский и Ваня Свинолупов. Впервые вот сейчас вспомнил эту последнюю фамилию. Никогда в жизни не вспоминал, а тут… Да, их отправили под Горький, и я давай проситься, чтобы меня отправили с ними. А мне говорят: нет, здесь ты нужнее. У нас учебный автополк, придет новое пополнение, кто с ними будет заниматься? Как я ни упрашивал, как ни уговаривал, ничего не помогало.

Упрямства мне было не занимать, и я решил: раз меня не слушают, то и я не буду слушать! Не понимал, дурак, что уже принял присягу, да еще в условиях военного времени, они могли и должны были строже ко мне отнестись. Все-таки это армия, а не гражданка. И я перестал ходить на службу. Несколько дней вообще никуда не выходил. Вызывали меня к политработнику, поговорили со мной один раз, другой… Увидели, что по-хорошему ничего со мной не сделать, и отправили меня тоже. Но все равно: я от своей компании оторвался и больше никогда в жизни их не видел.

Первое водительское удостоверение Л.М. Смиловицкого.
Гороховецкие лагеря, май 1943 г.

Может, они погибли?

Скорее всего, погибли. Мало кто нашего года рождения уцелел, только 3 %. Да, вот еще одного вспомнил, – Миша Сурков. Это поранило мою душу. Юношеские дружеские отношения, вот эта жесткая военная жизнь, непередаваемая верность друг другу, собирались вместе воевать… Нас разъединили насильно, и это чувство я запомнил на всю жизнь.

Шли вы добровольно, дело было общее, а тут на каком-то этапе, казалось бы, второстепенном, вас разлучили?

Все разрушили, причем так грубо, не разговаривая, ни в какую! Это, если хочешь знать, ожесточило меня. Подобного чувства дружбы и товарищества я больше никогда так остро не испытывал в течение жизни. Уже не было остроты этого чувства. Не знаю, внятно ли я тебе говорю все это, но пытаюсь передать то, что тогда ощущал.

Везли нас через Горький, я запомнил невероятно длинный мост через Волгу. Я и представления не имел, что есть реки, которые скорее напоминают море, что могут быть такие мосты. Попали мы в Гороховецкие лагеря. Это где-то в районе г. Павлова Горьковской области. Этот сборный пункт был знаменит на всю страну. Было тепло, мы, десятки тысяч людей, жили в палатках, а не в землянках.

Десятки тысяч? Целый палаточный город?

И даже не один палаточный город! На многие километры он был разбросан.

Ты не преувеличиваешь?

Да что ты говоришь – преувеличиваю! Туда везли солдат со всех фронтов на переформирование. Я встречал там людей и с южных направлений, и с северных, и с каких хочешь. Огромные лагеря запасных

полков. Именно оттуда черпал молох войны свои людские силы, пушечное мясо на все фронты[7].

Жуткое дело, как мы жили. Хватали шайки с едой. Принесут обед: кто сильнее, тот и схватит. Не схватил – не съел, остался голодным. Поэтому можешь поверить: оттуда дезертировали на фронт. Слышал такое выражение «дезертировать на фронт»? Оно тебе не кажется странным? Убежать оттуда, как-то пристроиться к проходящей воинской части, которая ехала на фронт, потому что знали, что там, на передовой, нас судить не будут. Пробыл я там недели две или три. Я рвался в каждую команду, которую формировали на выезд, но до дезертирства пока еще не дошел. Когда приезжал так называемый «покупатель» за пополнением, мы его окружали и умоляли себя взять.

И вот однажды приехал, по-моему, майор XI гвардейского минометного полка. Мы его окружили, стали умолять взять нас. Он спросил, что кто умеет делать, откуда мы. Я сказал, что был в учебном автополку, что я шофер. Он сказал: «Ну что ж, шофера нам нужны. Давай сюда».

Он отобрал меня, еще других ребят, и повезли нас в Москву, затем еще дальше в полк. Получили мы старые разбитые ЗИСы[8]. В моей машине аккумулятор был совсем севший, я рукояткой мотор все время

---

[7] Гороховецкие военные лагеря – основаны в конце XIX в. на шоссе Москва-Нижний Новгород для пехотных, кавалерийских и артиллерийских полков русской армии; отсюда уходили на Русско-японскую (1904-1905) и Первую мировую (1914-1918) войны; в годы советско-германской войны в учебном центре прошли подготовку десятки тысяч солдат, сержантов и офицеров, было сформировано и отправлено на фронт более 300 соединений и частей. Однако условия размещения запасников были тяжелыми, люди жили в антисанитарных условиях, без теплого обмундирования, их плохо кормили, не оказывали медицинской помощи, некоторые умирали, не успев попасть на войну, а остальные мечтали быстрее отправиться на передовую.

[8] ЗИС – советский грузовой автомобиль, один из основных транспортных автомобилей Красной Армии в годы Великой Отечественной войны, выпускался на автомобильном заводе им. И.В. Сталина (1933-1948 гг.)

заводил, ладони содрал в кровь. Приборная доска побита, амперметр не шевелился – нужно было восстанавливать. Но нас повезли уже сразу на фронт с минометами до Вязьмы.

Колонна на марше. Западный фронт 1941-1943 гг.
Фото неизвестного автора

А минометы, какие были?

122 мм.

Большие такие минометы?

Да, самый большой калибр. Полковая минометная артиллерия. Боевое крещение мы приняли под Вязьмой в Смоленской области.

Проехали десятка полтора километров, даже меньше, не успели разгрузиться, и тут налетели немецкие мессершмитты. Мы шли колонной, заехали в лесочек, и два этих самолета из всей нашей батареи сделали «котлету»…

А, в батарее сколько было?

Три взвода, около сотни человек. До сих пор помню ту бомбежку. Жуткое зрелище: убило несколько офицеров, у одного, молодого лейтенанта, оторвало ноги. Лошади убитые лежали, потроха наружу вывалились. Все кричат, кровища льется. И все это – за какие-то несколько минут.

Мы и спрятаться не успели. Я поопытнее, был все-таки в истребительном батальоне в августе 1941 г. Так я никуда не бегал: бросился на землю где стоял, и лежал. Упал – и не двигался. Во время бомбежки двигаться нельзя, хоть на ровном месте, но лежи. Это закон! А другие, неопытные, бегали, искали, куда бы спрятаться. Вот они и погибли.

Кончилась бомбежка, я смотрю: в моей машине баллоны пробиты, в других тоже. Люди плачут. Раненые стонут. Мы начали их перевязывать, кто как мог. Из двух-трех машин собрали одну, раненых положили и отправили куда-то обратно в тыл. Ну, а мы остались. Так началась моя настоящая военная жизнь.

Я потом часто вспоминал, что сам напросился на этот ужас. Вечно полезу, куда не надо. Это уже когда мне лет 40 стукнуло, я понял, что так долго ходил по лезвию бритвы и какой опасности подвергал свою жизнь. Да и вообще все мы ребята были такие, а ты уже расцени сам, как все было тогда.

Да, но, с другой стороны, если бы не было такого патриотического подъема на уровне самопожертвования…

Тогда бы, конечно, вообще ничего не было. Не победили бы.

Постой, в своем рассказе ты упустил такой важный момент, как переписка с домом. Когда ты ушел, наверное, обещал писать?

Это тема особая. Первое письмо из дома я получил на станции Кузоватово. Мама регулярно писала, отец же был неграмотный. Она сообщала, как они живут. Я регулярно отвечал. Письма были большой радостью. Мы впервые в жизни были так долго оторваны от семьи, от всего привычного, находились в таких диких условиях, хоть и не были городскими неженками, – это делало острее родственные отношения. Назад-то не пускали. Я, может быть, даже, если бы отпустили, ушел бы, уехал бы, улетел бы на крыльях. И, конечно, каждое письмо из дома было для меня большой радостью. А письма были… Ну, какие письма могла мать написать? Обыкновенные, простые, любящие: рассказывала, как они живут, как работают.

Большие письма?

На две – три странички. Обычные письма – треугольнички без марок. Ждал я их очень, но ни одного не сохранилось. Я не понимал их важности, да и где их было хранить? Так, полежат немного, а куда они потом девались, я и не помню.

Что мы носили в нагрудном кармане? Комсомольский билет да красноармейскую книжку. Вот и все, ни тумбочек у нас не было, ни каптерки. Это же не мирное время. Это раз. А второе: мы же не думали ни о будущем, ни о чем, жили сегодняшним днем, – просто как растет трава. Если бы мы думали!

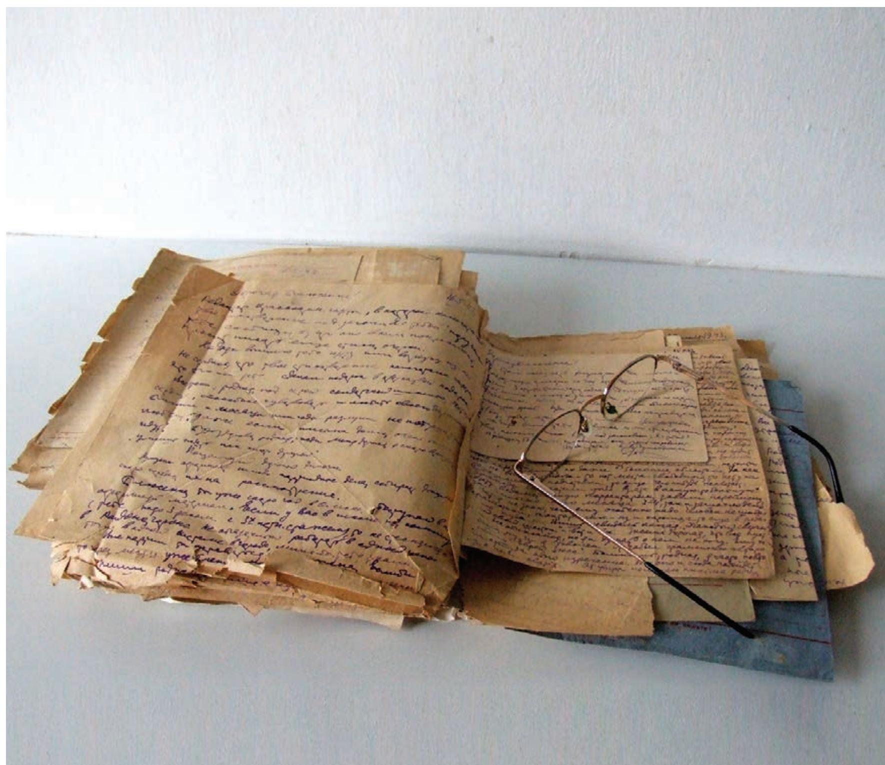
Но с полной уверенностью, что вы живете так, как нужно? Что по-другому нельзя, то есть это – единственно правильный путь?

Точно так! Не было и тени сомнения, что у нас, в армии или в руководстве, может быть что-то неправильно.

И обсуждать не принято было?

Никто даже и не думал! Все это считалось само собой разумеющимся. Как же: руководству виднее. Была дана команда – ее нужно

исполнять. Никто не думал, что может быть иначе. Никто не думал. Это вот сейчас разговоры разные про армию: есть, оказывается, неуставные отношения. У нас этого в сознании не было. Другое дело – можно было обижаться на того или иного командира, но в целом понятие армейской дисциплины было у нас другое, чем теперь.

Фронтовые письма 1941-1945 гг. Фото Леонида Смиловицкого

Боевое крещение. Ранение и госпиталь

Итак, разбомбили нашу батарею под Вязьмой. Что мог чувствовать я, 17-летний пацан? Но ведь я уже был не просто пацан: меня сделали водителем «кобылы», солдатом, ответственным за свою машину, к которой был прицеплен миномет 120 мм. Прежде всего, мы начали спасать раненых, перевязывать, оказывать первую помощь. Нашему командиру взвода, 20-летнему лейтенанту, молоденькому совсем пареньку, оторвало ногу. Мы перехватили ему ногу жгутом выше колена, солдат сел с ним в кузов, стал его успокаивать, как мог. Он же то терял сознание, то приходил в себя. Даже медработника не было. Познания наши в медицине были небогатые. Сделали, как могли.

Одновременно из нескольких машин слепили одну. Переставили баллоны, где они уцелели, быстренько положили раненых и отправили обратно в Вязьму. На моей машине поехал другой шофер, я остался на месте, так что не знаю: как они раненых довезли, кто жив остался, а кто умер по дороге. Собрали еще какие-то машины, которые удалось, и нам скомандовали: «Вперед, к фронту!» А до фронта было еще 20-25 км. От батареи осталась уже половина. Минометы все целы, машины и людей побило, мины тоже сохранились.

Приехали на фронт, соединились еще с двумя батареями, которые входили в наш полк. Они оказались целыми, их не накрыли. Пришли артмастера, автомобильные слесари, починили, что могли. Но я запомнил такой момент. Машины-то были старые, ЗИС-5, электрооборудование

еле-еле держалось, на соплях. В моей машине, как я обнаружил, еще и тормоза не работали. Когда ехал с одной горки, то машина так раскатилась, что невозможно было остановить. Мы летели вниз с горы, в кузове сидели солдаты, лежал миномет и снарядные ящики, скорость огромная, а остановиться нельзя! Сердце так сжалось, я думал – разобьемся. Каким-то чудом удержал руль и выправил машину. Просто счастье какое-то, что мы уже после бомбежки не разбились. Да и какая у нас была подготовка профессиональная? 50 часов практического вождения – и сразу сюда.

Было еще несколько раз, когда мне приходилось ездить с неисправными тормозами. Уже позже, в Польше, я ехал на приличной скорости, а впереди возникло препятствие, и нужно было повернуть. Вывернуть, как следует, не получилось, я въехал в толпу солдат, которые стояли на повороте дороги, и чуть их не задавил. Они, обозленные, подбежали к машине, открыли дверь, хотели меня отлупить, но, увидев мальчишку за рулем, только обругали последними словами. Это была уже другая машина, английский Бедфорд, с правым управлением[9].

Мы принимали участие в освобождении Смоленщины[10]. Минометы стреляют, как известно, крутой траекторией, навесом. В этом их большое преимущество. Не обязательно находиться на передовой: можно стоять за лесочком и делать свое дело. Мы стояли не против немцев, а примерно в 1,5-5 км. Это тебе, наверное, не интересно, война как война, об этом уже сто раз написано и сказано.

---

9 В армии эта модель использовалась в качестве артиллерийского тягача, перевозчика вооружения, командирского автомобиля и автомобиля связи. Существовал специальный вариант QLD, который был наиболее распространён в армии. Этот грузовик использовался как бронетранспортёр и был ответом на германский полугусеничный грузовик.

10 Имеется ввиду Смоленская стратегическая операция 7 августа – 2 октября 1943 г. войск Западного фронта, проведенная с целью разгромить левое крыло немецкой группы армий «Центр» и не допустить переброски ее сил на юго-западное направление, где Красная Армия наносила главный удар, а также освободить Смоленск.

ЗИС-5, фронтовые дороги. За рулем Лев (Лейба) Смиловицкий,
Фото 1943 г. (вверху)
ЗИС-5. Моше Смиловицкий, внук Лейбы Смиловицкого
в Белгосмузее истории Великой Отечественной войны в Минске,
лето 2014 г. Фото Леонида Смиловицкого (внизу)

Но немцы тоже имели подобное оружие, и даже похлеще. У них был многоствольный миномет, который мы называли почему-то «ванюша», типа реактивного. Он как заскрипит, и сразу вылетает целая серия мин! Мы как услышим этот скрип, так сразу падаем на землю[11].

Однажды в совершенно, казалось бы, не боевой обстановке, я стоял возле машины, чинил что-то как обычно, потому что машина старая, вечно у нее что-то ломалось, вдруг слышу рев «ванюши». Вокруг начали рваться мины. Он накрыл нашу батарею. Взрыв – и один осколок попал мне в бедро. Удар был глухой, тупой, как будто ударили с размаху доской. По казенному месту (ниже спины). Меня сшибло с ног. Боли я не почувствовал. Вокруг тихо, солнце, прекрасная погода летняя и вдруг «хлоп»! И свалило наземь. Упал я и думаю: «Ну, все, убило!» Потом думаю: нет, если соображаю, значит еще живой. Следующая мысль: живой-то ладно, но, наверное, ноги оторвало. Все это – диалог с самим собой. Пошевелил ногами – двигаются. Полилась кровь. Брюки стали мокрые и начало жечь. Думал, брюки горят, потрогал рукой, а она вся в крови. К своему удивлению, я встал на обе ноги и стою.

Рядом лежал второй водитель, мой товарищ Сорвиров – такой же молодой парнишка, мы познакомились с ним в части. Хороший такой парень откуда-то из центра России: то ли из Пермской области, то ли с Урала. Смотрю – он лежит весь белый от боли. Подбегаю к нему и кричу: «Что с тобой?» А он даже ответить не может. Оглядел я его – вроде

[11] 150-мм реактивный снаряд и шестиствольная трубчатая установка для быстрой и сильной огневой атаки. Вследствие своей большой огневой мощности он применялся на участке главного удара для того, чтобы осколочно-фугасными минами причинить материальные разрушения, воздействовать на противника морально и подавить живую силу. Миномет, вследствие присущего ему большого рассеивания, был непригоден для обстрела одиночных целей и целей, расположенных вблизи линии собственных войск. Стрельба из него велась по площадям, залпом по 6 выстрелов в течении 5 сек. Длительная стрельба с одной и той же огневой позиции, ввиду демаскировки последней дымовым следом мины, не допускалась.

цел, до ноги дошел, а в щиколотке торчит осколок. Пробил солдатский ботинок наружу, такой рваный осколок. Торчит и шипит. Учти: мы ж ходили в обмотках, а не в сапогах

И что ты думаешь, как я сообразил его спасать? Достаю плоскогубцы и пытаюсь, дурак, вытаскивать этот осколок из ноги, – вместо того, чтобы скорее нести раненого в санчасть. Осколок срывается, вытащить его нельзя. Он вошел в кость толстым концом, а тонкий торчит наружу, и плоскогубцы соскальзывают… Дикая боль! Как я потяну – он вообще теряет сознание: «Ой, не могу!» Взвалил я его на плечи и поволок. Хорошо еще, что санчасть располагалась недалеко, метрах в трехстах. Это случилось под городом Красный Смоленской области в начале августа 1943 года. Так вышло, что не провоевал я и полного месяца до своего первого ранения.

Притащил я товарища в санчасть, передал фельдшеру. Тот склонился и говорит: «Ну, парень, отвоевался». До сих пор в голове засела эта фраза «отвоевался». Что это значит, я тогда сразу не понял. «Как, что?» – удивился фельдшер. «Значит, живой будет, хоть без ноги, но живой». Только позже я понял смысл его слов. Он знал, что тот, кто ходит, еще неизвестно, будет ли живой. Сделали Сорвирову перевязку, но вытаскивать осколок не стали. Я ему говорю: «Вы же вытащите осколок, я не мог это сделать плоскогубцами». Он посмотрел на меня как на сумасшедшего: «Как это вытащить? Мы же еще больше навредим. Нужно забинтовать, сделать укол – и в госпиталь к хирургам».

По моим тогдашним соображениям это было непонятно. Но, конечно, фельдшер был прав. Как только товарища отправили, мне стало дурно. Сгоряча, когда тащил на себе Сорвирова, я не обратил на себя внимания: «Друг погибает!» Я упал, ноги не выдержали. Тут уже фельдшер склонился надо мной: «Ты ранен? Тебя тоже нужно скорей в госпиталь». «Куда? Я же его сам принес, Сорвирова». Посмотрел рану, обмыл, обработал йодом и говорит: «Нужно в госпиталь». «Нет, в госпиталь не поеду!»

Почему такая нелюбовь к госпиталям? Вот нюанс, который сейчас мало кому понятен. По нынешним соображениям, я бы должен был воспользоваться ранением и лететь в госпиталь как угорелый – из

этого пекла. Но я так стремился на фронт, мы уже перезнакомились с солдатами, считали себя друзьями. Но самое главное – у нас было убеждение, что без нас победы не будет, поэтому пока ты способен двигаться – нужно быть на передовой! Всего себя отдать! И я считал, что не настолько серьезно ранен, чтобы отправляться в госпиталь, что я могу воевать.

Ты пойми меня правильно, я не хочу выставлять себя героем, просто у меня было такое убеждение: ложиться в госпиталь – время не пришло. И что ты думаешь, с этой раной я пробыл в подразделении одиннадцать дней. На месте больше суток мы не стояли. Все время нас передвигали, хоть на 800 метров, но передвигаемся. Возможно, это делали для того, чтобы немцы нас не засекли. Все время находились в движении, и не обязательно вперед: иногда в сторону, иногда назад, главное – не стоять на месте. Солдаты сажали меня в кабину, я брался за руль, и мы едем. Потом остановимся, меня вытаскивают на траву, я полежу, и опять все сначала. Дело дошло до того, что у меня чуть не началось заражение крови. Рана загнила, поднялась температура под 40 градусов. Чуть сознание не терял, двигаться вообще не мог.

А офицеры куда смотрели?

Никуда они не смотрели. Едешь? И езжай дальше. Никто никому особого внимания не уделял. Нужно еще учитывать, что шофера другого не было. Встала бы батарея, а нам нужно было двигаться. Это теперь почти каждый – шофер, а в то время все было совсем по-другому, поэтому никто особенно не проявлял инициативы, чтобы меня отправили в санчасть.

Хорошо запомнил, как везли меня в госпиталь по направлению к Калуге, – там был первый пересыльный госпиталь. Нас наложили штабелями в кузов грузовой машины и повезли. Очень осторожно, объезжая каждую кочку и ямку. Чуть тряхнет – и такое ощущение, будто ножи вонзаются в тело. Везли нас часов 10-12. С нами поехала санинструктор, в кузове – все лежачие и тяжелые: кто в беспамятстве, кто в бреду.

Привезли в Калугу – старый город, дома большие, улицы мощеные. Все это после смоленских лесов и болот казалось необычным, бросилось в глаза. Привезли нас к какой-то школе, занесли на носилках. Кто мог сам кульгал. Я тоже встал, еле ноги передвигал. Завели нас в комнату, приспособленную под баню. Стали обмывать. Что меня поразило? Я же был молодым человеком, неполных восемнадцати лет. В нас же физиология работала: в мужчину превращался. А кто нас мыл? Молодые женщины, девушки. Здоровые такие, грудастые, в телесах. Они-то не стеснялись, относились как к больным, естественно. Но мы-то больными больные, но все-таки живые! И, можешь представить, тебя молодого парня, неискушенного, прижмет к себе и начинает «шуровать» мочалкой. Мы же были голыми, только клеенка на том месте, где рана. А так, голенький, в чем мать родила. Тоже своеобразное испытание, я тебе должен сказать. Может быть, современная молодежь и по-другому бы себя повела, но мы были так воспитаны, целомудреннее… И это было не только мое ощущение, но и других моих товарищей.

Нас помыли, переодели, забрали наши лохмотья, окровавленное белье, гимнастерки, дали другое, хоть и БУ[12], но все же получше, одели чистое. Переночевали сутки-двое, а потом кого как погрузили в эшелоны или автомобили и куда-то повезли.

Повезли и не сказали куда?

Да, никто ни с кем ни о чем не говорил. Сажали и везли. Даже и не сажали, а брали и несли, а если можешь – иди сам. Ты раненый, ты попал к своим, тебя ведут, кладут, несут, и никто не спрашивает. Тебя спасают, и не рассуждай.

Привезли в Москву, кто сам ходил – посадили на трамвай, а лежачих – на машины. Повезли в Тимирязевскую Академию, как я потом узнал. Ее превратили в сортировочный госпиталь. Я в то время не знал,

[12] БУ – бывшее в употреблении.

сколько там работало медперсонала, как все было организовано, а уже после войны, когда приехал на встречу в мае 1985 г., оказалось, что они за сутки принимали и отправляли дальше вглубь страны до 1000 человек! Их было немного, может быть, полтора десятка медработников, и они выдерживали такую бешеную нагрузку!

Это не укладывается в пределы разумного представления: 1000 человек за сутки! Здесь нет преувеличения?

Нет, они все работали на выгрузке и обработке раненых, начиная от рядовой санитарочки и кончая главным врачом. Все! Они падали с ног. Это был титанический труд. Когда об этом шла речь на встрече через 40 лет, главный хирург госпиталя Каплан рассказывал невероятные вещи… Принять, обмыть, сменить повязку, кому нужно, срочно прооперировать и отправить дальше в другой госпиталь. Если человек мог терпеть, его не трогали. Я, например, особо не жаловался, и меня с моими осколками не трогали.

Побыли мы в том госпитале тоже недолго, но запомнил я его на всю жизнь. Палата, белоснежная постель, чистые простыни, наволочка, одеяла.

А сколько в палате было человек?

Много. Койка к койке, человек по 20. Но мы все равно почувствовали себя как в раю. После того, когда спишь в землянке, не раздеваясь, кругом грязь, помыться негде, все чешется, – и такие условия! Можешь представить мои ощущения. Мы только лежали и улыбались, – конечно, кто был способен на улыбку, у кого не было диких болей.

После этого – снова на другое место. Я попал на станцию Котуар по Ярославской железной дороге, в трех километрах от Марфино, бывшей усадьбы князей Вяземских. Там еще Карамзин писал свою «Историю государства Российского». Вот там-то мне и сделали операцию – удалили осколки мины.

Лейба Смиловицкий (сидит справа) в госпитале № 2386, располагавшемся в учебных корпусах и общежитии Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева. Фото в сентябре 1943 г.

И снова я вспоминаю острое юношеское чувство стыдливости, когда мне делали операцию. Прошло более двух недель, все заросло, ни гноя, ни крови не было, самочувствие было неплохое, хотя ходить и сидеть, как следует я, конечно, не мог. Меня повели на рентген и обнаружили осколки. Назначили день операции. Пришла медсестра, я пошел в операционную сам. Белая комната, операционный стол – обыкновенная кушетка с клеенкой, на высоких ножках. Положили меня животом вниз, и подошли четыре женщины. Одна налегла на одну ногу, другая – на вторую. С двух сторон руки схватили. Врач начала делать операцию. Была она очень молоденькая – лет 25. Я не мог не обратить на это внимание – сам молодой был, да и стыдно было, ведь раздели меня догола. С потолка надо мной низко опустили лампу, сделали несколько уколов вокруг раны. Потом врач будто бумагу разрезала, такое ощущение. Кожа, чувствую, разошлась, но боли не было. Надрез, еще надрез – и потекла кровь. Внизу поставили тазик, мне казалось, что свежуют барана или теленка. Тебя режут, кровь стекает и капает. Резала-резала, дошла до живого. Я как закричу! Спрашивают: «Что, больно?» Добавили уколов, и снова все повторилось сначала. И так несколько раз: больно – уколы, больно – еще уколы.

Наконец, врач залезла в саму рану и начала копаться – искать осколки. Долго искала, наверное, неопытная еще была. Так нехорошо, муторно себя чувствуешь, а она копается и копается. Вдруг чувствую: уцепилась – металл «зашкрабал» о металл. Тянет осколок, а он оброс мясом и сорвался. Она уцепится за него и с мясом тащит. Длилось это все в пределах часа. Вытащила один осколок и мне показывает. Он такой длинненький, сантиметра два с половиной, толщиной с палец. Лежал на кости. Затем вытащили еще один осколок – с ноготь. «Возьмешь на память?» – спрашивает меня.

Говорю: «А, на черта он мне!» Она его в тазик бросила – «цок». До сих пор помню этот звук. Зашили рану, потом перевалили меня на носилки и понесли. Я хотел было сам встать: пришел-то своим ходом, но доктор сказала: «Ни в коем случае – швы разойдутся». Ты теперь будешь лежать, пока не разрешат встать, а то придется еще одну операцию делать.

Перевалили меня аккуратненько в кровать. Прошел час, уколы начали отходить, и так мне стало плохо, что думал – лучше бы вообще их не кололи. Прямо как будто из тебя душу вынимали. Перетерпел – кричать, что ли будешь? Плакать? В этом госпитале я пробыл до конца сентября, в общей сложности месяца два. Там же меня и сфотографировали с товарищами. Читали, была там самодеятельность, кое-кто выступал, школьники приходили. Персонал внимательно нас опекал. На фотографии фамилии надписаны, с кем я в палатах находился.

Вспоминаю еще такой случай. Лежал с нами раненый один, Дорофеев, мужик лет сорока. У него был палец вот такой толщины, его верхушку оторвало. Пришел я на перевязку и вижу: медсестра снимает с него бинт. Он немножко присох, она его оторвала. Одной рукой держит палец, а другой взяла ножницы и одним их концом как ударит! И оттуда – гной фонтаном, Дорофеев только ойкнуть успел. «Вот теперь», – говорит медсестра, – «ты поправишься». И действительно, у него быстренько все зажило.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРОПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР

МОСКОВСКАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ имени К. А. ТИМИРЯЗЕВА

МУЗЕЙ ИСТОРИИ

127550, Москва И-550, Тимирязевская, 49 Телефоны: Проректор по учебной работе 216-21-50 Музей 216-35-21

М-200/91. 2.12.91.

Уважаемый Лев Матвеевич!

50 лет тому назад, когда немецко-фашистские войска рвались к Москве, Вы били в числе защитников нашего Отечества. Госпиталь № 2386, где Вы обрели снова здоровье, помещался в зданиях общежития Московской сельхоз. академии им.К.А.Тимирязева. Конечно, Вам не забыть тех дней. Вы помните врачей и сестер, которые боролись за Вашу жизнь и здоровье, Вы помните их теплые руки и горячие сердца. Многих уже нет с нами. В память о тех временах все, кто может, приезжают к нам и встречаются у бывшего госпиталя.

Мы Вас поздравляем со знаменательным днем разгрома немецко-фашистских войск под Москвой и желаем Вам здоровья, бодрости и долгих лет мирной жизни.

Посылаем Вам газету о встречах медперсонала у здания бывшего госпиталя.

Директор Музея истории МСХИ Бычкова Ольга Николаевна

2 декабря 1991 года

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИЩЕННОСТЬ СТУДЕНТОВ И СОТРУДНИКОВ — ВОТ ТЕМА, КОТОРУЮ ОБСУДИЛ НЕДАВНО РЕКТОРАТ АКАДЕМИИ

В БЛИЖАЙШЕМ НОМЕРЕ ГАЗЕТЫ МЫ РАССКАЖЕМ ЧИТАТЕЛЯМ О МЕРАХ, КОТОРЫЕ ПРИНИМАЮТСЯ В ВУЗЕ, ЧТОБЫ ТИМИРЯЗЕВЦЫ СТАЛИ ЖИТЬ ЛУЧШЕ В ЭТО НЕЛЕГКОЕ ВРЕМЯ.

ТИМИРЯЗЕВЕЦ

ГАЗЕТА РЕКТОРАТА И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МОСКОВСКОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ имени К. А. ТИМИРЯЗЕВА

25 октября 1991 г.

№ 15 (2640)
Выходит с 5 апреля 1926 г.

Цена 10 коп.

ВНОВЬ ПЕРСОНАЛ ЭВАКОГОСПИТАЛЯ НА ЛИСТВЕННИЧНОЙ АЛЛЕЕ

Прифронтовой эвакогоспиталь № 2386, который размещался с 1941 по 1943 год в корпусах общежития академии, был самым большим (в числе четырех московских) военным медучреждением за время войны. Количество раненых, одновременно находившихся на излечении, намного превышало всех живших в общежитии до войны студентов. Комнаты, коридоры, вестибюли были забиты страдающими и умирающими парнями. Многие лежали на носилках. Фронт был рядом и раненых доставляли сначала сюда, а потом, подлечив, эвакуировали в тыл для выздоров-

семьи и обрекла на муки, перечеркнула жизнь.

Медперсонала не хватало. В основном это была молодежь со школьной или институтской скамьи. Опытных медиков, таких как начальник госпиталя Н. Руденко, главный хирург А. Каплан, некоторых зав. отделениями явно не хватало, но добровольные помощники были все время. Это сотрудники и студенты академии, жители района. Самой молодой из них сандружиннице Кате Агапкиной исполнилось 14 лет. Ребенок, а работала наравне со всеми, если надо — сутками, с перерывом не более 3-х часов

и самоотверженности медперсонала.

46-я годовщина Победы. Каждый год 9 мая приходят бывшие врачи, сестры сандружинницы, провизоры госпиталя к зданию общежития № 3, на котором установлена скромная мемориальная доска, удостоверяющая, что здесь находился госпиталь. С каждым разом число участников встреч становится все меньше. С этого года уже не придет постоянный организатор этих встреч Екатерина Ивановна Матвеева — бывшая сандружинница Катя Агапкина. Мемориальная доска — это память и о ней.

БОРИС ЕЛЬЦИН:

БЛАГОДАРЮ ВАС ЗА МУЖЕСТВО!

АТРАШКОВУ ВАСИЛИЮ АДАМОВИЧУ

УЧАСТНИКУ ОБОРОНЫ ДОМА СОВЕТОВ РСФСР!

СЕРДЕЧНО БЛАГОДАРЮ ВСЕХ ВАС ЗА МУЖЕСТВО, ЗА ПРЕДАННОСТЬ РОДИНЕ И СВОБОДЕ, ПРОЯВЛЕННЫЕ В ТЯЖЕЛЫЕ ДЛЯ РОССИИ ДНИ 19, 20, 21 и 22 августа 1991 года.

Вы провели долгие часы, охраняя демократически избранные органы власти народа — Верховный Совет и Президента Российской Федерации — от нападения войск мятежников.

Благодаря проявленным вами решимости и самоотверженности, реакционный путч провалился.

Россия окончательно встает на путь прогресса, демократии, культуры и народного благосостояния.

ПРЕЗИДЕНТ РСФСР Б. ЕЛЬЦИН

22 августа 1991 г.

5 часов утра

Запасной полк. Снова на передовой

После выписки из госпиталя отправили меня в запасной полк. Что это такое, я уже знал. Был он в районе Гжатска, в Подмосковье. Кормили плоховато, жили почти впроголодь. Там я познакомился с одним москвичом. Был он намного старше меня – лет на 10 или больше. Спросил меня: «Ты откуда»? «С Гомельщины», – отвечаю. «Из Белоруссии? А на Гомельщине бульба ёсць?» «Ёсць». «Только дробненькая?» – так он мне говорит в шутку. Оказывается, он служил там срочную до войны и драпал оттуда до Москвы.

Однажды после обеда он мне говорит: «Пошли. Покажу тебе одно дело хорошее. Подъедим как следует». Куда? Пришли на картофельное поле, где уже колхозники побывали. Бери, говорит, палку и рой. Сам он тоже взял палку. Стали мы искать картошку. Ты же знаешь, как наши копают колхозную картошку? Так и тогда копали. Много или мало оставляли, но получился у нас целый котелок. Сварили, да как лупанули его, солью пересыпали – и уж так были довольны! Я думаю: вот что значит опытный солдат, умный человек… Сколько мы были в запасном полку, столько и ходили ковырять палкой картошку. Правда, ее становилось все меньше и меньше, но все-таки подкармливались.

Приехали «покупатели», отобрали нас, небольшую группу шоферов, 3-4 человека, привезли в Москву на базу и дали машины. Я получил новенький «Додж» ¾. Это такой полугрузовичок-вездеходик, больше джипа раза в два, с толстыми колесами большого диаметра. Он был

приспособлен и по бездорожью ездить, и пушку или миномет таскать. Попал я с этой машиной в Западную группу войск, в штаб. Перед этим мы, несколько солдат, заехали в парикмахерскую стричься. Очень интересное ощущение – гражданская парикмахерская.

Не наголо, наверное, уже?

Как это – наголо? Зачем? Никто нами уже не командовал. Как хотели, так и стриглись. Выдали нам какие-то денежки, тратить их негде было, и на них мы внимания не обращали. Одарили мы хорошо парикмахеров. Постриглись, поодеколонились. И пристали к нам две девчонки-парикмахерши: «Возьмите нас с собой на фронт!» «Как это на фронт?» «Очень просто: хотим на фронт». «Но вас же отправят обратно». Но они нам: «Не беспокойтесь, не отправят». И две с нами так и уехали.

Пока я лежал в госпитале, фронт отодвинулся и остался за Смоленском. Смоленск освободили. Въехали мы в город, которого по существу уже не было, он весь лежал в руинах. В лесочке стоял штаб Западного фронта. Пробыли мы там неделю, и повели нас в баню. И вот тоже интересный эпизод. Возможно это, наверное, только во фронтовых условиях. Баня импровизированная: землянка или сбитая на скорую руку из досок легкая времяночка. Я захожу в моечную, и сквозь пар вижу, что с одной стороны моются женщины, а с другой – мужики. Представляешь – в общем помещении! Стыдно как-то, но мыться надо. Это не считалось предосудительным. Я взял шайку, прикрылся ею и пошел к мужчинам. Помылись, вышли, одели свое ХБ[13] и пошли.

Однажды говорят: «Подъедешь к штабу к 9 утра». Я подъехал, в кабину влез майор. Запомнил я его фамилию на всю жизнь – Войцеховский. Он произвел впечатление очень строгого человека, со мной он, собственно, и не разговаривал. Важный такой и чванливый. Меня это резануло. Я все-таки на фронте уже побывал, а фронтовые офицеры совсем другие. Это такие же люди, как и солдаты, никто из

[13] ХБ – хлопчатобумажная гимнастерка.

них не выпендривался. Простые смертные, между нами существовали товарищеские отношения, никто никому не козырял, а этот сразу показал огромную дистанцию. Войцеховский сел в машину и говорит: «Поедем на фронт», – и начал указывать дорогу. Поехали мы в район Орши: оказывается, наши войска были уже там. В северной части Белоруссии шли бои.

Ехали мы по бездорожью, проселкам, но мне не нравилось, что Войцеховский все время командовал. Говорил, как нужно ехать, вправо, влево, повернуть, затормозить. Я терпел, терпел и говорю: «Товарищ майор, я знаю, как ехать. Что вы мне все время: «тише», «быстрее», «притормози», «вправо», «влево». Это меня сбивает!» Я один раз ему сказал, другой раз. Он на меня посмотрел, но через некоторое время снова начал команды подавать. Видимо, не мог без команды общаться. Короче говоря, всю дорогу он меня вот так истязал. Все ему не нравилось, как я еду.

В конце концов, дошло до того, что я остановил машину, взял свой автомат и говорю: «Езжайте сами!» И пошел в сторону фронта. У меня было такое ощущение, что все равно никто ничего мне не сделает. Такое выкинуть перед старшим по званию, да еще офицером, – мальчишество! Но обстановка была такая: на передовой можно присоединиться к любой части и воевать. Дальше фронта не ушлют, поэтому и вели мы себя так – нахально, я бы сказал, полупартизански. Шофера же – это вообще не дисциплинированный народ, мы были квалифицированными специалистами и понимали, что с нами вынуждены считаться. Это не просто бегать и «ура» кричать. Мы себе цену знали.

Войцеховский высунулся из машины и кричит: «Товарищ рядовой, не буду больше командовать. Езжай, как хочешь!» Тогда я вернулся и поехал. Приехали в какую-то воинскую часть. Сделал он свои дела, пообедали, поехали в другую часть, потом в третью. Возвратились в штаб. И меня отправили вновь в запасной полк. Значит, он пожаловался, и меня снова «плюх» в запасной. Задним умом я сейчас полагаю, что в штабе Западного фронта я мог спокойненько «прокантоваться» до конца войны. Но так как вел я себя неправильно, меня отправили в запасной полк.

Лейба Смиловицкий с товарищами по оружию (в первом ряду второй справа). Польша, 1945 г.

Снова приехали «покупатели» и повезли уже на передовую. Шли пешком, где удавалось, ехали, а наши войска уже освобождали Витебскую область[14].

Последний переход был особенно длинным, 25 км. Добрались до деревни Сверчки Лиозненского района. Нужно было переночевать, а где? Бывшая оккупированная территория, выжженная земля. Партизан там немцы выкуривали. Кругом пусто: ни домов, ни какого другого жилья, все разграблено и сожжено. Мы же шли из запасного полка, ничего у нас не было, голые руки. Когда идет воинская часть с формирования, у нее техника и все остальное. У нас же даже лопат не было, чтобы землянку выкопать, винтовок не было. Шли и все. Брели, кто как мог, выбились из сил, наконец, еле живые, дотащились до какого-то домика. Зашли, а он до отказа набит солдатами. Все спят вповалку – ступить негде. И две хозяйки в доме: мать и дочь, спят на печке. Мы давай проситься: «Возьмите на ночь», а они: «Ну, куда же?» Мы говорим: «Что же нам, замерзать, что ли?» Нас было около десяти человек, в основном шофера. Можешь себе представить, как эта ночь нам досталась. Переночевали и пошли дальше.

Вот, наконец, сами Сверчки, – но не деревня, а одно название, пепелище. Кругом канонада доносится, снаряды начинают падать. Нас предупредили: «Здесь опасно, будьте осторожны». Сопровождающий сдал нас начальству, поместили в погреб – все, что осталось от дома на окраине. Через некоторое время ввалились два черных, чумазых солдата – танкисты. Откуда, что? «Танк сгорел».

«Куда теперь? В запасной полк?» «Какой запасной полк, что вы?! Привезут новые танки, соберут тех, кто еще уцелел, – и снова в бой». Такие были порядки: людей никто не считал, и с нами не считались.

---

[14] Витебско-Оршанская (22-28 июня 1944) стратегическая военная операция против немецких войск в Восточной Белоруссии с целью уничтожения обороны правого фланга группы армий «Центр», являлась составной частью операции «Багратион».

Подбитый советский танк. Трофейное немецкое фото 1941-1942 гг.

Танкисты оказались правы, в этом я убедился уже через несколько месяцев, когда мы попали в 13-ю Истребительную противотанковую бригаду Резерва Главного Командования. Она стояла на передовых позициях, непосредственно против немцев, и призвана была первой встречать танки фашистов. Даже впереди пехоты, если хочешь знать. Задача – отражение танковых атак. Пехота при желании могла отступить влево, вправо, а мы? Во-первых, днем машину для пушки не подгонишь, а на руках пушку не утащишь. Калибр большой – 76 мм. Один полк состоял из 45 мм пушек, а позднее были сотки, длинноствольные. Шесть человек расчета 76 мм орудие на руках тоже далеко не укатят, оно тяжелое. И тоже никого не меняли. За время моего пребывания в этой части под Витебском, это было недалеко от города, километрах в 20, что

ли, мой 649-й полк и нашу третью батарею уничтожали наполовину или даже на две трети три раза! Уцелевших солдат оставались буквально единицы, но никого на переформирование не отправляли. Прямо как нас, пригоняли по этапу солдат из запасных полков, давали уцелевшие орудия или машины – и снова в бой…

Поэтому я с завистью слушаю или читаю, когда какие-то воинские части отправляли на отдых для переформирования после тяжелых боев. Мне ни разу так и не довелось побывать на таком переформировании. Мы были настоящим пушечным мясом, без преувеличения. Сколько мы ни старались взять населенные пункты, которые были перед нами, у нас ничего не получалось. Немцы укрепились и стояли насмерть.

Потом я узнал, что это был так называемый «Медвежий вал», который считался неприступным. И действительно, прорваться было невозможно, ни в обход, ни прямо. Только когда летом 1944 г. Рокоссовский начал Белорусскую операцию с юга, с Гомельщины, из-под Паричей, на север, и Баграмян с 3-го Прибалтийского фронта – на север Белоруссии, то немцы, напуганные поражением под Сталинградом, почувствовали угрозу окружения и сами оставили Витебск. Они панически боялись окружения. Мы же «Медвежий вал» так и не пробили, хотя сделали все возможное: бросали в бой бесконечные пополнения, но больше километра-двух продвинуться не могли. Они минировали дороги: чуть съедешь в сторону – подорвешься. Дорога была пристреляна, и если ты не подорвешься на мине, – тебя расстреляют из пушек.

Однажды в такой переплет попал и я. В мой «студебеккер»[15] со снарядами и пушкой сзади попали. Машина загорелась, я отбежал метров на 10-15 и упал. Смотрю, рядом лежит убитый немец. Чувствуется,

---

[15] Студебеккер – грузовой автомобиль фирмы Studebaker Corporation, самое массовое транспортное средство, поставлявшееся в годы войны СССР по ленд-лизу (100 тыс. машин), отличался повышенной грузоподъёмностью (до 5 т.) и проходимостью; автомобили этой модели можно увидеть во многих советских художественных фильмах, посвященных второй мировой войне и послевоенному времени: например, «Место встречи изменить нельзя», «Никто не хотел умирать» и др.

здоровый был мужик, рубаха у него на животе задралась, молодое лицо. Машина горит, вот-вот начнут рваться снаряды, и мне тут, понимаю, конец. И такое странное, даже дикое ощущение. Нам выдавали сахар на 10 дней вперед. Мы лежим с одним солдатом, Пашей Чуркиным, ни живые, ни мертвые от страха, а он предлагает: «Давай скорее сахар съедим, а то убьет, и сахар останется…» И мы давай есть этот сахар. Лежим под таким жутким обстрелом, кругом огонь, смерть, а мы едим сахар.

В армии всегда хочется сладкого, витаминов нет, фруктов, овощей тоже, все пресное. И второй момент. Правильно говорят, что в предсмертные минуты человек способен вспомнить всю свою жизнь. И в самом деле, когда я лежал у убитого немца, вся моя жизнь промелькнула перед глазами. И Речица, и Днепр, и родители, и школа, – все самое хорошее, теплое вспомнилось в считанные секунды... Это врезалось в память навсегда.

Машина сгорела, мы остались в живых, даже осколочком не задело. Куски железа перелетали через нас.

А, почему вы не могли отбежать дальше?

Так снаряды рвались кругом. Страшно было голову поднять: побежишь – убьет! Лежали и ожидали своей участи, как судьба распорядится: в тебя стукнет, или перележишь.

В отношении судьбы нужно сказать особо. Хотя я был ярым безбожником с детства и ругал бога, знаешь, какое было антирелигиозное движение до войны? Просто хулиганское: на моих глазах комсомольцы сбрасывали колокола с церквей. Пропаганда твердила, что первый враг – капиталист, а второй – бог, так ставили вопрос. Потом уже я стал задумываться, что в природе, наверное, что-то есть, что связано с судьбой. Мне на роду было написано выжить, и я выжил.

Много было случаев, когда я был на краешке смерти, но она меня миновала. Например, вот, что я только что рассказал. Говорили мы и про 1941 год, я же мог остаться в тылу немцев и погибнуть, как мои одноклассники Володя Хотенко или Жора Зырко, ну и потом на фронте…

Лев (Лейба) Смиловицкий в верхнем ряду в центре (в пилотке).
Фото в Германии, 1945 г.

Я еще немного отвлекусь, пусть нарушится последовательность событий. Однажды случилось, что машина оказалась неисправной, да она и не могла бы пройти по бездорожью, и нас с термосами за спиной отправили на котлопункт. Мы шли с термосами прямо на передовую. Разорвался снаряд. И как жухнул прямым попаданием в моего товарища! А мы шли рядом. Меня осколками «пощипало», даже и не ранило, а его разорвало на части!

Снаряд в человека?

Снаряд. Ни кусочка не осталось. Скажи кому-нибудь – не поверит.

Или еще случай, уже в другом месте. Тоже у передовой: я иду, прямо передо мной разорвался снаряд, в метре шлепнулся осколок размером с кулак и зашипел. Еще бы один шаг – и с меня голову бы снесло.

Были и такие моменты. Старая моя развалюха, неисправная ЗИС-5, заводилась только стартером – рукояткой. Руки окровавлены до мозолей, прямо, можно сказать, металл в руку кладешь, в рану. Голодные, не выспавшиеся, в голове гудит – жить не хотелось. И были у меня такие минуты, когда обстрел, солдаты попадают, я же сижу на крыле, исправляю зажигание или еще что-то, и мне хотелось, чтобы убило меня, чтобы прекратилось это мучение. Просил смерти фактически! Так есть судьба или нет? Никто не знает.

Под Витебском зимой 1943 – весной 1944 года мы находились в «мешке». Почему «мешок»? Длинный участок фронта: 4 км слева и 5 км справа. Мы стояли в этом промежутке, а немцы были вокруг. Стоило им перешеек прорвать, мы оказались бы в кольце, но те и другие стояли так плотно, что ни та, ни другая сторона не могли продвинуться. Зато обстреливали наш участок с трех сторон: слева, справа и спереди. Перекрестный огонь, отсюда и такие чудовищные потери. Так мы и просидели почти на одном месте до операции «Багратион»[16].

Когда Рокоссовский двинулся с юга, нашу часть отвели и бросили на Могилев. Заехали в Лиозно, и произошел такой случай. Был у нас командир орудия, старший сержант Дмитриев, молодой мужик, лет 30, усы пшеничные, как у Чапаева, очень следил за своей наружностью, аккуратный всегда такой парень. От фронта отъехали километров на 25. Мы остановились, он вышел из машины, вдруг слышу крик, и прямо перед моим носом что-то шлепнулось! Смотрю – кусок человеческой ноги, ступня и шевелящиеся пальцы... Прожилки красненькие торчат

[16] Белорусская наступательная операция «Багратион» (23 июня – 29 августа 1944 г.) – одна из крупнейших военных операций за всю историю человечества, в ходе которой оказались освобождены территория Белоруссии, восточной Польши, часть Прибалтики и разгромлена германская группа армий «Центр»; восполнить эти потери Германия была уже не в состоянии.

во все стороны. Метрах в пятидесяти лежит человек, и кто-то к нему подбежал. Оказывается, это наш старший сержант Дмитриев. Его сразу положили на мою машину, перетянули сверху ногу жгутом, остановили кровь. В кузов села фельдшер, держит его под голову, и поехали мы искать медсанбат.

Что же произошло? Мина?

Да, он наступил на противопехотную мину-ловушку. Еду осторожненько, медленно, слышу: стучат по кабине. Останавливаю. Говорят: «Не может терпеть, просит снять жгут, и все». Санинструктор Дмитриева на моих его глазах уговаривает: «Если тебя развязать, ты умрешь, истечешь кровью. Тебе терпеть надо!» А он терпеть уже больше не мог.

Ткнулись мы в один медсанбат – его не принимают: весь санбат переполнен, мест нет. Говорят: «Наша часть к ним не относится». А там было дурацкое правило, может быть, и вынужденное, потому что раненых было столько, что медсанбаты были в состоянии более-менее обслужить только свои дивизии. Но для «чужих» раненых возможностей у них не хватало. Еле нашли второй – и там не берут, а человек умирает на наших глазах и страшно кричит... Можешь представить? Я же не такой решительный человек, но меня уже довели до того, что я беру автомат, снимаю с предохранителя и говорю: «Не положите Дмитриева – сейчас, гады, всех вас тут перестреляю!» И только под дулом автомата они у нас его взяли.

Немцы в районе Могилева оказались окружены. Мы оседлали шоссе из города на запад. Им деваться было некуда, и они сделали попытку прорваться. Уже было утро, светло. Как только немцы появились на шоссе, мы зажгли первую и последнюю машины в колонне. Им деваться некуда, они бросились по кюветам, попереворачивались. Мы стреляли в упор из пулеметов, автоматов, винтовок, пушек. В течение нескольких минут все было кончено: кто убежал, кто в плен сдался, кто погиб. Мы захватили много машин, техники, амуниции, провианта.

Операция «Багратион» в Белоруссии. Колонна 9-й немецкой армии, разгромленная под Бобруйском 24-29 июня 1944 г.

Там я стал свидетелем ужасной картины, которая произошла на моих глазах. Такое, правда, случалось редко. Нужно было срочно освободить машины. А на одной немцы везли своих раненых. И некоторые наши солдаты брали немецких раненых за руки и за ноги и швыряли прямо на асфальт, как бревна. Каких только людей не было среди нас: были и уркаганы[17], и просто обозленные, потому что фашисты убили их семьи.

[17] Уркаган (или урка) – преступник, уголовник; заключенный, относящийся к преступному миру или хулиган, шпана, вор.

Пленные были общевойсковые солдаты или эсэсовцы?

Кто там разбирался? Немцы, и все. Их выбрасывали как дрова. Меня это потрясло. Я хоть и много уже видел крови, но такого стерпеть не мог. Но кто меня слушал? Мужичье, хлопцы здоровые, озлобленные, да и пропаганда такая велась: «Убей немца!» Вот такие противоречия на войне бывают: то едят из одного котелка с пленным, перевязывают его и лечат, а случаются вот такие акты жестокости. О чем это говорит? Разные люди были на войне и разная обстановка... Бросили их умирать на дороге, завели машину, она была в прекрасном состоянии, и поехали догонять своих.

Ехали долго. У немцев была тактика: стоять насмерть на укрепленных рубежах, а потом они могли отступать сотню километров до следующего рубежа. Да так отступали, что их догнать нельзя было. Едешь, едешь, едешь – и никого, ничего нет. Мы же были на машинах, а пехота пока добредет… Мы сами думали, как бы в плен не попасть. Очень странное чувство, когда впереди никого нет, и сзади тоже.

Подходили к Минску в районе Смолевичей. Была там речушка, сейчас она пересохла – запруду сделали. Конец июня 1944 года. Остановились мы, жарко, костры развели – еду стали готовить. Немцев не видать: где они, кто их знает? А были у нас две девушки в части. Они пошли купаться на речушку. Купальных костюмов, конечно, не было, поэтому, ты же представляешь, женщины? Отошли они подальше, стали купаться. И вдруг бегут к нам и кричат: «Немцы! Немцы!» Едва что-то на себя набросили, в глазах – ужас. «Где?» Мы похватали оружие – и к речке.

Там действительно оказалась группа немцев, немного, десятка полтора. Мы взяли их в плен. Девушки рассказали, что едва они начали купаться, как увидели, что с противоположного берега, из кустов, на них смотрят враги. Это были окруженцы. Начали мы обыскивать пленных. Я стою с автоматом, а другой обыскивает, чтобы не осталось оружия и прочего. В кармане у пленного оказались деньги, немецкие марки. Товарищ мой бросил их на землю: зачем нашему солдату марки? А немец – под дулом автомата, спусти курок, и жизнь его кончится – упал на колени и начал собирать эти деньги.

Мы были воспитаны в презрении, в пренебрежении к деньгам. Искусственное устранение граждан СССР от товарно-денежных отношений в 1930-х годах сказалось и на воспитании довоенной молодежи, не могло не сказаться. Мы не понимали ни их стоимости, ни возможностей. А в армии они были вообще не нужны, да и инфляция военных лет их обесценила невероятно. Поэтому что они были, что нет. И когда я увидел, что ради денег немец, человек, забыв о смерти, стал их подбирать, я подумал: что же это за власть денег? Так воспитать человека, чтобы он забыл о смерти перед угрозой потерять свои деньги?!

Тут появились партизаны, и мы передали им пленных. Многие немцы начали плакать и умолять нас не делать этого. В то время нам это не особенно было понятно. Партизаны относились к ним так, как и они к партизанам. По существу, вряд ли их доводили до каких-то штабов, командования, и они это знали…

В другой раз был я свидетелем того, как допрашивали пленного. Это был здоровенный детина лет тридцати. При обыске у него нашли чудесную маленькую фотографию: жена, двое детей, девочка и мальчик, но больше ничего. Ни удостоверения, ничего, только Железный крест[18]. Орден он не бросил, а все остальное выкинул. Командир батареи спрашивает у него: «Из какой воинской части?» Молчит. «Кто у вас командир?» Молчит – ни слова. И так смотрит злобно, с ненавистью! Прямо пылает ненавистью. Мы и так его, и эдак. Ни одного слова не сказал. Времени не оставалось, нужно было двигаться дальше. Командир приказывает: «Расстрелять! Кто его застрелит?»

Один старший лейтенант вызвался, молодой парень. Показал ему: «Иди!» Он знает, что выстрелят, но пошел, хоть бы что. Старлей подошел сзади, нажал на курок – осечка. Наверное, давно не стрелял из

[18] *Железный крест* – прусская и немецкая военная награда (орден), учреждён Фридрихом Вильгельмом III (1813 г.) за боевые отличия, проявленные в войне, вручался всем категориям военнослужащих вне зависимости от ранга или сословия; награждение происходило последовательно от низшей степени к высшей, возобновлялся с каждой новой войной в 1870, 1914 и 1939 гг.

револьвера. Где он мог стрелять из пистолета, артиллерийский командир? Тогда старшина, который стоял рядом, не выдержал: сорвал с плеча автомат, полоснул очередью, и немец свалился. Это был первый расстрел на моих глазах. И я подумал: вот же убежденный фашист, не умолял нас, не просил, а пошел на смерть.

Убежденный был фашист или убежденный солдат?

Одно из двух. Там же, под Могилевом, мы взяли в плен нескольких власовцев. Те стали по-русски кричать, умолять, чтобы их не убивали, что немцы их заставили. Их, правда, не убили, а отправили в дивизию. Одеты власовцы были в немецкую форму, один оказался откуда-то из Вологодской области. Солдаты с презрением на них накинулись, но убить не убили.

Не знаю, что дальше с ними стало. Тот немец, скорее всего, был эсэсовцем, потому что обычно немецкие солдаты общевойсковых частей обороняются до последнего, а потом, когда попадают в плен, – руки вверх и «Гитлер капут», и все валили на СС.

Но тебе его жалко не было?

Ты понимаешь, тяжелое было чувство. Жалко не было, но подавленность была, когда на твоих глазах убивают безоружного человека. У меня бы рука, конечно, не поднялась. Может быть, потому что я еще сопливый был солдат, а среди нас такие были мужики – волки. Потом мы пошли дальше на запад, были в районе Молодечно и Бреста, одно время остановили нас под местечком Староссельцы, затем мы вышли под Белосток.

Однажды я нарвался на немецкий танк, закопанный в землю. Это было продолжение «Белорусской операции» в августе-сентябре 1944-го. Заехали мы в какой-то деревянный городок. Он весь был разрушен, все дома лежали разваленные. Вдруг по моей машине как «жахнет» снаряд. По звуку я определил, что это немецкий танк. Стреляли они из засады, и очень точно. Я не знаю, как он промахнулся? Старшина, который сидел

рядом в кабине, тут же открыл дверку и вывалился, а я каким-то чудом успел развернуть машину. Назад сдал, повалил забор и вырвался. И машина уцелела, и я жив остался.

А что в машине было?

Снаряды были. Солдат не было, пушки тоже. Второй снаряд из того танка точно был бы мой…

Сколько же прошло времени между первым и вторым выстрелом?

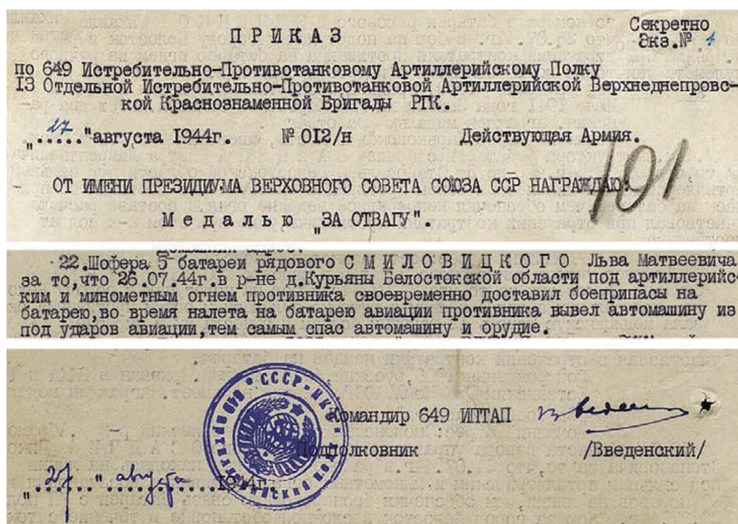
Второго выстрела не было. Не знаю почему: то ли он сам замешкался, то ли у него не было второго снаряда. Сколько я там разворачивался? Минуту, даже меньше.

А может быть, ты попал в «мертвую зону», оказался вне поля зрения?

Может быть, я не был ему виден. За это меня наградили медалью «За отвагу»[19].

---

[19] Медаль «За отвагу» с момента своего появления (1938 г.) особенно ценилась у фронтовиков, поскольку ею награждали исключительно за личную храбрость, проявленную в бою. Это главное отличие медали «За отвагу» от некоторых других медалей и орденов, которые нередко вручались «за участие». В основном медалью «За отвагу» награждали рядовой и сержантский состав, но также она вручалась и офицерам (преимущественно младшего звена).

Секретно
Экз.№ 1

ПРИКАЗ

по 649 Истребительно-Противотанковому Артиллерийскому Полку
I3 Отдельной Истребительно-Противотанковой Артиллерийской Верхнеднепровской Краснознаменной Бригады РГК.

„27" августа 1944г. № 012/н Действующая Армия.

101

ОТ ИМЕНИ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА ССР НАГРАЖДАЮ:

Медалью „ЗА ОТВАГУ".

22. Шофера 5 батареи рядового СМИЛОВИЦКОГО Льва Матвеевича за то, что 26.07.44г. в р-не д.Курьяны Белостокской области под артиллерийским и минометным огнем противника своевременно доставил боеприпасы на батарею, во время налета на батарею авиации противника вывел автомашину из под ударов авиации, тем самым спас автомашину и орудие.

Командир 649 ИПТАП
Подполковник /Введенский/

„27" августа 1944г.

Приказ подполковника Введенского,
командира 649-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка, от 27 августа 1944 г. о награждении Л.М. Смиловицкого медалью «За отвагу» (Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации, ф. 33, оп. 717037, д.1508, лл. 101-103).

Лев (Лейба) Смиловицкий стоит в центре. Фото в Германии 1946 г.

Друзья-товарищи

Был у нас командир взвода управления лейтенант Каюк. Храбрейший человек, молодой белобрысый парень, 22-23 лет. Он никогда не ложился ни при каком огне, говорил: «Меня пуля не возьмет, никакой снаряд не возьмет!» «Почему?» «Потому что у меня фамилия такая: Каюк». Я запомнил его, Николая Каюка. И что ты думаешь: не вошли мы еще в Белосток, как его ранило. Я не видел, при каких обстоятельствах, но мне его положили на машину. И посадили двух солдат: сержант Крыса, а второго не помню. Они его поддерживали в кузове по дороге в госпиталь. И в это время немецкий танк, который тоже был закопан в землю, как бухнет мне в борт! Пробило борт, и их троих вышибло. А мне на лобовое стекло мозги человеческие как шлепнулись! И кровь потекла… Я как рванул, отъехал, остановил машину, вышел. Брат ты мой: пробит борт, побиты колеса и трое насмерть. Нельзя передать, что я пережил. Постоял, постоял, наши подъехали. Погрузили их и повезли уже в другую сторону, в Белосток. Мы их похоронили в парке.

Приехали в парк, вырыли могилу?

А у кого было спрашивать? Въехали в парк, прямо по ступенькам лестницы. Вырыли могилу на центральной аллее и поставили ему деревянную пирамидку. Из жести вырезали звезду и надписали подручными

средствами, как могли: «Здесь похоронен лейтенант Каюк. 1944 г.» Вот я хочу побывать в Польше. Найти тот парк в Белостоке, интересно: сохранилась ли могилка, или нет? А у него на груди был орден Отечественной войны, и его вмяло в тело. Мы его потом ножом выковыривали.

Вот такие, сынок, были моменты. Вот такая была наша юность. Можешь представить, какую закалку проходило мое поколение. Всем нам, добровольцам, было меньше 20 лет, потому что 20 лет моим одногодкам исполнилось только в 1945 году, когда война уже кончилась. Смотрю я иногда на своих студентов и удивляюсь. Вроде бы и армию уже прошли. Хлопцы такие, с усами, им уже за 20. Они же какие-то легкомысленные, как дети иногда. И вопросы наивные задают, и ведут себя так. Думаешь: что значат условия жизни, как они формируют мировоззрение человека. Те же самые ребята, которые прошли через Афганистан, совершенно иначе относятся к жизни. А так, естественно, молодежь взрослеет гораздо позже. Поэтому, когда мы кончили войну, я был уже молодым старичком, мне уже самому неудобно было. Серьезно: не было уже такого чувства веселья, озорства, юношеской живости, которые присущи моему возрасту. Все это было у нас убито и похоронено... Говорю тебе это честно, положа руку на сердце.

Кстати, бригада наша, 13-я Истребительная противотанковая, стала очень заслуженной. К концу войны она уже называлась Верхнеднепровской бригадой орденов Суворова, Кутузова и Александра Невского. Лет десять назад мне захотелось узнать, где находится ее знамя, и я написал в музей Вооруженных сил СССР в Москву. Мне сообщили, что знамя бригады находится у них.

А что было с вашим медиком Еленой?

Она вышла замуж за нашего старшину Кострицу. Красивый был парень из Белоруссии, командир автовзвода бригады, лет 30. Она – старший лейтенант медицинской службы, наверное, ей было 20 лет с небольшим. Полюбили они друг друга. Поженились, насколько это возможно во фронтовых условиях. По крайней мере, жили, как муж и жена.

Однажды ехали мы ночью и на неохраняемом переезде попали под поезд. Старшина Кострица был тяжело ранен. Нас отвезли в госпиталь, в Легницу. Он еще пожил некоторое время, но спасти его не удалось. Он умер, а Лену демобилизовали и отправили домой. Это было в 1946 г. Потом она еще письмо нам как-то прислала…

Нам всем было трудно на войне, а им, девушкам, в сто раз труднее. Кругом мужской коллектив. Даже чисто физиологически они нуждались в отдельном помещении и прочем. Ничего этого не было, ты ж понимаешь. Жили мы по лесам, по землянкам. Никакой крыши не было. Наоборот: забирались в такие места, чтобы нас не достали ни немецкая пуля, ни снаряд. И как в таких условиях, без бани, без белья можно было находиться женщине? Не говоря уже о том, что среди нас были разные люди. Были и такие, что житья им не давали: приставали без конца. Причем чем больше у них власти, тем больше принуждали: к сожительству, к чему хочешь.

Но были среди них и такие мужественные девушки, которые добровольно шли на фронт и вели себя там очень достойно. Невзирая ни на что, соблюдали и женскую честь, и очень помогали всем нам, поддерживая нас морально. Одной из таких девушек была наша санинструктор Наташа. Она прибилась к нам, когда мы освобождали Смоленскую область. Никого у нее не осталось, и она упросила начальство взять ее в нашу часть. Никакой специальной медицинской подготовки, конечно, у нее не было, даже перевязки сложные она не могла делать. Руку-ногу перевязать, вынести с поля боя – это да.

Однажды во время одного из боев я наблюдал такую картину. Привез я снаряды на батарею и смотрю: наш шофер Афиногенов, который был старше меня лет на 10-15, лежит на земле, в сознании, вокруг него солдаты. Они пытаются его перевязать, а у него и раны-то не видно: осколок попал в артерию на шее. Рану перевязать невозможно. На руке – перетянули бы жгутом и все, а тут как? Перетянешь – так он задохнется.

Лейтенант наш кричит санинструктору: «Перевяжи скорее, он истекает кровью!» А она сидит, плачет и ничего не может сделать: кровь все время течет и течет. Афиногенов слабеет на наших глазах. Потом его положили на машину и повезли. Он по дороге умер – истек кровью.

Из-за того, что ни она, и никто из нас не знал, как нужно в таких случаях перевязать.

Перевязка технически была возможна?

Вполне. Нужно было только знать как.

Были иногда, знаешь, такие смешные картинки. Сидим в землянке, печка коптит. А печки какие? Обыкновенные полбочки срежем, воткнем туда трубу и кидаем в нее дрова. Она накаляется – и тепло в землянке. И вот, помню, лежали однажды четверо или пятеро солдат и эта Наташа. Вульгарность солдатскую она уже усвоила, но был среди нас такой солдат, трепач, он ей говорит: «Наташа, что ты все с офицерами, да с офицерами время проводишь. Ты бы хоть разок с простым солдатом, со мной, например». Он даже немного более определенно выразился. Знаешь же, солдатня. Она тоже что-то такое ответила в шутку. Но потом уж очень он ее донял, а солдаты ржут вокруг, как жеребцы: «Ах ты, такой-сякой, пошли. Если ты со мной сможешь пять раз подряд, тогда пошли!» Он сразу смеяться перестал: «Ты что с ума сошла?» И пулей выскочил наверх.

Это было не со зла. Это такие солдатские соленые шутки, такой юмор солдатский. В одном из боев ее тяжело ранило: оторвало ноги.

Обе ноги?

Одну ногу совсем, почти до основания, а вторую наполовину. Молоденькая девчоночка, и тоже умирала от потери крови. И никто ничего не смог сделать. Ее увезли, и так она умерла. Всем так было ее жалко!

Ты точно знаешь, что она умерла?

А как же, наши же ее в медсанбат отвозили.

Еще одну историю я вспомнил с фамилией Немцов. Впервые я встретил эту фамилию в Смоленской области. Переезжал со своей частью и

вижу: стоит досточка деревянная и на ней написано: «Разминировано. Лейтенант Немцов». Я почему запомнил? Иванова-Сидорова, возможно, не запомнил бы, но на фамилию Немцов сразу обратишь внимание. Потом вошли в Белоруссию, и снова в нескольких местах вижу: «Разминировано. Мин нет. Старший лейтенант Немцов». Значит, за какое-то время его повысили, но я в глаза не видел это человека. А когда мы заехали в Польшу – у дороги могилка и надпись: «Здесь похоронен капитан Немцов». Вот так впереди меня, разминируя дороги, он шел от Смоленска до Белостока, и все-таки попал, бедняга, на мину.

Чего только на войне не довелось пережить! Иногда просто по трупам ходили. Ночью ничего не видно, а потом чувствую – колеса запрыгали. Остановился, гляжу, а под колесами лежат убитые.

Свои, немцы?

Да кто их знает? Темно. Видно только, что убитые.

Или весной снег начинает сходить с полей, земля стала оголяться, и стали видны трупы: в шинелях, в бушлатах, солдаты, офицеры не похороненные, целыми рядами. То сапоги торчат, то рука из сугроба покажется. Однажды я шел с поручением в штаб полка. Летом уже дело было. Иду я ночью, вдруг наткнулся на на какую-то гору. Что-то передо мной стоит как стог. Я прямо в чьи-то сапоги уперся. Пощупал: ноги торчат. Одни, другие – штабель. Только потом я сообразил, что это гора трупов. Оказывается, мы прошли вперед, а похоронная команда, что шла сзади, собирала трупы и складывала в стог. На него я в темноте и наткнулся. Можно себе в реальности такое представить?

И ты, конечно, время от времени себя ставил на место погибших? Думал, наверное: а почему они, а не я? А, может быть, следующая очередь моя?

Правильно. Я был глубоко убежден, что в конце концов меня тоже убьют. Обязательно, ведь всех убивало. Попадал в такие переплеты все время и считал, что я ничем не лучше других. Не сегодня, так завтра.

Каждый день умирали мои товарищи. Просто, думал, это дело во времени.

Как же воевать с таким настроением? Еще идеалы и убеждения отстаивать?

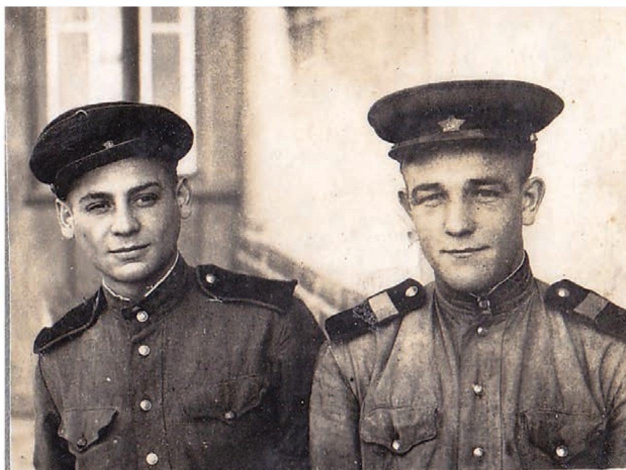
Так и воевали. Нужно же бить врага. Но с мыслью, что твоя очередь не сегодня, так завтра…

Было настроение обреченности?

Мы не ощущали обреченности. Задумываться о будущем было некогда. Такая тяжелая была боевая обстановка, мы постоянно были в трудах и заботах, что так не думалось. Но в сознании мысль об этом жила – у меня, по крайней мере. Не знаю, как у других. Обязательно убьют. Поэтому, когда закончилась война, мне еще долго не верилось, что я живой и останусь дальше жить.

Состояние подавленности от войны и пережитого на ней осталось у меня на всю жизнь. Это сказывается и на моем поведении, и на образе мыслей, и на всем облике, если хочешь знать. Без следа такое не проходит…

Лейба Смиловицкий в Польше. Фото 1946 г. (вверху)
Лейба Смиловицкий в Германии. Фото 1947г. (внизу)

Рабочий кабинет Леонида Смиловицкого. Фото в Иерусалиме 2016 г.

Под Кёнигсбергом

Ты видел у меня медаль за взятие Кёнигсберга? Ну, казалось бы, маленькая такая желтенькая медалька, которая ничего особенно вроде и не обозначает. Но когда берешь ее в руки, вспоминаешь, что бои за этот город были ожесточенными. Это была сильнейшая крепость Восточной Пруссии, которую Гитлер считал неприступной. Круглосуточно гремела канонада советской артиллерии, но в первые дни мы не могли продвинуться ни на шаг. Доты и дзоты стояли буквально рядами.

Через несколько дней я стал свидетелем странной картины. Из дота выскочил немец, вскинул вверх руки и, непрерывно крича страшным голосом, побежал в сторону наших окопов. Он орал голосом ненормального человека. Стало ясно, что он просто сошел с ума от канонады: непрерывная бомбардировка помутила его разум…

Кёнигсберг достался нам дорого, много голов там положили. Потом нашу часть перебросили на север Восточной Пруссии к заливу Фриш-Гаф. Там находится знаменитая коса, по которой Лифляндская группировка немцев, спасаясь от окружения, переправлялась огромной массой. Стояла зима. Пошли разговоры, что отступавшие немцы побросали свою военную технику, в том числе и грузовые автомобили. Моя машина поизносилась. Я и еще несколько шоферов решили: почему бы нам не обновить технику? Тем более, что мы видели их где-то в километре от своей передовой линии. Море замерзло, и они стояли на льду.

Собрались мы и пошли, но не добрались до них метров 10, как вдруг с косы ударили немцы. Из минометов и даже из пушек. Мы сразу упали на лед, но представь себе наши ощущения? Мы не ожидали, во-первых, что они откроют огонь: ведь они были истощены и бежали от наших войск. Во-вторых, снаряд рядом разрывается – и образуется воронка с водой… Разрыв – и воронка. Ну, все, думаю – пришел мой конец. Одеты мы были в тяжелые белые полушубки из овчины и валенки. Мы перестали шевелиться – огонь утих. Прошло минут 10-15, только поднимемся, сделаем несколько шагов к машинам – снова огонь со стороны немцев. Мы лежали в снегу на льду до темноты. В конце концов, ночью добрались до машин. Действительно, очень хорошие стояли «опели», новенькие. Но мы ничего не могли сделать – машины вмерзли в лед.

Вот так из-за своей дурости я в тот раз чуть не нашел свою могилу на дне морском.

Медаль «За взятие Кёнигсберга», которой был удостоен Лейба Смиловицкий за участие в штурме города-крепости 10 апреля 1945 г.

Долго мы там не пробыли, нас вскоре перебросили в центр Польши, наша бригада относилась к резерву Главного командования. Мы побывали под Варшавой, в Познани, колесили по всей округе. В конце концов, вышли в нескольких десятках километров севернее Берлина, форсировали Одер. В моей машине сгорело сцепление, и меня оставили в местечке Шведт вместе с еще тремя солдатами.

Проторчали мы там четыре дня. Вначале вообще не видели ни одного человека. На утро пошли по деревне. На поле часть скотины лежала погибшей: то ли немцы их потравили, чтоб нам не досталась, то ли еще что-то. Другая часть стада так кричала в сараях, что мы вынуждены были их кормить. Жалко скотину было. Нашли сено, отруби, зерно, воду таскали. Потом вдруг увидели: какие-то женщины идут по дороге. Мы подошли к ним, а они разговаривают по-русски! Оказалось, что это рабыни из Советского Союза, жившие в поместье тамошнего бауэра. Он их купил в концлагере, и они на него работали. Я как сейчас помню: мы с ними разговаривали, они так рады были, что встретились с советскими солдатами. Молодые девушки, некоторые были даже мои ровесницы 1925-1926 года рождения. Жили они на конюшне и работали с утра до ночи только за похлебку.

Мы как джентльмены начали брать в домах у немцев самую лучшую одежду и одаривать девушек. Они боялись брать, но мы настаивали: «Пойдете домой (на Смоленщину, откуда они были родом), а там ничего нет, мы же видели, что там все сгорело! Берите с собой!» Но они отказывались: «Нет, нет, нет…» Мы им чуть ли не насильно все это вручали.

Это была моя первая встреча с освобожденными из плена советскими гражданами. Потом мне приходилось еще несколько раз вывозить их на Родину, на своем «Опель-блице»[20]. Сцепление поставили новое, а так

---

[20] «Опель-Блиц» – лучший грузовой автомобиль вермахта; выпускался с предвоенных лет и почти до поражения Германии во Второй мировой войне, применялся не только для перевозки солдат и грузов, но и как транспортировщик артиллерийских орудий. Модель автомобиля была настолько успешной, что значок в виде молнии стал официальным знаком фирмы Опель.

машина была что надо. За день делали, шутка ли сказать, по 800-900 км. Какими же бесшабашными людьми мы были! Особенно те, кто любил выпить. Сколько я видел аварий на своем пути, когда мы ехали через всю Польшу. В южной Польше – горы, и я видел несколько грузовиков, перевернувшихся и упавших с откоса вместе с репатриантами. Одну такую аварию видел воочию, она произошла буквально за несколько минут до моего появления на шоссе в этом месте. Перевернутая машина колесами вверх. Люди копошатся под ней, под обломками кричат и истекают кровью, раненые, с раздавленными ногами и руками, – жуткая картина! А все почему? Бесконтрольность и безнадзорность водителей. Победа! Ура! Нам все позволено... Выпивали на остановках и нетрезвыми садились за баранку.

Советские войска на марше. Фото С.М. Гурарий

Перевезли очень большое количество людей. На границе были специальные лагеря, где осуществлялась проверка: при каких обстоятельствах люди попали в плен. Это называлось фильтрацией. Кого-то отпускали домой с поражением в правах, кого-то отправляли в советские концлагеря в Сибирь за Урал. Несправедливости, к сожалению, было много. Подозрительность, которая исходила главным образом от самого Сталина, распространялась в первую очередь на органы контрразведки. Тем более, что уже маячила на горизонте холодная война с Западом, с США.

На Эльбе мы встретились с американцами. Там я впервые в своей жизни увидел живого негра. Один здоровенный такой детина схватил меня и начал тискать. А рожа у него черная, губы толстые. Брат ты мой, как обезьяна! Я весь сжался, сроду таких людей не видел, не в обиду ему будет сказано. Страшно стало, как будто попал в лапы орангутангу! Впечатление просто жуткое. Второе, на что я обратил внимание, как они виртуозно владели машинами! Я сам шофер, проехал всю Россию до самой Германии по бездорожью, могу судить. Они просто вросли в машины и стали их частью. Не успеваешь рот раскрыть, одна нога у него в машине, другая на земле, а машина уже трогалась с места! Понимаешь? Вот как ноги ходят – левая, правая – так и они.

Американцы подарили нам один «виллис». Наш комбриг полковник Килеев любил на нем ездить. Рассказывали, что если у них машина испортилась более-менее серьезно, они с ней не возились: бросили, сели на другую и поехали. То есть уже тогда машина для них не была роскошью. Встретились, целовались, стреляли в воздух, обменивались оружием. Кстати, мы не боялись дарить им свои автоматы. Но долго мы не общались: вышло решение развести войска за демаркационную линию.

Мы отъехали на восток и километрах в восьмидесяти от Берлина разбили свой лагерь. Там я и встретил известие о Победе над Германией.

Поздним вечером 8 мая мы были на марше. Вдруг по колонне пронеслось: «Война окончилась!» «Война окончилась!» «Война окончилась!» Мы сразу и не поверили, да и вообще уже настолько привыкли к войне, она стала настолько уже частью нашего образа жизни и мыслей... Только спустя некоторое время, когда мы осознали, что это действительно правда, началась такая пальба! Каждый старался выстрелить весь свой

боезапас: раз война закончилась, то он не нужен. У кого что было – все стреляли вверх и кричали.

Мы были такими невоспитанными, у нас не было семейной культуры. Можешь себе представить: мне в голову не пришло, что нужно срочно написать родителям, маме, что я жив. Она уже потом рассказывала, что война кончилась, а от меня никаких известий нет. И написал-то я только через две (!) недели, потому что все время на марше, в движении. Мама уже думала, что я погиб, представляешь? А потом была такая радость в Речице, что два сына, я и Хаим, прошли войну, пережили такие испытания, были не один раз ранены, остались живы и даже не искалечены. Правда, у Хаима было насквозь пробито легкое, бок вырван[21]. Но руки-ноги есть, голова есть. Наверное, нам с ним на роду было написано выжить. А моя вторая контузия? Когда я шесть дней не разговаривал, лежал в полевом госпитале? Но ничего, очухался: мы были здоровые, молодые. Ну и Бог спас: контузия не так сильно долбанула, как некоторых. Повезло, просто повезло!

Через год после этих событий я побывал в Бреслау и видел огромное братское кладбище советских солдат. Я насчитал там 25 могил Героев Советского Союза! По-видимому, туда свозили останки наших бойцов. А вообще-то косточки бедненьких наших солдатиков разбросаны по всей Германии и Европе, и следов не найдешь. Закапывали, ставили какой-нибудь знак, фанерку с надписью химическим карандашом, если была краска, то краской… Очень многие не знают до сих пор, где покоится прах их близких. Вот так, сынок, такова жизнь. Не зря старики желают молодежи не знать войн.

---

[21] Смеловицкий Ефим (Хаим) Маркович (1918-2000 гг.) – родной брат Л.М. Смиловицкого, старший лейтенант, был ранен в левый бок и левую руку 25 июля 1941 г. в районе города Володарск-Волынск при взятии «языка» в тылу противника, после выздоровления направлен командиром взвода отдельного зенитного артиллерийского дивизиона 13-й гвардейской танковой бригады Юго-западного фронта; при обороне Курска 26 октября 1941 г. был ранен в правую сторону груди навылет, после выздоровления направлен в действующую армию. «С возложенными на него обязанностями справляется хорошо, дисциплинирован, требователен к себе и подчиненным, делу партии и социалистической родине предан» (из наградного листа 14 марта 1947 г. См.: ЦАМО, ф. 33, оп. 744808, д. 1887, л. 82).

«Виллис», образец 1945 г.
Вкус победы, весна 1945 г. Фото неизвестного автора

О репрессиях

Я могу считать себя человеком счастливым. Во-первых, потому что родился поздновато, в том смысле, что не подпадал под репрессии тридцатых годов по возрасту. Во-вторых, потому что уцелел в годы войны в числе тех трех процентов моих ровесников 1925 г.р., которые ушли на фронт и не возвратились…

Обстановку репрессий перед войной я запомнил очень отчетливо. Что к чему, конечно, я не понимал, но вообще существовало убеждение, что кругом враги народа. Мы жили в атмосфере угнетенности, никто не чувствовал себя в безопасности. Могли арестовать каждого, хотя и жили там, на Комсомольской улице, простые люди: рабочие лесосплава, фанерного завода, грузчики… Чуть ли не в каждом втором доме каждую ночь брали людей, и мы хорошо знали, кого именно. Например, возле реки недалеко от нас был такой дед Иовка. Мне было тогда лет 12, но я его хорошо помню: как мы шли на речку, как он с нами всегда шутил. Потом говорят, что арестовали деда Иовку, его племянника и всю семью. В чем дело, как? Никто ничего не знал, потом уже перед самой войной стали поговаривать, что он якобы был стражником, то есть служил при царе в полиции нижним чином, вот его и забрали после убийства Кирова в 1934 г.

Еще через один дом от нас арестовали дядьку Парфена, простого и ничем не примечательного человека. Взяли и нашего соседа Мнухина, сына учителя. Как я понимаю, он где-то на собрании при обсуждении

троцкистской оппозиции, позволил себе высказать собственное мнение. Арестовали сына учителя Махнача, очень уважаемого в Речице человека. На углу Комсомольской и Советской улиц жили Свидерские, интеллигенты, – их постигла та же участь. Еще через улицу арестовали отца и мать Саши Бараша, который был на два года старше меня и учился в нашей школе. Кстати, и судьба Саши сложилась несчастливо: он воевал, а после войны непонятно за что получил 15 лет – то ли за родителей, то ли болтнул лишнее. Напротив него жила наша соученица Ляля Жаженко – первая моя школьная любовь. И ее родителей арестовали, отца и мать. Ляля ушла жить к своей тете…

Все это делалось тихо на фоне «счастливой» и «радостной» жизни, когда нас убеждали, что мы живем лучше всех в мире! Потом арестовали и моих родителей, твоих дедушку Марка и бабушку Лизу. Правда, как выяснилось позднее, не по политическим обвинениям, – у них просто вымогали золото. Получилось так, что во время голода 1933 года мама сдала в Торгсин свой свадебный подарок – золотые часики, очень красивые, они висели на золотой цепочке на шее. В НКВД рассудили так: раз сдаешь золото – значит, есть еще, и арестовали. Правда, ненадолго, на наше счастье.

Короче говоря, к чему я клоню? Человек-то я счастливый – исходя из таких соображений, что меня не арестовали. Как представлю все то, что теперь приходится узнавать о лагерях, о беззаконии, об издевательствах во имя торжества советской власти!

Стоит только удивляться, как люди типа этой преподавательницы химии из Ленинграда Нины Андреевой[22] еще пытаются оправдать сталинский строй. Ты знаешь, что я и сам в течение долгого времени был

---

[22] Нина Александровна Андреева (1938 г.р.) – кандидат технических наук, преподавала на кафедре физической химии Ленинградского технологического института, приобрела широкую известность как автор статьи «Не могу поступаться принципами» в газете «Советская Россия» 13 марта 1988 г., и официально объявленной затем «манифестом антиперестроечных сил», лидер незарегистрированной Всесоюзной коммунистической партии большевиков (ВКПБ).

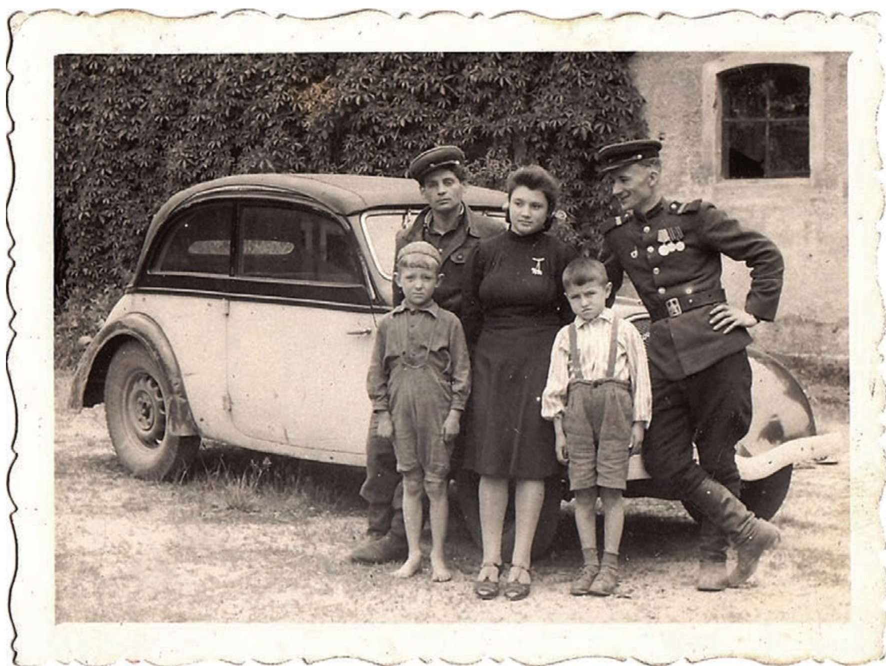
активным защитником советского образа жизни и самой советской системы. Не случайно я пошел на войну добровольцем и долго работал в комсомоле. Я делал все это по убеждению, вплоть до последнего времени, когда работал доцентом кафедры истории КПСС (с 1965 по 1992 гг.).

Мне нравилась моя работа, я делал ее не из карьерных соображений. Теперь же, после всего того, что нам раскрыли в 1985 г. на апрельском Пленуме ЦК КПСС и затем, все приходится переосмысливать. Если даже десятая часть всего этого правда – то жизнь прошла наша... Прошлого из жизни не выбросишь, по-своему мы все были счастливы своей молодостью, свершениями, достижением поставленных целей. Но если посмотреть на нас и наше общество со стороны? Становится понятна ирония и критика из-за границы и отношение остального мира к нашему строю, режиму, партии.

И не дай Бог тебе увидеть и услышать то, что довелось мне, хотя я и не попадал под колесо репрессий. Но я видел тюрьмы, в которых не сидел. Итак, тюремная страничка.

Первое мое знакомство с тюрьмой состоялось в связи с арестом отца, твоего дедушки Марка. Тюрьма Речицкая находилась на окраине города всего в двух улицах от нас. И не случайно наша Комсомольская улица до войны называлась Тюремной. Через два месяца его отсидки нам дали свидание. Я увидел перед собой мужчину с черной бородой. Он сидел и печальными глазами смотрел на нас с мамой через стол. Мне было 8 или 10 лет. Папа был угнетен, почти ничего не говорил, и только слезы катились из его глаз. Рядом прохаживался охранник. Высокий забор, толпа людей в ожидании свидания со своими близкими, – какое это все могло произвести впечатление на ребенка? Прошло всего каких-нибудь 15 минут, но я тянул мать, чтобы мы ушли еще раньше. Я буквально не мог всего этого вынести. Отец отсидел шесть месяцев, вышел, и тут забрали мать. Жили мы с бабушкой, – безотцовщина. Если бы их не выпустили – неизвестно, что из всех нас получилось бы. На улице, где мы жили, и особенно на набережной Днепра были ребята хулиганистые, воришки, в карты играли, тащили что-то из дома и проигрывали…

Второе мое знакомство с тюрьмой состоялось в более зрелом возрасте. После окончания войны я служил водителем в военной контрразведке. Вот однажды я доставлял вместе со старшим лейтенантом Гусевым солдата-фотографа, бывшего военнопленного. Через два дня мы приехали снова, и я присутствовал во время его прогулки с другими заключенными. Перемены, произошедшие в этом человеке за два дня, меня поразили. Стриженый наголо, лицо белое, отрешенное. Так это врезалось в память, на душе заскребло, хотя я и до сих пор и не знаю, в чем его обвинили. Это было в Легнице в Польше.

Служба в Легнице. Польша 1946 г.

В третий раз я и сам попал в тюрьму.

Тут у меня были ощущения еще более сильные, чем просто умозрительные наблюдения. А как было дело? Вместе с другими водителями после окончания войны меня направили на перевозку репатриантов в Советский Союз. Везли мы их в Раву Русскую в Западной Украине. Машина была у меня трофейная – «Опель-блиц» с деревянной будкой на кузове. Лагерь, откуда я должен был вывозить людей, был в Бреслау (Вроцлав). Вдруг – удар в борт. Я остановился. Возле машины лежит на земле советский солдат-велосипедист, без сознания и весь в крови. Он ударился о борт машины и влетел под заднее колесо. Его быстренько отвезли в госпиталь. Патруль отправил меня в военную комендатуру. Посадили в подвал, где при немцах было гестапо! Можешь представить, в какие застенки я попал?

Рядом находился сравнительно молодой человек, немец. Шел уже 1946 год, мы почти десять месяцев находились в Германии, и на немецком я немного изъяснялся. Выяснилось, что этот человек был одним из организаторов Югендбунда в Бреслау, по-нашему что-то вроде секретаря горкома комсомола. Какие мысли приходили мне в голову? Я – советский солдат, победитель фашизма, а рядом – гитлеровец. И мы сидим на одних правах. Я испытал там такое тягостное чувство неволи, которое не покидало меня никогда в жизни! Я был готов на что угодно, только чтобы выбраться оттуда. Работать на Севере, в рудниках, но только не оставаться одному, быть среди людей. Чувство одиночества, которое охватывает тебя, когда находишься в четырех стенах каменного мешка, причем ни час, ни день, ни сутки, а недели, – совершенно жуткое, можно с ума сойти. Не забывай, что мне шел только 21-й год. Я очень тяжело это переживал. Недаром говорят: от сумы и от тюрьмы не зарекайся. Сидел же я не виноватым: не я сбил человека, а он сам в меня врезался! Теперь-то я могу тебе сказать правду: столько лет прошло, лукавить нечего.

Что же чувствовали без вины виноватые советские люди? Те, кто сидели не неделю – две, как я, а годами?! Причем меня-то не пытали. Это страшная трагедия отдельной человеческой личности, но ведь эти беззакония творились в массовом масштабе с сотнями тысяч людей по всей стране и в течение десятилетий!

Как меня выпустили? Провели экспертизу ВАИ (военная автоинспекция – ЛС) и пришли к выводу, что я был невиновен. Вызвали к капитану-следователю, и тот сказал: «Ну, что Смиловицкий, счастье твое: экспертиза показала, что ты не виноват. Велосипедист, который попал под колеса и умер в госпитале, был мертвецки пьян. Ему было лет 50, он должен был демобилизоваться и назавтра уехать из Германии. Вот он на радостях напился и нашел свою смерть».

Никто даже не извинился передо мной: какие там права у солдата перед военной прокуратурой? Так и сказал: «Счастье твое!» У меня были отличные мужские трофейные часы. Когда меня арестовали, я их припрятал, не дурак был: знал, что при обыске их отнимут и не отдадут. На радостях я отдал их следователю – за беспристрастное расследование. А может быть, и пожалели меня в какой-то степени? Молодой солдат, война кончилась, произошедшего не воротишь, зачем судьбу ломать?

Следующая тюрьма, с которой я познакомился, была «Кресты». В 1950 году я проходил юридическую практику, будучи студентом второго курса Минского юридического института. Меня курировала следователь Шушпанникова – миловидная женщина невысокого роста лет 35, энергичная, боевая. Кресты – это бывшая знаменитая Екатерининская царская тюрьма в Ленинграде. Сидели там и народовольцы, и эсерытеррористы, и анархисты, и Троцкий, и даже Сталин. Советская власть тоже хорошо попользовалась ее стенами. Стальные марши-лестницы, сетки из проволоки. Хоть я и пришел туда в роли практиканта-следователя, но душа замирала. Тюрьма ужасная: посидишь в ней и уж точно оценишь и жизнь, и волю, как самое главное в жизни человека.

Приведу любопытный эпизод, которому сам был свидетелем. Мне поручили дело одного фэзэушника[23], который с группой товарищей

[23] ФЗУ – школа фабрично-заводского ученичества, основной тип профессионально-технической школы в СССР с 1920 по 1940 гг., действовали при крупных предприятиях для подготовки квалифицированных рабочих, принималась молодёжь 14-18 лет с начальным образованием, в 1959-1963 преобразованы в профессионально-технические училища (ПТУ) с различными сроками обучения.

ограбил ларек. Ничего там особенного не было, просто оказался хулиганистым пареньком лет 17, родители пили, ничему хорошему он у них научиться не мог. Но что он мне рассказал? В его камере был мышонок. По утрам он оставлял ему кусочек хлеба от завтрака. Мышонок приходил за ним. В начале боялся, а потом настолько осмелел, что садился на ладонь. Они крепко подружились... На меня это произвело большое впечатление. Только сейчас я понимаю, что человек, находясь в тюрьме, сильно тянется к любому живому существу. В обычной жизни, затравленные и задерганные мелочными заботами, переживаниями, бытом, мы самоизолируемся, замыкаемся в рамках семьи, отчуждаемся от других людей, предпочитаем уединяться. В тюрьме же человек тянется ко всему живому. Мой подследственный даже разговаривал со своим мышонком.

Теперь я хочу рассказать о деле, которое в известной степени отвратило меня от юриспруденции. Во время обыска проворовавшейся буфетчицы, жены торгового моряка, обнаружили кинжал типа финского, 40 см в длину. Завели уголовное дело на ее мужа. И он не отрицал, что сделал кинжал. С хранением оружия, как огнестрельного, так и холодного, тогда было очень строго. Только недавно изменили статью Уголовного кодекса, гласившую, что за такого рода преступления дается до пяти лет заключения. Сейчас уже судят не за хранение, а за ношение. Встретился я с этим моряком, и тот мне чистосердечно признался, что по полгода бывает в море, что этот кинжал ему там необходим: канат перерезать или еще что-то. Человеком он был пожилым, и я ему поверил. Когда же прокурор просматривал это дело, то устроил мне выволочку: «Как Вы ведете дело, молодой человек? Если в таком виде мы его представим в суд, нам его вернут». Я попытался возразить: «Как же быть, если человек не виноват?» Мне ответили: «Наше дело – прокуратура! Не знаю, чему вас учили в институте, но Вы не путайте прокуратуру с адвокатурой. Будете работать адвокатом – оправдывайте, а раз Вы работаете в прокуратуре – должны доказать, что он виновен!» Вышел я от него и задумался: «Ничего себе работенку я подыскал!» Если попадется какое-нибудь дело или заявление на кого-то, то нужно человека «закопать» и посадить, а в противном случае – брак в работе?! Выходит, я плохой следователь? Такая система мне не понравилась.

Лев Матвеевич Смиловицкий. Фото 1947 (Германия) и 1954 гг. (Минск)

Расследовал я еще одно дело, которое укрепило мои сомнения. Однажды вечером на Лиговке (неспокойный район Ленинграда, где разрешалось селиться отбывшим наказание) группа молодых людей ворвалась в дом инвалида войны 2-й группы, у которого было черепное ранение. Избили его до полусмерти и ушли. Потом им вдруг за чем-то вздумалось вернуться. Инвалид схватил ружье и выстрелил в упор. Оказалось, что это возвратились не налетчики, а молодой инженер, который услышал крики о помощи и поспешил к этому дому. Инвалид же думал, что те возвратились его добить. Выстрелом из двустволки инженеру выбило оба глаза! Родители инженера писали во все инстанции, что их сын ослеп, а инвалид находится на свободе. Дело оказалось очень

неприятным и сложным. Во время следствия мне пришлось выслушать всю историю жизни этого инвалида. Вся семья его погибла в блокаду, сам он перенес тяжелое черепно-мозговое ранение, жил трудно, бедствовал, не хватало денег даже на пропитание. Как его не пожалеть? Такая судьба! Невольно я повел следствие не с обвинительным уклоном, а наоборот, как мне казалось, объективным.

Прокурор познакомился с результатами моего расследования и снова отчитал: «Ты вообще парень способный, какое сложное дело ты расследовал с абортами на Кировском заводе. А тут два дела запорол, брак. Ты подумай о своей дальнейшей работе, как ты будешь работать юристом… я удивляюсь».

Между прочим, после практики я получил характеристику, которая у меня сохранилась, можешь ее почитать, она оказалась блестящей. Думал, что он меня вообще провалит, что поставят мне по практике двойку, а тут? В институте мне даже сказали: не иначе прокурор оказался знакомый…

Наверное, не случайно я изменил своей специальности в 1952 г. и пошел в комсомол к Машерову. Постепенно складывалось убеждение, что я не на своем месте. Намерения сначала у меня были благими: получить высшее юридическое образование после работы в СМЕРШе[24]. Было у меня чувство обостренной справедливости: бороться со злом; оставалась еще юношеская романтика – сажать врагов, ловить шпионов! Такая была у меня внутренняя установка после добровольного ухода на фронт. Так нас воспитали. Жизнь же сама все время меня поправляла и вносила свои коррективы. Следующая практика, которая проходила в Речицком суде, подтвердила мои сомнения.

Дело показалось мне очень грязным, общение с преступным миром вызывало отвращение. Часто попадались и совершенно невинные люди,

---

[24] СМЕРШ – название ряда независимых друг от друга контрразведывательных организаций в Советском Союзе во время второй мировой войны; Главное управление контрразведки «СМЕРШ» в Наркомате обороны СССР – военная контрразведка, начальник – В.С. Абакумов.

которых тоже нужно было обвинять, чтобы не случилось «брака» в работе. Украдет колхозник сено или мешок зерна – он преступник, и сажай его на всю катушку! Но воровали-то не от хорошей жизни, это все знали. Много было очень дел скандальных, кляузных, бытовых. Это меня мало интересовало, и работа была мне не по душе.

Л.М. Смиловицкий. Минск, фото 1951 г.

МЮ БССР

НАРОДНЫ СУД гор. Рэчыцы | НАРОДНЫЙ СУД гор. Речицы

Гомельской области

30 июня 1951 г.

№ 2

ХАРАКТЕРИСТИКА

на студента 3-го курса Минского Юридического института СМИЛОВИЦКОГО ЛЬВА МАТВЕЕВИЧА, прошедшего практику в народном суде города Речица, Гомельской области с 20-го мая по 30 июня 1951 года.

За время прохождения производственной практики т. Смиловицкий проявил себя политически развитым, идеологически подготовленным и дисциплинированным.

В суде находился в соответствии с установленным распорядком дня. Проявил себя человеком большой работоспособности и любознательности, хорошо усвоил всю работу канцелярии суда в соответствии с инструкцией о делопроизводстве в народном суде. Параллельно с секретарем судебного заседания вел его протоколы. Составлял правильные акты проекты решений и приговоров по проходящим в суде делам.

Тов. Смиловицкий хорошо усвоил работу судебного исполнителя. Участвовал с последним при исполнении судебных решений.

Изучая дела, подлежащие рассмотрению в подготовительных и судебных заседаниях, он высказывал свое мнение, которое в большинстве случаев было правильным.

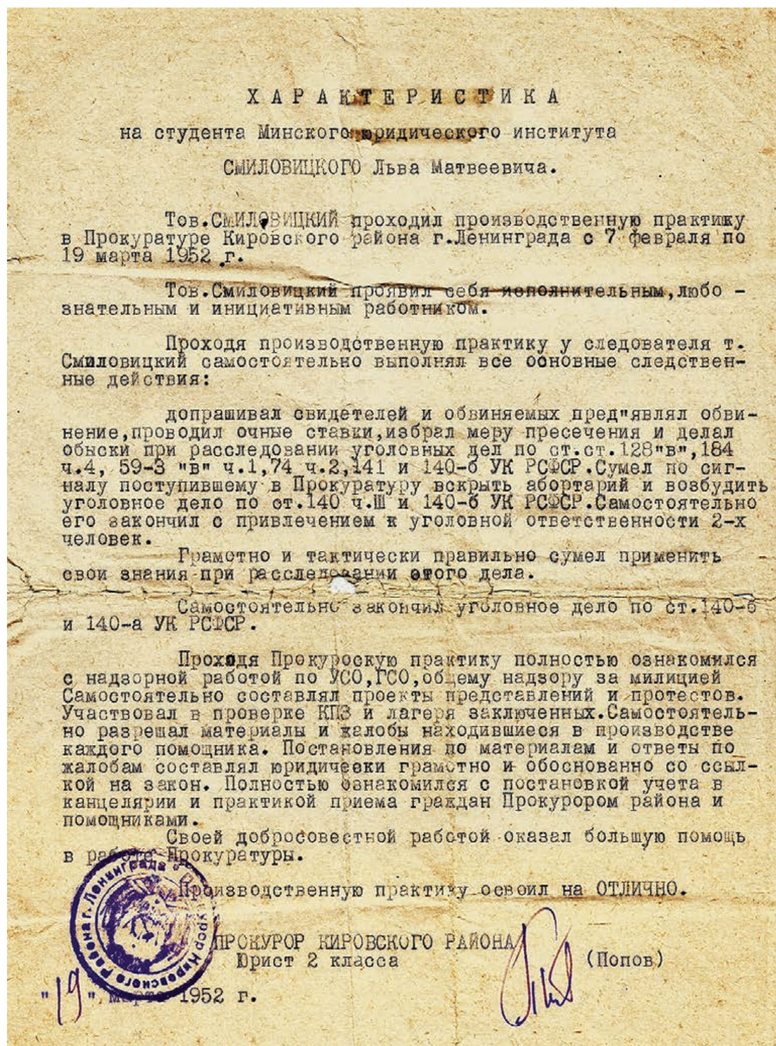
Тов. Смиловицкий присутствовал при проведении ПЗ, а так же во время приема мною посетителей. По моему поручению самостоятельно принимал посетителей, давая им правильные разъяснения. Присутствовал во время моего отчета перед избирателями о работе народного суда по рассмотрению уголовных дел. Ознакомление и усвоение т. Смиловицким всей этой работы способствовало твердое знание им теории права, полученное в институте. Во всех вопросах правового характера ориентируется правильно, ссылаясь при этом на закон.

Считаю, что т. Смиловицкий вполне подготовлен и достоин для занятия должности народного судьи.

НАРОДНЫЙ СУДЬЯ гор. РЕЧИЦЫ [подпись] / ЧАХОВ/

[Печать: Народный суд гор. Речицы Гомельской обл.]

Характеристика на студента Минского юридического института Л.М. Смиловицкого по итогам практики в народном суде г. Речица в мае – июне 1951 г.

Х А Р А К Т Е Р И С Т И К А

на студента Минского юридического института

СМИЛОВИЦКОГО Льва Матвеевича.

Тов.СМИЛОВИЦКИЙ проходил производственную практику в Прокуратуре Кировского района г.Ленинграда с 7 февраля по 19 марта 1952 г.

Тов.Смиловицкий проявил себя исполнительным, любо - знательным и инициативным работником.

Проходя производственную практику у следователя т. Смиловицкий самостоятельно выполнял все основные следственные действия:

допрашивал свидетелей и обвиняемых пред"являл обвинение, проводил очные ставки, избрал меру пресечения и делал обыски при расследовании уголовных дел по ст.ст.128"в",184 ч.4, 59-3 "в" ч.1,74 ч.2,141 и 140-б УК РСФСР.Сумел по сигналу поступившему в Прокуратуру вскрыть абортарий и возбудить уголовное дело по ст.140 ч.Ш и 140-б УК РСФСР.Самостоятельно его закончил с привлечением к уголовной ответственности 2-х человек.

Грамотно и тактически правильно сумел применить свои знания при расследовании этого дела.

Самостоятельно закончил уголовное дело по ст.140-б и 140-а УК РСФСР.

Проходя Прокурорскую практику полностью ознакомился с надзорной работой по УСО,ГСО,общему надзору за милицией Самостоятельно составлял проекты представлений и протестов. Участвовал в проверке КПЗ и лагеря заключенных.Самостоятельно разрешал материалы и жалобы находившиеся в производстве каждого помощника. Постановления по материалам и ответы по жалобам составлял юридически грамотно и обоснованно со ссылкой на закон. Полностью ознакомился с постановкой учета в канцелярии и практикой приема граждан Прокурором района и помощниками.

Своей добросовестной работой оказал большую помощь в работе Прокуратуры.

Производственную практику освоил на ОТЛИЧНО.

ПРОКУРОР КИРОВСКОГО РАЙОНА
Юрист 2 класса (Попов)

"19" марта 1952 г.

Характеристика на студента Минского юридического института Л.М. Смиловицкого по итогам практики в прокуратуре Кировского района г. Ленинграда в феврале – марте 1952 г.

Довелось мне познакомиться и с ИТЛ (исправительно-трудовым лагерем), а по существу, концлагерем, чего там говорить. Сеть таких лагерей покрывала всю страну. В одном из них под Ленинградом я проходил прокурорскую практику. Располагался он в районе больницы Фореля (до революции это была психбольница). Впечатление лагерь произвел угнетающее. До сих пор вспоминаю и думаю, что много бед есть на свете, но хуже тюрьмы, где лишают человека воли, нет. Даже физическая боль не может идти с ней в сравнение. Постоянное, изо дня в день, из часа в час унижение человеческого достоинства. Человек низведен до положения животного, раба, вещи. Это страшное дело – неволя, хуже ее не бывает.

Там была у меня прокурорская практика. По закону любой страны, в том числе и нашей социалистической, лагеря должны были периодически проверяться прокурорами. Содержатся ли заключенные согласно закону, не издеваются ли над ними? Кормят ли их доброкачественной пищей, лечат ли их? Встречи с заключенными были для меня очень тягостными.

Зашли мы в один барак и увидели: сидит на нарах пожилой человек, как мне тогда показалось, лет 40, обросший, и вяжет на спицах. И что вяжет? Какую-то салфетку. Почему я его запомнил? Мужчина – и чтобы вязал. Что-то такое убогое, где-то нашел он эти нитки, что-то распустил, понимаешь? Но с каким энтузиазмом он показывал мне, какую салфетку он вяжет, и с такой радостью, как будто он написал картину Левитана. Чувство творчества даже в такой обстановке! Он рассказал, что никогда прежде не вязал, что попал в лагерь за растрату. Работал он бухгалтером и получил 10 лет заключения за 5 тысяч руб. И вот он уже 8 лет отсидел. Убогость обстановки, страшная нищета барака просто не поддается описанию.

С другим заключенным мы беседовали в карцере. Он пытался что-то проглотить, чтобы попасть в больницу, и его, как когда-то за самострел на фронте, посадили на 15 суток в карцер. Это вообще страшное место: каменный мешок, вода сочится – и все. Я потом сравнивал то, что видел в 1950-е гг. в период моей студенческой молодости с тем, что увидел недавно во время посещения казематов Петропавловской крепости в Ленинграде. Наши советские тюрьмы мало чем отличались от царских. Тюремная система не изменилась, не дай Бог с ней никому познакомиться.

Тюрьма «Кресты» в Петербурге (Ленинграде). Фото 2015 г.

После войны. Работа в ЦК ЛКСМБ

В пятидесятые годы я работал в ЦК комсомола Белоруссии. Много внимания у нас уделяли пропаганде новых методов работы. Мы искали и популяризировали комсомольскую инициативу, проводили молодежные фестивали.

За год до Всесоюзного фестиваля мы готовили Всебелорусский фестиваль молодежи и студентов, который намечался на июнь 1957 г. Это было решение ЦК ВЛКСМ, которое мы исполняли. И так было во всех союзных республиках. Прошел XX съезд КПСС, люди стали дышать вольнее, появилось больше открытости, откровенности.

Мы разработали условия соревнования: победители должны были ехать на фестиваль в Москву. Это был большой стимул. Студенческий отдел и отдел пропаганды ЦК ЛКСМБ, где я работал, занимались именно этим. Возглавлял отдел Толя Корабельников. Он был толковый парень, закончил МГИМО, но за границу не поехал, а попал к нам в комсомол, потом перешел на работу в КГБ и до последнего времени ходил в больших чинах.

Победителем соревнования стала комсомольская организация колхоза им. Н. Гастелло Минского района. Их наградили почетной грамотой ЦК Комсомола Белоруссии; представителей молодежи колхоза им. Н. Гастелло включили в состав белорусской делегации в Москву.

Студенты Минского юридического института на субботнике по восстановлению города.
Минск 1950 г.

Поехали вдвоем с Корабельниковым. Люди мы были взрослые, прошли фронт, закончили ВУЗы – не чета нынешним комсомолятам. И отношение к нам было серьезное, как к партийным работникам, которые работают с молодежью. Встречать нас вышли председатель, секретарь партийной организации колхоза, комсорг, несколько передовиков. Предполагалось созвать актив комсомольской организации и посоветоваться: кого лучше выдвинуть в состав делегации в Москву.

В сельском клубе нас встретили, поднесли хлеб на цветастом рушнике, а на нем стояла вот эта солонка. Мы приняли подарок, поблагодарили и стали проводить собрание. Все было демократично, не надуманно, никто не зевал. В то время вообще этого понятия не было: все делалось на подъеме, с интересом, несмотря на то, что жили бедно. Потом была художественная самодеятельность, выступил хор девчат. Вечером – танцы до упаду, белорусская полька с притопом и прихлопом, ну, и мы потанцевали, хотя было немного неудобно. Танцевали фокстрот и танго.

Хлеб и солонку мы увезли в Минск. Долго эта солонка стояла у нас в отделе – валялась, валялась. Жили мы в полуподвальном помещении ЦК комсомола, где было общежитие для холостяков. Приехала мама, естественно, ничего у нас не было. Потом переехали на Соломенную улицу, где был двухэтажный барак, принадлежавший ЦК еще с довоенных времен.

Взяли мы солонку: она красивенькая такая, маме понравилась. Так она у нас и осталась.

Да, я и сам помню: всегда она стояла у нас на столе. Все билось, а она не разбилась.

Да, с Соломенной мы переехали на ул. Горького, где ты и родился. Кстати, символические ворота Минска, построенные на Вокзальной площади, которые изображены на той солонке, были одной из первых новостроек города. Все еще лежало в развалинах, восстановили только здание вокзала, а потом принялись за эти ворота. Ничего еще не было, а они стояли. Поэтому их рисовали на всех открытках, тарелочках и наклейках. Такова история этой солонки.

А вообще я тебе должен сказать: у нас устраивали такие показушные деревни, чтобы возить туда иностранные делегации молодежи. В каждом доме хочется показать что-то хорошее. Нам же стыдно было водить делегации в плохие колхозы, показывать развалюхи, нищету и бедность большинства людей, а демонстрировать ведь надо было что-то… И не просто демонстрировать, а показывать пример остальным. Как же, советская страна – победительница фашизма! Да и кому показывать? Странам народной демократии. Более того: после фестиваля в Москве 1957 г. ЦК комсомола получил новую международную функцию, расширились наши связи с внешним миром. Так долго мы жили в изоляции, не верили никому и боялись врагов, а тут стали принимать иностранцев.

Особенно обширные связи были с молодежными организациями из развивающихся стран Азии и Африки. Итак, нужно было что-то показывать. Всего по Белоруссии было пять-шесть таких колхозов, куда мы возили своих гостей, таких как «Гастелло». В Слуцком районе было такое хозяйство, еще «Комсомол Гомельщины» и некоторые другие. Делалось все заблаговременно. Привозили делегацию, а там уже готовились: чистили, драили, мыли и всё такое. Показывали делегации все, что могли, а потом угощали.

Угощали?

Так угощали, так хлебосольно! А председатель хозяйства должен был сам изыскать средства. Угощали не просто так, а с водкой, обильной водкой. И столы ломились: картошка, сало, яйца, огурцы, мясо. Одним словом: что было, то и на стол накрывали. И все за счет колхоза, а ЦК комсомола только заказывал. Откуда же у нашего ЦК деньги? Все взносы уходили в Москву, а нам оставляли «слезы»: на канцелярские товары и на зарплату аппарату. Бюджет был небольшой. Колхозы, брат, отдувались…

Часто возили делегации?

Часто, 5-6 раз в месяц и чаще. Мы же в Белоруссии – на полпути к Москве. Все едут через Минск и, естественно, из ЦК ВЛКСМ поступала

команда: «принять», «обеспечить», чтобы все было на уровне. Вырабатывали программу, утверждали на бюро ЦК, назначали ответственных, выделяли транспорт… Машина крутилась четко. И, конечно, хотели показать, что все у нас в порядке.

Мы считали, что иногда и слукавить можно, если во имя идеи, во имя патриотизма. Это все равно, как сейчас читаешь в газете: следователь допрашивает арестованного по доносу человека. Говорит: «Признайся, это нужно для партии». Арестованный признается. Потом у него друзья спрашивают: «Как ты признался, ведь это все липа?» А тот отвечает: «Так нужно было партии, так и следователь сказал. Вот я и признал себя английским шпионом». Арестованный верил, что это нужно для партии, что существуют какие-то интересы, о которых ему знать не велено. Вот и мы были глубоко убеждены, что показуху эту устраивать морально. Мы совершенно не чувствовали, что это непозволительный компромисс. Мы думали как? Живем мы пока бедно, ничего сделать не можем, но идеи социализма правильные, они должны жить и пропагандироваться, – значит, будем приукрашивать. Об административно-командной системе никто тогда и понятия не имел, и не догадывались.

Сегодня кое-кто критикует эти вещи. Они не понимают, что мы были искренни. Никто никогда намеренно не обманывал. Мы были добросовестно заблуждающимися людьми, своего рода «добросовестными оборонцами» по определению Ленина. Я думаю, что даже в высших сферах были «добросовестные оборонцы» – в партийных органах, в ЦК. Это были люди честные, порядочные. О лжи и разговора не было. Наоборот: если кто-то соврет – его наказывали, да еще как! Умели наказывать!

Это была странная, но очень высокая мораль. Может быть, нельзя проводить такие аналогии, но я иногда задумываюсь, что у фашистов тоже была своя мораль. С одной стороны – они убивали людей: стреляли, сжигали, закапывали живыми, а с другой стороны – имели свои семьи, были примерными мужьями и отцами, любили музыку, занимались спортом. Вот ведь весь ужас в чем! Их мораль не соответствовала общечеловеческим идеалам, но она была.

Как раз в это время на бюро ЦК ЛКСМБ мы начали рассматривать апелляции тех комсомольцев, которые были в оккупации, и даже

комсомольских работников. Они попрятали свои комсомольские документы или даже уничтожили их, чтобы уцелеть. Не все же ушли в партизаны, прижились по деревням, затаились. Они приняли этот рабский образ жизни, а когда пришла советская власть, их, конечно, исключили из комсомола – с треском, публично, на собраниях. После XX съезда КПСС обстановка в стране изменилась, и они начали задумываться о своем положении. Началась Великая Реабилитация, и эти люди стали заявлять, что сталинизм поставил страну в такие условия, когда оборона была уничтожена, армия обезглавлена, территория почти без боя отдана противнику, народ брошен, миллионы людей оказались в тылу врага, а теперь валить все на них? Считать их неполноценными гражданами? Эти люди не хотели быть в роли предателей. Они были морально унижены и запуганы – сначала фашистами, а потом и нашими.

В то время относились к таким людям непримиримо. Я присутствовал почти на каждом бюро ЦК комсомола, их вел Машеров, пока не ушел на партийную работу[25]. Петр Миронович их очень не любил. Обсуждения на бюро проходили бурно. На каждом бюро разбирались дела 3-5 человек. Готовились, посылали инструктора, тот выезжал на место, беседовал с людьми, встречался с представителями органов безопасности, составлял информационную справку. Это были настоящие драмы, которые пока нигде не отражены, ни в каких книгах это еще не прочитаешь. Это может рассказать только очевидец: в литературе такого нет, а документы пока закрыты. Все это есть только в архивах, в протоколах ЦК и материалах к ним.

---

[25] Петр Миронович Машеров (1918-1980) – первый секретарь ЦК ЛКСМ Белоруссии (1947-1954), первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии (1965-1980), кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС (1966-1980), Герой Советского Союза (1944), Герой Социалистического Труда (1978), обладал большим обаянием, интеллигентностью, простотой в общении, умением находить подход к каждому собеседнику, редко повышал голос, период руководства республикой при Машерове ознаменован значительным экономическим подъёмом Беларуси.

Больно было смотреть, как взрослые мужики плакали. Они доказывали, что сочувствовали советской власти, сердцем были с родиной, помогали партизанам, что никакие они не предатели. Мол, малые дети были, не мог пойти в партизаны: боялся, что убьют детей, убьют жену. Другой говорил, что работал на заводе при немцах, потому что больше не на что было жить, а дома – больная мать-старушка, инвалид-отец. Простите меня, восстановите в комсомоле. Тут же реплики членов бюро: «А почему другой мог? Почему я был в партизанах? Почему этот пошел добровольцем? А ты отсиделся, порвал комсомольский билет! Хочешь пойти снова в комсомол, двурушничать перед людьми»? Редко кого восстанавливали, это было при исключительных обстоятельствах. Можно предположить, что подобные случаи были в это время и в партии.

А ты как к ним относился?

Мне было их жалко, но это, наверное, свойство моего характера. Приведу пример. Под Могилевом в 1944 г. взяла наша батарея пленных немцев. Я знал, кто такие фашисты. Знал, что попадись я к ним – они бы со мной не церемонились. И все мы это знали. Но посмотрел я на них – обычные солдаты, которые попали в плен, и теперь судьбу их будут решать другие, враги. Даже солдаты наши из одного котелка ели с этими немцами. Покормили их, потому, что они двое суток не ели. И я дал одному кусок хлеба. Как-то жалко его было. Вот и здесь так. Конечно, я добровольцем в 17 лет в армию пошел. Такого горя хватил, такое дно жизни повидал… Мог злоумышленно относиться к тем, кто апеллировал на бюро ЦК. Плохо ли, хорошо ли им было, но лучше, чем нам, кто в окопах сидел и себя под пули подставлял. Жизнью они не рисковали. Если они детей рожали, то, наверное, не так плохо им было жить при немцах. Повторяю: ненависти к ним не было, просто было их жалко. Но я был глубоко убежден, что восстанавливать их в комсомоле нельзя, несправедливо. Они жизнью своей не подтвердили, что нужны комсомолу и партии.

А вот смотри: какова современная политика СССР в отношении наших пленных в Афганистане? Специально объявлено, что амнистия

распространяется на всех, независимо от обстоятельств пленения и того, как они себя в плену вели... Как это объяснить? Наверное, потому, что так мы признаем неправильность своего присутствия в Афганистане, что не нужно было своих ребят там подставлять, что это не просто гуманизм. Я так это понимаю.

Да, правильно. Но события нужно рассматривать не просто с позиций сегодняшнего дня (потому мы свою историю исказили), а конкретно-исторически, то есть в данном случае с позиций 1950-х гг.

Если ты попадешь в плен, считалось тогда, попадешь в окружение, то пеняй на себя, защищайся до последнего патрона или погибни. Мы шли на крайние меры, у нас не было боевого опыта, мы оставляли врагу советскую землю, советских людей... Поэтому от нас требовали поступать как от самураев. Самое настоящее самурайство! Не случайно же появились истории Александра Матросова и Зои Космодемьянской.

Так почему кто-то должен был отдавать свою жизнь, а другие – попрятаться и выжидать? Это все сложно, и рассуждать сегодня с позиций теперешних, а не тогдашних, нельзя – ничего не поймешь. То были условия военного времени, чрезвычайные обстоятельства!

Но вообще наше сознание – всех, кто родился после революции, – было деформировано. Ленин-то умер в 1924 году, ну, еще года три продержался ленинский дух в стране, а потом начали делить его наследство, и что получилось? Люди поступали в духе «добровольного оборонничества». Я сомневаюсь, что было много таких, кто понимал действительное положение вещей, но кривил душой ради карьеры или просто, чтобы выжить. Как правило, этого не наблюдалось. Объяснять иначе будет поверхностно.

Сталин это, конечно, понимал. Возможно, сначала он и сам так думал, а потом поверил в свои методы. Он не был прямым врагом. Но услужливый дурак хуже лютого врага. Вот он так и «услуживал» своему пониманию марксизма и дошел до беззакония. К тому же был он человеком капризным, упрямым, ревнивым, нетерпимым. А остальные боялись или верили, что так и надо. Когда на тебя ежедневно обрушивается пропаганда радио и газет: «Родина», «Партия», «Мы самые передовые,

прогрессивные», «Сталин самый умный», «Это радость, что он живет на свете», когда тебе вдалбливают это каждый день в мозги – любой поверит!

Жетон в ознаменование 70-летия освобождения Беларуси от нацистов из сувенирного киоска Белгосмузея истории Великой Отечественной войны в Минске. Фото Леонида Смиловицкого, июль 2014 г.

Да, но, когда то же самое делалось при Брежневе, народ хихикал. А тогда – нет!

Правильно. Единожды солгавшему веры нет. Пока Хрущев не разоблачил Сталина, очень много было добросовестных «оборонцев», а когда карты раскрыли и доказали – всё, больше дураков нет!

В самом деле. А я раньше не понимал: сначала вдалбливали и верили, а потом опять начали вдалбливать, но ничего не получилось.

Конечно! Более того, теперь уже и правду говорят, а люди все равно сомневаются. Вот и Горбачеву не все верят: докажи делом. Правильных слов уже наслушались, обещаний тоже.

Работая в ЦК ЛКСМБ, я пережил трех первых секретарей: Машерова, Аксенова и Криулина. Начинал я с должности лектора. Брали меня из Барановического ОК ЛКСМБ. В Барановичи меня направили после окончания Минского юридического института в 1952 г., а почему? Там проходила коллективизация. До войны не успели, потом хватились, а ситуация изменилась. Кончилась война, люди ничего не боялись, оружие припрятали: знали, какие плоды несет с собой сталинская коллективизация, поэтому и сопротивлялись. Мы квалифицировали это как бандитизм, кулацкие восстания. Коллективизация в Западной Белоруссии проходила мучительно. Эта страничка истории еще ждет своего исследователя.

Нужно учитывать, что крупных сел там не было, – в основном хутора. Идти в колхозы крестьяне не хотели, а их заставляли, уговаривали, запугивали. Поэтому и требовались такие люди: во-первых, идейно преданные, во-вторых, прошедшие огни и воды, фронт, которые не пугались бы экстремальных обстоятельств. Только сейчас мне становится понятно, почему Машеров так меня уговаривал перейти на работу в комсомольские органы, – лично, ночью в своем кабинете. Говорили мы долго: с половины двенадцатого, до часа ночи.

Это ведь не случайно: ты учился в юридическом институте, был заместителем секретаря комитета комсомола института, отличником.

Да, но мне кое-что было не понятно. Машеров был 1914 г.р., намного меня старше, Герой Советского Союза, очень авторитетный человек. Беседа шла в присутствии двух других секретарей ЦК ЛКСМБ (Данилова и Цереня), а назавтра у меня был экзамен по уголовному процессу. Кстати, из-за них я «завалил» его – получил четверку. Как говорится, не хватило одной ночи. Вызвали меня в ЦК на беседу к Машерову на вечер. Почему? Манера тогда была работать по ночам. Сталин работал ночью и другим спать не давал.

Л.М. Смиловицкий, студент Минского юридического института.
Минск, лето 1952 г.

Ну да, все «звоночка» ждали.

Да, и все боялись – вот по ночам и работали. Как я попал в юридический институт? Последние годы службы (уже после окончания войны) меня направили шофером в СМЕРШ: возить начальника контрразведки бригады майора Самцова. Кстати, родом он был из Борисова. Я был солдат, а они – офицеры, да не простые, а из контрразведки, то есть на два порядка выше остальных. Они были на особом положении. Я все это наблюдал, и у меня родилась мечта достичь их уровня. Примитивная цель, но большего я и не желал. И когда демобилизовался, я сразу направился поступать в юридический институт. Сомнений у меня не было.

Поступил, начал учиться, а тут еще Михоэлса убили в 1948 г.[26], и я начал догадываться, что занялся не тем, что это не мое дело. Поэтому, когда Машеров со мной беседовал, у меня были сомнения в отношении будущей профессии. Но меня этому учили, а комсомол – что это такое? Но Петр Миронович убедил: «Я тоже учитель по образованию, а не кадровый работник. Я работал в Россонской школе, работа нравилась, а война все изменила. Родина потребовала! Знаете, поработайте у нас, а потом, возможно, и вернетесь к своей профессии».

Поехал в Барановичи, выдали мне пистолет – были случаи нападений. В поездках за пределы Барановичей нужно было брать с собой оружие. Пользоваться мне им не пришлось, но однажды ночью нашу машину обстреляли из леса. Это был август 1952 г.

Могли и попасть?

Могли.

---

[26] Соломон Михайлович Михоэлс (1890-1948), советский театральный актёр и режиссёр, педагог, общественный и политический деятель, Народный артист СССР(1939), председатель Еврейского Антифашистского Комитета в СССР, лауреат Сталинской премии (1946), убит 12 января 1948 г. в Минске сотрудниками МГБ, убийство было замаскировано под дорожное происшествие.

И убить?

Ну, раз стреляли…

Но какие мы были жестокосердные! Вот, нужно было агитировать за займы восстановления народного хозяйства СССР, – бумажки, которые должны были оплачиваться через десятилетия! Сейчас я бы не пошел, а тогда? Есть было нечего, люди сопротивлялись, не хотели покупать облигации. Мы же их уговаривали, убеждали… И пустым не приезжал, из кожи вон лез. И планы нам доводили, а как же?! Это была еще одна своеобразная коллективизация. У людей вымогали деньги ни за что. Вот еще нераскрытая страница истории, о которой романы можно писать. Сказано только одной строчкой, что были использованы займы восстановления народного хозяйства, и все! Историки еще доберутся до этих займов. Может быть, в документах это будет представлено красиво: например, Барановичская область подписалась на столько-то, Брестская на столько-то и так далее.

Ну, документы разные бывают. Есть и справки для начальства, составленные в доверительном тоне, где раскрывается настоящее положение вещей. Составлялись же они в полной уверенности, что эти сведения никогда света не увидят. Вот отыскать бы их в архивах, а они есть.

Да, конечно, хранятся. Да и никто не думал, что это предосудительно. Государство народное, оно во всем право. Средства нужны для восстановления разрушенного. А государство лучше народа знает, что ему нужно, а что нет. Да, ну и потопали мы. Приезжаем в район, есть нечего, переночуешь в паршивой гостинице, выпьешь стакан чаю в столовой, и пошел…

И пирогами вас не встречали.

Да какими пирогами! Единственные, кто нас поддерживал, – это местная интеллигенция, или руководство колхоза вечером покормит.

Что едят в Белоруссии? Картошка с жареным салом и луком, немного капусты. Натуральная пища. Хорошо, еще голода не было. И выезды такие были 20 дней в месяц.

Двадцать дней в месяц?

Да, 10 дней в аппарате обкома комсомола, остальное время по районам. Конечно, для своей хозяйки Зинаиды Павловны Ярошевич я был хорошим постояльцем. Но и она была очень порядочной хозяйкой.

Вот еще о чем я хотел спросить: когда и где ты услышал о кончине Сталина, и какое это произвело впечатление лично на тебя?

Накануне смерти Сталина в печати появились бюллетени о его состоянии здоровья. Народ готовили. События эти настигли меня в Новогрудке, где я был по заданию ЦК ЛКСМБ в командировке. В Новогрудке располагалось ремесленное училище. Можно себе представить контингент его учащихся в послевоенное время. Сейчас мы жалуемся на тех, кого отправляют в ПТУ, а тогда, думаешь, лучше было? Хуже.

В город приехала с концертом бригада артистов из филармонии. Эти юнцы их встретили и избили. Задрались, затеяли драку и избили. Какому-то артисту проломили череп железкой. Милиция их арестовала, тогда училище высыпало на улицу, окружило отделение милиции, загнало милиционеров на второй этаж, забросало камнями окна и подожгло.

Случай стал известен в ЦК ВЛКСМ в Москве. Где была комсомольская организация и была ли она в училище вообще, в каком состоянии находилась идейно-воспитательная работа и прочее? Из Москвы приехал инструктор, и я вместе с ним поехал в Новогрудок. Меня Пилотович послал, секретарь Барановичского ОК ЛКСМБ[27]. Провели серьезную

[27] Станислав Антонович Пилотович (1922-1986) – секретарь Барановичского обкома ЛКСМ Белоруссии (1948-1953), секретарь ЦК КП Белоруссии (1965-1971), посол СССР в ПНР (1971-1978), заместитель Председателя Совета Министров БССР (1978-1983).

работу: избрали новое бюро, комсорга училища. Целую кампанию провели, серьезно поработали. Положение там было отвратительное. Воровство. Утром выдадут постельные принадлежности, а вечером их уже нет – продали на толкучке, деньги пропили и спят на матрасах. Пьют, развратничают – такие там были нравы. Там мы и узнали о смерти Сталина.

Страха я не испытывал. После войны, после того, что я видел и пережил на передовой, был ранен и контужен, после того, как я каждый день хоронил товарищей, страха в жизни у меня больше не было. Но на душе было тягостно. Большой политикой мы не занимались, и все это представлялось на уровне обыденного сознания. Но я задумался, и все задумались. Сталин – такой человек, столько сделал, столько на нем висело. Это одно. Теперь второе: не думай, что у нас было время для размышлений. Думать было некогда, мы постоянно были заняты практической работой. Мы были исполнителями, нас готовили исполнителями, думать не требовалось: делай, что говорят, и все! Мы в это и не лезли. Мы организовали в училище траурные церемонии: чтобы были портреты, венки, митинг; выступающих готовили; письмо нужно было написать в ЦК ВКП(б) от имени училища. Но когда вечером я приехал в Барановичи, у меня произошел очень примечательный разговор с хозяином дома, где я жил. Георгий Филиппович Ярошевич, человек лет около 70, жил «за польским часом» почти все время, имел небольшую ремонтную мастерскую, сам трудился, не покладая рук. Его уважали.

Разговор был такого рода. Я поделился с ним своим горестным чувством, а он посмотрел на меня с удивлением: «А что Вы расстраиваетесь, молодой человек? Может быть, это и к лучшему…» Меня это поразило. Раньше и близко подобных настроений не было, я впервые такое услышал! Дело даже не в том, что можно было пострадать за такие заявления, а в том, что их никто даже не выражал! Он же, не стесняясь, мне это говорит. Говорит доверительно, конечно, не каждому сказал бы такое. Перед другим комсомольским работником он бы и рта не раскрыл.

Итак, первое мое удивление было – что находятся люди, которые, оказывается, не переживают, что Сталин умер. Второе – что Ярошевич выразил удовлетворение этой кончиной. И добавил: «Слава богу, что

он умер, и увидишь, как еще дела повернутся! Люди еще и вздохнут свободно!»

Развернулась настоящая дискуссия. Я ему доказывал свое с позиций молодого убежденного сталиниста. А он мне свое – точку зрения человека, который прожил жизнь вдали от партии, комсомола, от коммунистических убеждений. Видел он многое и многих: помещиков, торговцев, кого хочешь. Но человек он был честный, порядочный, благородный, и меня его взгляды удивляли. Он подкреплял свои доводы аргументами, напомнил о «Деле врачей». Было это незадолго от смерти Сталина в январе 1953 г. Я же, как и все остальные, верил, что врачи были отравителями. Он принялся разъяснять мне суть вещей, что этого быть не может, что это авантюра, нечистое дело. К чему это приводит? И рассказывает, что буквально вчера шел на работу и стал свидетелем дикой сцены. Пришлось, говорит, спасти одного еврея, который всю жизнь прожил под польской властью, а какой-то местный жлоб стал на него нападать под влиянием официальной антисемитской пропаганды.

Мог ли он пройти мимо? Он вступился, чуть ключом не ударил: «Босяк, ты не знаешь этого Менделя? Какой он отравитель? Какое отношение он имеет к этим врачам?» И говорит мне: «Видите, молодой человек, к чему это приводит?» (…)

Партийная работа. Нажим на деревню

Сентябрьский Пленум ЦК КПСС 1953 года впервые назвал настоящее бедственное положение в советском сельском хозяйстве. Впервые за долгие годы было признано, что отсутствие материальной заинтересованности, правильной кадровой политики, преступного и халатного отношения к социалистической собственности и т.д. пагубно сказались на состоянии деревни. Она оставалась нищей, хотя прошло уже почти десять лет после войны. Конечно, все это лежало на поверхности, но о том, что нужно менять отношение к собственности, никто и не заикался. И все же это был шаг вперед.

Н.С. Хрущев и тогдашние советские и партийные руководители видели главные недостатки в отсутствии правильной кадровой политики на селе, низких закупочных ценах, ошибках в планировании. Но ведь все это шло еще от коллективизации, от Давыдовых[28] и прочих посланцев партии. Принцип остался старый, и Никита Сергеевич бросил снова клич на сентябрьском Пленуме партии: «Коммунисты, вперед»! И было принято решение укрепить кадры сельского хозяйства, в первую очередь председателей колхозов, за счет членов партии. Состоялся очередной набор.

---

[28] Имеется в виду Семен Давыдов, главный персонаж книги М. Шолохова «Поднятая целина».

Где в Минске было взять коммунистов? Ну, хорошо, прижали кое-кого из партийных функционеров, но их не больно-то пошлешь: они пригрелись, и друг друга прикрывали. Кому хотелось оставлять городские квартиры, насиженные места, распределители и санаторные путевки? А в нашей административно-командной системе, если поступила команда, – она должна быть исполнена. Нужно же было Минскому обкому отрапортовать ЦК КПСС. Недавно закончилась война, и кадры в руководстве колхозов и совхозов были разные. Много было не то что неумелых или неквалифицированных людей, а просто пьянчуг, которые разворовывали колхозы, считая их своей безраздельной вотчиной. Конечно, нужно было их заменить! В эту компанию попали и люди, которые никогда никакого отношения к сельскому хозяйству не имели.

Февраль 1955 года, едем мы на машине в Ивенецком районе с секретарем райкома партии и райкома комсомола. Темно, вечер, пурга метет. Мы в газике сидим, продрогли. Вдруг впереди на дороге в свете фар появляется фигура в тулупе, воротник поднят, как снежный человек. Проголосовал, мы остановились: «Подвезите до райцентра».

Оказалось, что это был председатель колхоза то ли «Знамя Ильича», то ли «Победа коммунизма». Двинулись в путь, и я слышу на заднем сидении разговор секретаря райкома партии с этим председателем. Человек оказался евреем, причем характерным, уже немолодым по возрасту, картавил. Звали его Абрамом Иосифовичем. Спрашивает у него секретарь: «Куда идете так поздно?» Тот отвечает, что на ферме падеж скота, кормить коров нечем, никто не помогает. Вот когда меня сюда посылали, то на бюро обкома говорили: «Пожалуйста, поезжайте. Вам помогут, подскажут, одного не оставим и т.д.» Он отказывался, говорил, что ничего не смыслит в сельском хозяйстве, вот подстричь кого-нибудь – милости просим, а колхозом руководить?.. Но ему ответили: «Ты ведь коммунист! Как это ты можешь отказаться! Ты же воевал, неужели в колхозе тяжелее, чем на войне? Своя власть поддержит».

Абрам Иосифович как будто раскаивался: «Ничего у меня не получается и никто не помогает». Он действительно сутками мотался, выпрашивал корма то у соседей, то у самих колхозников, обещая

возвратить долги. Вот такая история: парикмахера – в председатели колхоза. Причем без злого умысла. Я уже тогда, будучи молодым человеком, безраздельно верящим в правоту и идеалы партии, подумал: как же это так, брать человека, который совершенно ничего не понимает в сельском хозяйстве, и посылать его руководить деревней? Ну, пусть он идейно готов это сделать, но какой будет результат? Пусть он будет самоотверженным и честнейшим гражданином, но этого же все равно будет мало. Вырастить хлеб – это не только наука, но и искусство!

Другое дело, если человек родился в селе, впитал с молоком матери весь уклад сельской жизни, с раннего возраста присматривался к занятию родителей, воспринимает сельский труд как часть своей жизни – и то его нужно много учить. А тут взяли человека из города и поставили руководить хлеборобами, которые не заинтересованы в своем труде. Да его же любой может обвести вокруг пальца, да, наверное, и обводили.

Впоследствии, когда я работал в партийных и государственных архивах над документами, писал кандидатскую диссертацию, обнаружил тогда еще секретные данные, в которых сельские райкомы партии докладывали в вышестоящие инстанции о том, сколько осталось в руководстве колхозов в Белоруссии выдвиженцев сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС. Приводились огромные цифры и почти все уехали. Если один процент из них остался через 10 лет – это хорошо. Никто не прижился. Кого сняли, кого прогнали, кто проворовался, кого отпустили с миром, кого командировали на учебу и т.д.

Меня эти данные поразили, но потом я подумал, что если был такой неподготовленный и неразумный набор, то этим и должно было кончиться. Правда, были, как всегда, исключения. Кое-кто остался. Например, был такой секретарь райкома комсомола в Витебской области Михаил Калачик. Он вырос в одного из лучших председателей колхозов страны, стал Героем Социалистического труда. Он начал и у него пошло. Легендарный Бядуля, второй секретарь Брестского ОК ЛКСМБ, дважды Герой Социалистического труда, народный депутат СССР. Но в целом, эта политика чрезвычайных мер, столь характерных для

большевистской партии, как партии военного типа, не оправдалась и не могла оправдаться. Личный интерес не объедешь, его нужно было ставить во главу угла. Упрощенное понимание таких жизненно важных проблем, как растить хлеб и ухаживать за землей, обернулось потом бескормицей на долгие годы.

В 1950-е годы прочно сохранилась практика посылки коммунистов для помощи сельскому хозяйству: подсказывать, проверять, доносить идеи и т.д. ЦК ЛКСМБ как младший брат ЦК КПБ активно участвовал в подобных мероприятиях. Однажды звонит мне как заместителю заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК ЛКСМБ мой начальник Криулин Глеб Александрович[29] и спрашивает: «Вы сейчас очень заняты?» Он был человеком тактичным, не в пример многим другим. Я ответил, что готовлю на пленум материал, обобщаю результаты. Глеб Александрович сказал, что ЦК КПБ просит одного человека направить от его имени в важную командировку по сельскому хозяйству. Я стал отнекиваться: «Да, какой из меня специалист по сельскому хозяйству? Чему я могу научить крестьянина?» Глеб Александрович настаивал: «Вы уже столько лет работаете в комсомоле, в ЦК». Сказал, что нужно собираться и присутствовать на совещании у Мазурова[30] в 14.00.

---

[29] Глеб Александрович Криулин (1923-1988), первый секретарь ЦК ЛКСМ Белоруссии (1957-1959), заведующий отделом административных органов ЦК КПБ (1959-1962), председатель исполнительного комитета Могилевского областного Совета (1962-1963), первый секретарь Могилевского областного комитета КПБ (1964-1974), посол СССР в КНДР (1974-1982), министр социального обеспечения БССР (1983-1988).

[30] Кирилл Трофимович Мазуров (1914-1989), советский партийный и государственный деятель, секретарь Гомельского горкома ЛКСМ, затем 1-й секретарь Брестского обкома ЛКСМ Белоруссии (1940-1941), представитель Центрального штаба партизанского движения на оккупированной территории Белоруссии (1942-1943), первый секретарь ЦК ЛКСМБ (1944-1947), первый секретарь Минского горкома и обкома КП(б)Б (1949-1953), председатель Совета Министров БССР (1953-1956), первый секретарь ЦК КПБ (1956-1965), первый заместитель Председателя Совета Министров СССР (1965-78), осуществлял политическое руководство вторжением советских войск в Чехословакию (1968).

Мне это даже польстило. На совещание к самому Мазурову, первому секретарю ЦК КПБ! Мазуров был широко известен не только в Белоруссии, но и во всей стране, был кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. Его портрет часто мелькал в газетах, имя каждый день звучало по радио. Сердечко прямо екнуло: ничего себе, думаю, командировочка.

Собрали нас на пятом этаже, где располагались секретари ЦК партии. В дверях милиционер, ковры, и все ходят чуть ли не на цыпочках, без звука. Туда без спроса не то что рядового коммуниста, но и работника аппарата ЦК КПБ не пускали. Ниже заведующего отделом ЦК ходу ни ногой. Это был еще только 1958 год. Так складывалось и поддерживалось обожествление партийной власти, с которой мы сейчас хотим, но не можем расстаться. Не случайно же они расположились на пятом этаже, а не на первом. Существовала своего рода субординация этажей в здании ЦК партии. Это было типично и пронизывало всю жизнь партии, страны и комсомола. Помню, когда я возглавлял делегацию БССР на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве в 1957 г.[31], нас строили в строго определенном порядке. Сначала, чтобы выйти в Президиум, стоял секретарь ЦК ЛКСМБ, потом завотделом, работник культуры, министерства, рабочий, колхозник, студент и т.д. Все было продумано как обряды в церкви.

В кабинете у Мазурова собралась вся группа – немного, человек восемь или девять. Сели за длинный стол в форме буквы «П». Я был самым молодым в свои 33 года, все остальные – около пятидесяти. Мазуров говорил по телефону. Он был человеком среднего роста, чернявый, симпатичной наружности, говорил очень спокойным голосом, располагающим, по-русски. Тогда говорить по-белорусски было не принято: можно было схлопотать репутацию националиста. О белорусизации и не вспоминали, будто ее и не было.

---

[31] VI Всемирный молодёжный международный фестиваль открылся 28 июля 1957 г. в Москве, гостями фестиваля стали 34 тыс. чел. из 131 страны мира, лозунг фестиваля «За мир и дружбу».

Когда все расселись, Мазуров начал и сказал примерно следующее, что меня поразило, поэтому я и запомнил: «Несколько минут назад позвонил, товарищи, Никита Сергеевич Хрущев и обругал меня матерными словами».

У меня от этих его слов голова почти ушла в плечи: «Ничего себе, думаю, Никита Сергеевич, вождь, всемирно известный человек, фигура номер один и вдруг – мат». Не нужно забывать, что наше поколение было воспитано в таком духе дисциплины и чинопочитания, что разговор с Хрущевым был для нас разговором с живым Богом. И вдруг услышать от этого Бога матерное слово?

Мазуров сделал паузу и посмотрел на присутствующих: «И знаете, за что он меня отругал? Никита Сергеевич попросил по ходатайству Германской Демократической Республики передать им 500 быков-производителей. Я ответил, что сделать этого нельзя. Отдать такое количество быков означает подорвать на корню все белорусское животноводство. Мы и так еле-еле выползаем, черт его знает на чем… Положение у нас очень сложное, много трудностей с Западной Белоруссией и т.д. Хрущев настаивал, он назвал нас сопляками и бездельниками. Не хотите, мол, и не надо, вот позвоню сейчас в Литву Снечкусу[32], и он мне не 500, а 1000 быков отдаст. И бросил трубку».

Лицо Мазурова было печальным. Он продолжал: «Товарищи, конечно, Хрущев не прав, но для чего я вам все это рассказываю? Вы выезжаете по вопросам животноводства в районы республики. Мы выбрали наиболее ответственных товарищей. Расширенное бюро ЦК КПБ приняло решение сделать все возможное для выполнения плана по животноводству, но знаете, как на местах, дел у них много – картошка, зерно, молоко, проблемы с народным образованием, жильем и т.д. Как их не понять? Всем трудно, специалистов не хватает, материальная база слабая. Поэтому мы вас просим: проявите внимание, поезжайте на места, зайдите в райкомы партии, расскажите о ситуации, о наших планах,

---

[32] Антанас Юозович Снечкус (1902-1974), первый секретарь Коммунистической партии Литвы (1940-1974), Герой Социалистического Труда (1973).

подумайте вместе, что можно сделать, соберите актив района и поищите решение. Сделайте все, чтобы мы не попадали потом в такое глупое положение, как сегодня это произошло со мной. Бюро ЦК считает, что резервы у нас есть. Обязательно обратите внимание на заготовку кормов, содержание скота, ферм, может быть, там пьяницы завелись?»

Дальше пошел конкретный инструктаж.

Назавтра я поехал в район на границе с Литвой, где секретарем райкома партии был Леонид Герасимович Клецков (Ошмяны). Захожу в кабинет к нему. Вижу: у окна стоит человек плотного телосложения. Блондин с круглым лицом, волевым подбородком, крепкими руками. Я представился ему, назвал цель своего приезда. В частности, рассказал, что Минск рекомендует заняться изготовлением торфоперегнойных горшочков для выращивания кукурузы – очередной тогдашней панацеи для подъема сельского хозяйства.

Но главное было в другом. Мазуров просил нас передать на места следующую идею: учитывая сложное положение республики, просить селян отдать свои приусадебные участки, как наиболее ухоженные и обработанные, в общественное пользование колхозам и совхозам. Качество их действительно с общественным было не сравнить. Отрезать, чтобы посадить там кукурузу… Колхозникам же компенсировать в другом месте.

Грабеж? Издевательство над здравым смыслом? Да. Но это сегодняшними глазами, а тогда ведь мы все государственное считали своим, так нас воспитывали. Земля же в целом считалась государственной и приусадебные участки тоже, только переданные в пользование колхозникам.

Клецков на меня исподлобья посмотрел, конечно, доволен он таким сообщением не был. Но как дисциплинированный партийный работник он сделал паузу и не возражал. Я его прекрасно понимал, сам оторопел, когда услышал такое предложение от Мазурова на инструктаже в Минске. Но положение Клецкова было хуже, чем мое, – ему же делать надо, мне только передать.

Клецков повернулся и долго смотрел в окно. Минуту, две, пять. Я же сижу и думаю: «Интересно, что же он скажет? Откажется или нет?» Возникла такая молчаливая дуэль. Потом прервал паузу и обернулся

ко мне: «Ну, хорошо. Давайте вечером соберем актив. Часикам к 18 подходите, и все это расскажем людям. Будем просить их направиться по хозяйствам, чтобы они разъяснили просьбу ЦК партии и товарища Мазурова, решение Бюро ЦК КПБ».

Что было дальше? Собрали вечером актив, я выступил, все снова рассказал. Нашлись люди, которые сразу сказали, что задача эта трудная и вряд ли выполнимая, что крестьяне Западной Белоруссии встретят это предложение в штыки. Правда, пообещали, что приложат все силы, чтобы уговорить людей и обеспечить выполнение поставленной задачи. Так мы расстались. Я еще побыл несколько дней в том районе, ездил по колхозам, участвовал в обсуждении этих проблем, собирали коммунистов, агитировали их. Кто соглашался, кто нет, а кто-то делал вид, чтобы все после моего отъезда спустить на тормозах.

Через некоторое время стало ясно, что затея эта провалилась. Это был уже не период коллективизации, люди прошли войну, Сталина не было… Другими словами, это был уже момент не приказа, а уговоров. При Сталине что? Пришел бы Макар Нагульнов[33] с наганом и все обеспечил, а тут была задача идеологов, пропагандистов – уговаривать, разъяснять, что мы и делали. Кстати, мы продолжаем делать это и сейчас во главе с Михаилом Сергеевичем Горбачевым на пятом году перестройки. Всех уговариваем и упрашиваем. Результат налицо. Нужны продуманные, точно выверенные и обоснованные с экономической точки зрения решения. Так что все повторяется.

---

[33] Макар Нагульнов – один из центральных персонаж книги М. Шолохова «Поднятая целина».

Случай с Шелепиным

В середине 1950-х годов в Минске проходил XX съезд комсомола Беларуси[34], на котором присутствовал Александр Николаевич Шелепин[35]. Это был человек старше нас и даже казался пожилым. Руководящие работники в комсомоле были уже партийными людьми и оставались в штате ВЛКСМ по 20 лет. Выступая на нашем съезде, Александр Николаевич делился опытом. Я запомнил его слова о том, как должен вести себя комсомольский активист. «Какие права у комсомола?» – рассуждал Шелепин, – «один энтузиазм, но имейте в виду, молодые люди, что если из одной двери вас выставляют, то полезайте в другую. Будьте напористыми! Идите на предприятия, в кабинеты, добивайтесь того, что

---

34 XX съезд ЛКСМБ состоялся в Минске в феврале 1958 г., его делегаты представляли 600 тыс. членов комсомола республики. См.: А. Жураў. «У баях народжаны. Кароткі нарыс гісторыі камсамола Беларусі», выд. 2, дапоўненае. Выдавецтва «Народная асвета», Мінск, 1970 г., с. 174.

35 Александр Николаевич Шелепин (1918-1994), учился на историческом факультете Московского института философии, литературы и истории (1936-1940), осенью 1941 отбирал добровольцев для партизанских отрядов и диверсий в тылу врага; третий (с 1943), второй (с 1949), первый (1952-1958) секретарь ЦК ВЛКСМ, руководил подготовкой и проведением в Москве VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов (1957), председатель КГБ СССР (1958-1961), председатель ВЦСПС (1967-1975).

вам нужно: средств, устройства на работу, защиты прав молодежи и пр. Действуйте так, чтобы чувствовалось, что вы организация, чтобы к вам шли. Какой из этого вывод? Раз у вас нет средств, нет власти, значит, должно быть нахальство».

Так и говорил?

Да! Далее Шелепин продолжал: «Посмотрите, сколько развелось кругом хулиганов и стиляг[36]. Смотрите, какие появились молодые люди, в каких брюках они ходят. Раньше, до войны, в клёшах ходили, а теперь в узких дудочках. Создавайте отряды дружинников в помощь милиции. Видите на улице стилягу – что вы его уговариваете? Располосуйте ему штанину – и все! Пусть идет без штанов: в следующий раз будет знать, какие штаны надевать. Отпускают стиляги длинные волосы, – что делать? Очень просто: возьмите ножницы и стригите его под барана. А если будет сопротивляться – всыпьте ему втихаря, чтобы долго помнил. Вы же молодые, здоровые. Кто вам поможет? Одна милиция не справится».

И какая ваша реакция была?

Мы верили, если сам Шелепин на съезде учил. Верили и поступали таким образом. Приведу пример. Вскоре после окончания работы XX съезда комсомола Беларуси ко мне в кабинет ЦК ЛКСМБ в Минске заходит молодой мужчина (на вид ему было до 30 лет) и говорит, что он художник. Вид немного отрешенный, взгляд отстраненный. Только сказал, что он художник, и назвал свою фамилии, потом, ни слова не говоря, поворачивается спиной и задирает рубашку. Я смотрю, что у него не спина, а сплошной кровоподтек.

---

[36] Стиляги – молодёжная субкультура в СССР, получившая распространение с конца 1940-х по начало 1960-х годов, имевшая в качестве эталона преимущественно американский образ жизни; стилягам приписывали нарочитую аполитичность и цинизм в суждениях, безразличное отношение к нормам советской морали.

Я не понял сначала и спрашиваю, что случилось? Пытаюсь его успокоить, прошу садиться и рассказать, что произошло. И слышу, что вчера вечером он зашел выпить чаю в кафе «Весна», что на Ленинском проспекте при повороте на стадион «Динамо». Тогда в кафе разрешалось купить спиртное, наливали 100 грамм водки. Он выпил и вышел, а навстречу ему дружинники – и цап-царап. Тот попытался сопротивляться: «Что вы меня трогаете, я же не хулиганю». Тогда четверо молодых дружинников затащили его в подъезд, где у них была дежурная комната. Повалили, задрали рубаху и пряжками ремней всю спину ему исполосовали.

Художник спросил: «Так кого вы в ЦК комсомола воспитываете? Я специально к вам пришел. Вы, заведующий отделом, ответьте – молодых штурмовиков воспитываете? Фашистов? Мы с фашизмом покончили, а вы в стране снова фашизм создаете!»

Вот так Александр Николаевич нас воспитывал.

Вместо послесловия

Отец прожил недолгую жизнь. 72 года по современным меркам – это немного. По словам отца, его воспитали улица и книги, а по сути, он слепил себя сам. Очень многое шло от семьи. Родительское слово, родительский пример, даже опосредовано, играет огромную роль, иногда даже помимо нашего желания и воли. Ребенок с раннего возраста смотрит на мир глазами родителей. В детстве закладывается не только его иммунная система, но восприятие действительности, отношение к людям, оценка поступков, соответствие слова и дела. Друзья, общественная атмосфера – все, в конечном итоге, сказывается на формировании личности.

Мне не раз приходилось слышать от отца слова «я и мое поколение». Так он себя и ощущал. Жизнь отца за те семьдесят с небольшим лет, которые отвела ему природа, вместила много событий.

70 лет советской истории были, возможно, самыми противоречивыми и кровавыми в истории человечества. Выжить было дано не всем. Отец не был религиозным человеком, но всегда с уважением относился к традиции и религии. Он никогда не позволял вовлечь себя в антисионистскую кампанию и все, что делалось, чтобы очернить Израиль.

Верил ли он в судьбу? Что в его жизни оказалось случайным, а что закономерным? Отец не был диссидентом и ниспровергателем устоев. В силу своего характера он всюду искал положительное. У студентов

о нем сохранилась память, как о внимательном педагоге и отзывчивом человеке. В студенте отец всегда пытался видеть личность будущего специалиста, а в студентке – не только хорошего работника, но и будущую мать. По природе он был человеком не конфликтным, но принципиальных компромиссов никогда не допускал. Выхода из тупика для советского общества он не видел, кроме эволюции. Беларусь считал своей родиной и об отъезде не помышлял. Денег не копил, жил на зарплату, и поэтому, когда инфляция начала 1990-х годов все поглотила, отец ничего не потерял.

С годами я все больше узнаю в себе его черты и надеюсь, что когда-нибудь почувствуют это и мои дети, его внуки. Я пишу эти строки, когда моего отца уже 18 лет нет с нами, когда старший сын Алекс уже отслужил в Армии обороны Израиля (2005-2008 гг.), а младший Моше призывается этим летом, и обязательно в боевые части, как и его старший брат. Пример деда для них очень важен, и сохранившиеся записи – это единственная возможность не только услышать его голос, узнать о своих корнях, но и ощутить преемственность.

Несмотря на все трудности и переживания, огорчения и потери, которые достались на долю отца, препятствия, которые он должен был преодолеть, он выстроил внутри себя своеобразный камертон, с которым всегда сверял свои поступки. Такой камертон есть и у меня, и я бы очень хотел, чтобы его унаследовали мои дети.

Отец научил меня главным правилам жизни: не боятся труда, оставаться верным данному слову, поступать так, чтобы потом не жалеть, помнить, что каждое мгновение жизни никогда не повторится и нужно торопиться наполнить его содержанием, правда не всегда торжествует, но стремиться к ней необходимо, в жизни все закономерно и, в конце концов, каждый получает то, что заслужил, иногда опосредовано, через своих детей.

Instead of an afterword

My father did not live a very long life. In our time, 72 years are not much. In his words, he was brought up by the street and books, and in essence, he was sculptured by himself. Much was given to him by his family. Parents' words, parents' example, even circumstantially, play an irreplaceable role, sometimes even against our wishes and will. From an early age, a child looks at the world through the eyes of his parents. In childhood, not only the child's immune system is founded, but his worldview, his stand towards other people, behavior assessment, consistency of words and deeds. Friends, social atmosphere – all this eventually influences the formation of the personality.

Many times I heard from my father the words: "I and my generation." It was what he felt. My father's life for the seventy and something years that were given to him by nature were filled with many events.

The seventy years of Soviet history were probably the most contradictory and bloody years in human history. Many did not manage to survive. My father was not a religious man, but he always respected the tradition and religion. He never allowed himself to be involved in an anti-Zionist campaign or any endeavor to blacken Israel.

Did he believe in fate? What in his life was accidental, and what natural? My father was not a dissident. Due to his character, he sought positive things everywhere. His students remember him as an attentive teacher and a responsive person. Behind a male student, he always tried to see the personality of a future specialist, and behind a female student, not only a good

worker, but a future mother. By his nature, he tended to avoid conflicts, but never made compromises on matters of principle. He saw no road out of the Soviet dead end, except evolution. He considered Belarus his native land and did not think of emigration. He did not save money and lived on his salary, so when the inflation of the early 1990s swallowed all, my father lost nothing.

In the course of the years, I more and more recognize his traits of character in myself, and I hope that sometime in the future, my children, his grandchildren, will feel that. I am writing this when my father has not been with us for 18 years, when my elder son Alex has already finished his service in the Israel Defense Force (2005-2008), and my younger son, Moshe, is being drafted this summer, considering it his duty to serve in a combat unit, like his elder brother. Their grandfather's example is of great importance to them, and the preserved audio recordings is for them the only opportunity not only to hear his voice, to learn about their roots, but also to feel the continuity of the generations.

Despite all the trials and tribulations, grief and losses that fell to his lot, the obstacles which he had to overcome, he built in his soul a sort of tuning fork, to which he always tuned his deeds. I also have such a tuning fork, and my wish is that it will be inherited by my children.

My father instilled in me – not to be afraid of work, to be as good as my word, to act so as not to feel remorse later, [and] to remember that no instant of life will ever return, and one has to fill it with content. He taught me that the truth is not always triumphant, but one should strive to find it, that all things in life abide by a natural law, and eventually everyone gets what one deserves, in some cases indirectly, through one's children.

Abstract

The book *From my life experience* by Lev Matveevich (Leiba Motelevich) Smilovitsky tells the story of a Jewish youth from Rechitsa (Belarus) in the war years and immediately after the war's end. It is the story of evacuation to Bashkiria, volunteering in the Red Army, playing hide and seek with death in the anti-tank artillery of the Supreme High Command Reserve, the battles for Smolensk and Vitebsk, the capture of the city of Koenigsberg, being wounded and hospitalized, the Gorokhovets reserve camps, and everyday life in the war. After the war, he recounts his service in the SMERSH military counter-intelligence department, graduating from the Minsk Law Institute, his work in the Young Communist league of Belarus. Smilovitsky's reminiscences, confidential in content and so penetrating, leave an indelible impression, and present a truthful picture of relations between people, and of the value of human life. The book is intended for those who are interested in both the history of Soviet society in the WWII period, and also in the psychology of human behavior in war.

Приложение

ВЫПИСКА ИЗ ТРУДОВОЙ КНИЖКИ

Фамилия *Смиловицкий*
Имя *Лев*
Отчество *Матвеевич*
Год рождения *1925*
Национальность *еврей*
Образование *высшее*
Профессия *юрист*

СВЕДЕНИЯ О РАБОТЕ

1. 1941 г., сентябрь. Принят на работу грузчиком лесного склада станции Туймаза Башкирской АССР
2. 1942 г., октябрь. Освобожден от работы в связи с уходом в Советскую Армию
3. 1952 г., август. Утвержден руководителем лекторской группы Барановичского ОК ЛКСМБ
4. 1954 г., февраль. Утвержден лектором ЦК ЛКСМ Белоруссии

5. 1955 г., март. Утвержден заведующим лекторской группой ЦК ЛКСМ Белоруссии
6. 1958 г., январь. Утвержден заместителем заведующего отдела пропаганды и агитации ЦК ЛКСМБ
7. 1959 г., ноябрь. Назначен в порядке перевода на должность помощника министра культуры БССР
8. 1960 г., октябрь. Зачислен на должность редактора массово-политической литературы Госиздата БССР
9. 1965 г., сентябрь. Зачислен на должность ассистента кафедры истории КПСС как избранный по конкурсу
10. 1968 г., декабрь. Утвержден в должности старшего преподавателя кафедры истории КПСС МГПИ им. А.М. Горького
11. 1972 г., декабрь. Утвержден в ученом звании доцента по кафедре истории КПСС МГПИ им. А.М. Горького
12. 1975 г., сентябрь. На основании Постановления Совета Министров БССР от 4 мая 1975 г. переведен на должность доцента кафедры истории КПСС Минского института культуры
13. 1982 г., сентябрь. Назначен исполняющим обязанности заведующего кафедрой истории КПСС МИКа на период повышения квалификации зав. кафедрой А.Д.Кахновича
14. 1990 г., февраль. Кафедра переименована в кафедру Политической истории
15. 1992 г., август. Уволен по собственному желанию. Ст. 31 КЗОТ Республики Беларусь

Печать

ст. инженер отдела кадров
16 сентября 1992 г.

ИЗ ДНЕВНИКА Л.М. СМИЛОВИЦКОГО

15 января 1994 г.,
Элькана (Самария)

Однажды, где-то в конце 50-х, по поручению ЦК комсомола я приехал читать лекции в Речицу. Помню, как я зашел, чтобы познакомиться, в кабинет первого секретаря райкома партии, Николая Васильевича Южина. В кабинете сидел человек средних лет, как говорят в народе: неладно скроенный, но крепко сшитый, с военной выправкой, но в гражданской одежде. Услышав мою фамилию, он обратился ко мне: «Лев Матвеевич, а Вы, случайно, не родственник Бориса Смиловицкого, которого немцы расстреляли в годы оккупации Речицы?»

Я стал перебирать в памяти всех своих родных, оставшихся при немцах, но никак не мог вспомнить Бориса.

«Нет», – говорю, – «в 1941 г. остались у меня двоюродные братья Зиновий моего возраста и мальчик лет восьми Лёва Смиловицкий».

Тогда незнакомец представился. Это оказался работник КГБ по Речице. Он сообщил, что у них есть документы, где указано, что был именно Борис Смиловицкий[37]. В момент расстрела он оказался

---

[37] Речь шла о документах Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР, которая начала свою работу в ноябре 1942 г. Комиссии предоставлялось право производить расследования, опрашивать потерпевших, собирать свидетельские показания и иные документальные данные, относящиеся к преступным действиям оккупантов и их сообщников на территории СССР. Акты и сообщения ЧГК стали важнейшим доказательством обвинения в Нюрнберге. После 1945 г. собранные сведения не были обнародованы, их засекретили и держали в архивах КГБ до распада СССР в 1991 г., когда копии материалов ЧГК поступили в Архив Яд Вашем из Москвы.

единственным, кто посылал проклятия в лицо палачам и кричал, что придет Красная Армия, и она отомстит за нас!

Я с волнением выслушал эту новость и сказал с гордостью, что были у меня, оказывается, мужественные родственники, которые даже в такой трагический момент, как перед лицом гибели, не потеряли чувства собственного достоинства… Но тогда я уже задумался, кто же это мог быть?

Сейчас, по прошествии трех с лишним десятков лет после того памятного разговора в Речице, многое стало понятно. Мой сын Леонид разыскал в архиве Яд Вашем в Иерусалиме копии документов ЧГК СССР о злодеяниях фашистов в годы войны в Речице. В них я, может быть, нашел ответ на тот вопрос. Поразительно, что понадобилась репатриация в Израиль, чтобы узнать подробности о гибели моих родных, оставшихся в оккупации и погибших от рук нацистов и их пособников осенью 1941 г. В показаниях свидетелей, собранных сразу после освобождения моего родного города в 1943 г. приводились подробности о расстреле бабушки Баси (матери моего отца) и многих (родных дядей и тетей, их детей) Смиловицких… В том числе документы о той знаменитой казни Смиловицкого (Бориса ?)…

В акте от 23-го апреля 1945 г., подписанного председателем городской комиссии по расследованию преступлений нацистов в Речице Виктором Половинко (бывший наш сосед по Комсомольской улице), приводится свидетельство Екатерины Анатольевны Матвеевой: «В конце августа 1941 г. немцы приказали бывшему меламеду Малинковичу произвести перепись еврейского населения… и нашить на одежде каждого по две шестиконечные звезды (на груди и спине в области сердца). В конце ноября 1941 года все еврейское население города немцы согнали в двухэтажное здание фабричного района, огороженное колючей проволокой, примерно 785 семей (около 3 тыс. чел.). 25 ноября 1941 г. к школе, где содержались евреи, подъехало 7 автомашин, погрузили несчастных, привезли к противотанковому рву и расстреляли».

Далее Екатерина Анатольевна рассказывает, как расстреливали ее и ее мать, но, будучи раненой, ей удалось выбраться из-под трупов. «В момент расстрела раздался крик: «Бандиты, фашисты! Вы проливаете нашу кровь, но все равно Красная Армия отомстит за нас!» Это кричал

восьмилетний мальчик, Боря Смиловицкий. Каратель ударил ребенка прикладом по голове, свалил в общую кучу тел.

Так догнала меня в Израиле эта печальная весть о героическом поступке нашего родича. Но не Бориса. Я думаю, что это был Зиновий Смиловицкий, мой двоюродный брат 15 лет, сын маминой сестры, тети Гени. Зяма всегда отличался боевым нравом, любил играть в казаки-разбойники, в войну, был горячим патриотом. И остался с родителями в Речице не по своей вине… Он мог кричать тогда. Это на него похоже, хотя в списке среди расстрелянных в городе Речица ни он, ни его родители, тетя Геня и дядя Соломон не значатся. Однако, известно, что списки эти не полные.

После войны, когда я вернулся с фронта, мама рассказывала, что, якобы, они погибли за пределами Речицы. Пытались спастись, но попали в окружение и погибли. Или кричал другой мой двоюродный брат, сын дяди Юдки, старшего брата отца. Именно эта семья Смиловицких значится среди расстрелянных в тот день – дядя Юдка, тетя Хая и он, Лёвочка. Кто знает? Тайну эту, видно, уже не разгадать никогда и никому… Итак, два мальчика. И оба погибли… среди полутора миллиона детей из шести миллионов евреев-жертв Холокоста.

28 января 1994 г.,
Элькана (Самария)

В поименном Списке расстрелянных, повешенных, замученных граждан, собранном комиссией ЧГК СССР по городу Речица Гомельской области под № 337 значится Атаманчук Лев Ильич, 1926 г.р., учащийся. О нем следует рассказать особо. Лева был моим товарищем и соседом… Погиб он при следующих обстоятельствах... Но сначала о нем самом, что я помню, ведь с 1941 года прошло 50 лет! Лева был юноша небольшого роста, крепыш, хороший спортсмен, заядлый рыбак, очень любил петь, играл на гитаре, на мандолине. До войны мы часто собирались у них дома и устраивали во дворе импровизированные концерты, а зрителями была вся наша Комсомольская улица. Причем пели от души, и Лева

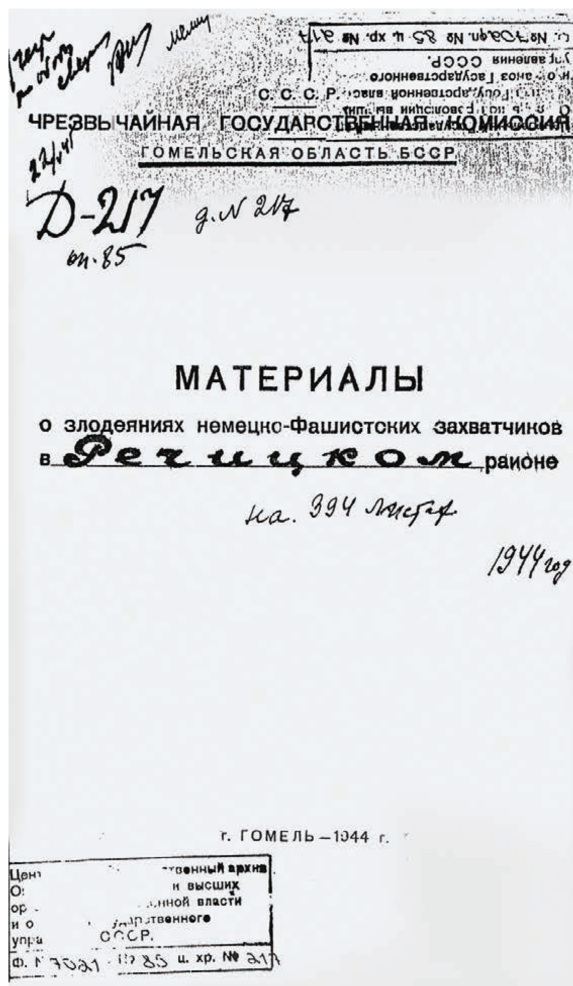
был всеобщим любимцем за высокий красивый голос (тенор) и живость характера, дружелюбное отношение ко всем…

Но летом 1941-го наша прекрасная юность закончилась. У кого на 16-м году (как у меня), у Левы – на 15-м. В августе 1941 г. Речицу оккупировали немцы. Лева вместе с семьей остался в городе. Как жили люди, брошенные на произвол судьбы, можно только догадываться. Каждый промышлял, как мог. Лева же по примеру отца рыбачил. Днепр кормил многих речичан. В то время это была рыбная река. В один из осенних прекрасных дней, которыми славна южная Беларусь, Лева на своей рыбацкой лодчонке-челноке ловил рыбу напротив городского парка, расположенного на самом высоком месте города, на берегу Днепра. По свидетельству Левиной сестры Лили (впоследствии с Лилией Ильиничной Козловской я работал в Минском институте культуры) в тот день в парке над Днепром немецкий солдат прогуливался с местной девушкой. Увидев рыбака, он предложил девушке оценить его способности как стрелка. Вскинул винтовку, прицелился – и выстрелил… Пуля попала прямо в сердце. … Так закончилась еще юная жизнь Левы Атаманчука, одаренного от природы и способного юноши. Сколько таких жизней было погублено фашистскими варварами?

Я сижу, смотрю на № 337 кричащего списка расстрелянных и замученных моих земляков – и тяжелые думы одолевают меня… На днях была программа Московского ТВ. И один из юнцов, охраняющих Жириновского[38], миловидный, в аккуратной коричневой форме штурмовика, с улыбкой рассуждал о преимуществах фашизма… Интересно, если вернуться к 1941 году, мог бы он оказаться на месте Левы Атаманчука? А почему нет?

---

[38] Владимир Вольфович Жириновский (1946 г.р.) – советский и российский политический деятель, заместитель председателя Государственной думы России (2000-2011), основатель и председатель Либерально-демократической партии России (ЛДПР), член Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ), 5 раз участвовал в выборах президента России (1991, 1996, 2000, 2008, 2012); не раз обвинялся в антисемитизме, считает евреев виновными в развале России и использовании трагедии Холокоста в своих целях, за что отдельные немецкие СМИ прозвали Жириновского «русским Гитлером».

С. С. С. Р.

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОМИССИЯ

ГОМЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ БССР

D-217 д. N 217

оп. 85

МАТЕРИАЛЫ

о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков

в Речицком районе

на 394 листах

1944 год

г. ГОМЕЛЬ – 1944 г.

Ф. N 7021 оп. 85 ед. хр. № 217

Титульный лист сборника документов, материалов и свидетельств очевидцев о преступлениях нацистов и их пособников за время оккупации г. Речицы и Речицкого района (23 августа 1941 – 18 ноября 1943 гг.), собранных Комиссией ЧГК СССР в 1944 г.
(Государственный архив Российской Федерации, фонд 7021, опись 85, дело 217)

YAD VASHEM יד ושם

The Holocaust Martyrs' and Heroes' Remembrance Authority רשות הזיכרון לשואה ולגבורה

ПРИМЕРНЫЙ СПИСОК РАССТРЕЛЯННЫХ, ПОВЕШЕННЫХ И ЗАМУЧЕННЫХ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН г. Речица, БССР

1. Смиловицкий Юдка Левикович, 1901 г.р., ф-ка X лет Октября
2. Смиловицкая Хая Хацкелевна, 1906 г.р., портниха
3. Смиловицкий Лев Юдкович, 1937 г.р., учащийся
4. Смиловицкий Лейба Янкелевич, 1892 г.р., портной
5. Смиловицкая Хая, 1895 г.р., портниха
6. Смиловицкий Яков Лейбович, 1928 г.р, учащийся
7. Смиловицкий АронЯковлевич, 1878 г.р., пенсионер
8. Смиловицкая Гита Ароновна, 1897 г.р.
9. Смиловицкая Куна Ароновна, 1910 г.р.
10. Смиловицкий Виля Иосифович, 1937 г.р.
11. Смиловицкая Галина Яковлевна, 1930 г.р., ученица
12. Смиловицкая Бася Ароновна, 1872 г.р., пенсионерка
13. Смиловицкий Борис, 1929 г.р.

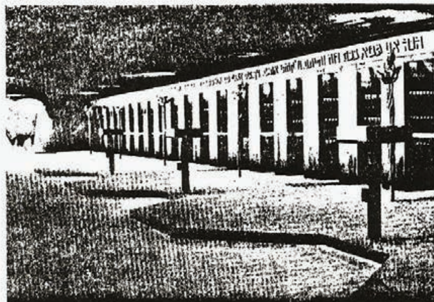
Расстреляны 25 ноября 1941 г. в городе Речица Гомельской области, Белорусская ССР.

Всего в 1941-1943 гг. по материалам ЧГК СССР в Речице было убито 4395 чел., из которых 3576 чел. фамилии установить не удалось + 205 военнопленных. Погибшие были людьми разных национальностей, но в подавляющем количестве – евреи.

Источник:

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 7021, оп. 85, д. 217

P.O.B. 3477, JERUSALEM 91034. TEL. 751611. FAX. 433511 .ת.ד. 3477, ירושלים 91034, טל. 751611, פקס

YAD VASHEM
The Holocaust Martyrs' and Heroes'
Remembrance Authority
Jerusalem

יד-ושם
רשות הזיכרון
לשואה ולגבורה
ירושלים

P.O.B 3477 .ת.ד
ISRAEL

ירושלים, 1993

א/ג/נ,

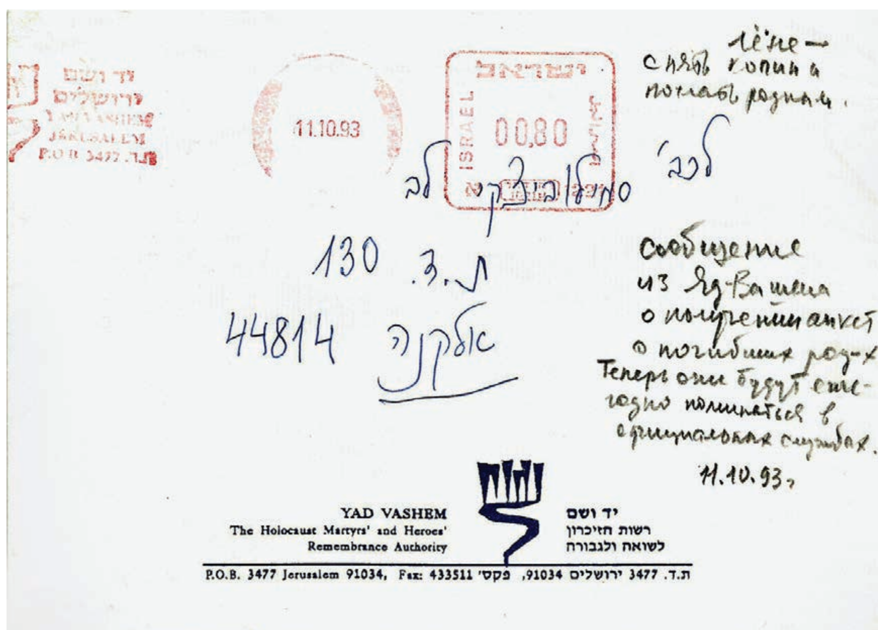
הננו לאשר קבלת 19 דפי-עד בהם הנצחת את זכרם של יקיריך, קרובים וידידים אשר ניספו בשואה.

הדפים יהיו ממוחשבים ושמורים בהיכל השמות של יד-ושם.

ייתכן שקרוביך, שכניך ומכריך אינם מודעים לקיומו של היכל השמות ולאפשרות להנציח את שם יקיריהם. אנא, הואל בטובך להעביר את הידיעה אליהם.
יד ושם יכיר לך תודה על כך.

בכבוד רב,

המדור להנצחת
שמות הניספים

Письмо из Яд Вашем Л.М. Смиловицкому от 11 октября 1993 г.
с выражением благодарности за передачу
в Зал имен Мемориала Яд Вашем сведений
о родственниках семьи Смиловицких, погибших от рук нацистских
захватчиков и их пособников в Белоруссии в 1941-1944 г.

ПАСВЕДЧАННЕ—УДОСТОВЕРЕНИЕ

Ф № 107773

М. П.

Асабісты подпіс шофера
Личная подпись шофера

Выдана ....
Кваліфікацыйнай камісіяй Дзяржаўтаінспекцыі Упраўлення Р.-С. Міліцы
....
на падставе пратакола № ....
ад „........“ .... 19 .... г.
Выдано Областной
Квалификационной комиссией Госавтоинспекции Управления Р.-К. Милиции Барановичской
на основании протокола № 18
от „11“ апреля 1946 г. ш 3

Белорусский ...

ШОФЕР ТРЭЦЯГА КЛАСА
ШОФЕР ТРЕТЬЕГО КЛАССА

Прозвішча
Фамилия Степовицкий
Імя
Имя Лев
Імя па бацьку
Отчество Матвеевич
Стаж з
Стаж с „11“ апреля 1946 г.
мае права кіравання аўтамабілямі, акрамя аўтобусаў комунальнага карыстання, машын хуткай медыцынскай дапамогі і пажарных.
имеет право управления автомобилями, кроме автобусов коммунального пользования, машин скорой медицинской помощи и пожарных.

Старшыня Кваліфікацыйнай камісіі
Председатель Квалификационной комиссии

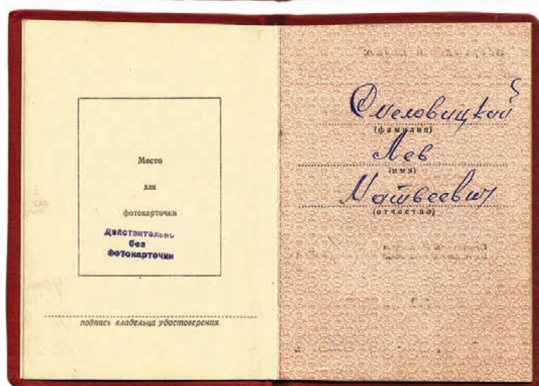
М. П. „11“ апреля 1946 г.
(дата выдачы—
дата выдачи)

Уполн. Мособлгорлита № В-11-2630-14. Москва. Гознак. 1940.

ПАСВЕДЧАННЕ
ШОФЕРА ТРЭЦЯГА КЛАСА

УДОСТОВЕРЕНИЕ
ШОФЕРА ТРЕТЬЕГО КЛАССА

Место

для

фотокарточки

Действительно
без
фотокарточки

подпись владельца удостоверения

(фамилия)

Лев

(имя)

Матвеевич

(отчество)

Награжден медалью:

медалью „За отвагу" 1787605

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР А. Горкин

Б № 586230

17 февр. 1948

ИЗВЛЕЧЕНИЯ

из „Положения о медали „За отвагу"

(Утверждено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 октября 1938 г.).

1. Медалью „За отвагу" награждаются военнослужащие рядового, командного и начальствующего состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии, Военно-Морского Флота и Войск пограничной охраны за личное мужество и отвагу в боях с врагами Советского Союза на театре военных действий, при защите неприкосновенности государственных границ, или при борьбе с диверсантами, шпионами и прочими врагами Советского государства.

2. Награждение медалью производится Президиумом Верховного Совета СССР.

8. Награжденные медалью должны подавать личный пример храбрости, мужества и отваги в борьбе с врагами Советского государства и служить образцом для других граждан при исполнении государственных обязанностей.

5

СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

„ЗА ВЗЯТИЕ КЕНИГСБЕРГА"

10 АПРЕЛЯ 1945 г.

А № 269547

УДОСТОВЕРЕНИЕ

ЗА УЧАСТИЕ В ГЕРОИЧЕСКОМ ШТУРМЕ И ВЗЯТИИ КЕНИГСБЕРГА

Рядовой

Смиловицкий Лев

Матвеевич

УКАЗОМ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР от 9 июня 1945 года

НАГРАЖДЕН МЕДАЛЬЮ

„ЗА ВЗЯТИЕ КЕНИГСБЕРГА"

От имени Президиума Верховного Совета СССР медаль вручена

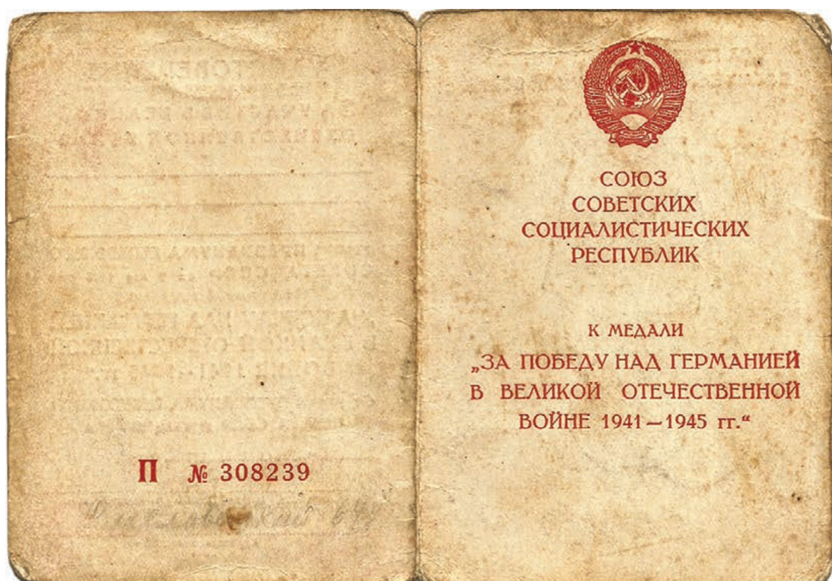
[illegible] 1946 года.

[illegible] Противотанк Арт[illegible] [illegible]ского полка [illegible] [illegible]овник [illegible]

(воинское звание и подпись лица, вручившего медаль)

(Введенский)

М. П.

П № 308239

СОЮЗ
СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК

К МЕДАЛИ
„ЗА ПОБЕДУ НАД ГЕРМАНИЕЙ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЕ 1941—1945 гг.“

„ЗА ПОБЕДУ НАД ГЕРМАНИЕЙ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
1941—1945 гг.“

УДОСТОВЕРЕНИЕ

За участие в великой
отечественной войне

Рядовой
Смеловицкий Лев
Матвеевич

указом Президиума Верховного
Совета СССР от 9 мая 1945 года
награжден медалью
„ЗА ПОБЕДУ НАД ГЕРМАНИЕЙ
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЕ 1941—1945 гг.“

От [illegible] Президиума Верховного
Совета СССР медаль вручена
[illegible] 194 6 г.

(должность, [illegible] звание и подпись лица,
вручившего медаль)

/Введенский/

А № 753061

Смиловицкий
Лев
Матвеевич

ЗА ХРАБРОСТЬ, СТОЙКОСТЬ И МУЖЕСТВО, ПРОЯВЛЕННЫЕ В БОРЬБЕ С НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ЗАХВАТЧИКАМИ, И В ОЗНАМЕНОВАНИЕ 40-ЛЕТИЯ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941—1945 ГОДОВ

Указом ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР от 11 марта 1985 г.

НАГРАЖДЕН ОРДЕНОМ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
I степени

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

№ ордена 553581

בגאה נעניק לך
הזכות לענידת
אות
50 שנה לנצחון על
גרמניה הנאצית

1945 - 1995

שם משפחה סמילוביצקי
שם פרטי לב

1687

אברהם כהן
מזכ"ל

שמואל בורנשטיין
יו"ר המרכז

ארגון חיילים ופרטיזנים
נכי המלחמה בנאצים

Медаль «50 лет победы антигитлеровской коалиции
над нацистской Германией», которой был удостоен
Л.М. Смиловицкий от Министерства обороны Израиля в 1995 г.

ארגון חיילים ופרטיזנים
נכי המלחמה בנאצים

כרטיס חבר

שם סמילוביצקי לב
מסי הכרטיס 9843
שנת לידה 1925
מסי תיק 98619
ת.ז. 310392998
חתימת המזכיר

ארגון חיילים ופרטיזנים
נכי המלחמה בנאצים

- נושא כרטיס זה הינו נכה המלחמה בנאצים.
- המוסדות מתבקשים לבוא לעזרתו בפניותיו אליהם.
- מוצא תעודה זו מתבקש להחזירה

לארגון חיילים ופרטיזנים נכי המלחמה בנאצים.
רח' הארבעה 8 ת"א, או לתחנת המשטרה הקרובה.

Удостоверение инвалида войны, выданное Л.М. Смиловицкому как члену Союза воинов и партизан – инвалидов войны с нацистами в 1993 г. в Тель-Авиве

Наградные документы на Смиловицких, близких и дальних родственников, бойцов и командиров Красной армии – чернорабочих войны

12.5.47

Удостоверение личности серия НУ № 15444 Все графы заполнять полностью

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

82

1. Фамилия, имя и отчество СМЕЛОВИЦКИЙ Ефим Маркович.
2. Звание, должность, часть, соединение, армия Старший лейтенант, Начальник физической подготовки 11 Бригады П В О

Представляется к ордену " КРАСНАЯ ЗВЕЗДА "

3. Год рождения 1920 4. Национальность Еврей. 5. Партийность чл. ВКПб-46 год.
6. Участие в боях (где и когда) Юго-западный фронт. В районе Володарск-Волынск и города Курск 1941 – 1942 гг.
7. Имеет ли ранения и контузии (какие, где и когда) Два ранения 25.7 и 26.10.41 г.
8. С какого времени в Красной Армии с сентября 1939 г. 9. Каким РВК призван Добровольно гор. Речица Гомельской обл. В Горьковск.уч. ЗА
10. Чем ранее награжден (за какие отличия) не награждался.
11. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Старший лейтенант СМЕЛОВИЦКИЙ Е.М в период Отечественной войны проходил службу с июня 1941 г. по 3 июля 1941 года командиром огневого взвода 139 Отд.Зен.арт.-дивизиона Юго-западного фронта. С 25 сентября 1941 г. по 26 октября 1941 г. заместителем командира батареи 113 Отд. зен.арт.дивизиона 133 гв.танковой бригады Юго-западного фронта. С 5 мая 1942 г. по 26 июля 1942 г. командиром батареи в 91 Запасном зен. арт. полку. С 18 августа 1942 г. по 8 сентября 1942 г. начальником карантина 91 Запасного зен.арт.полка. С 15 сентября 1942 г. по 26 декабря 1942 г.- слушатель КУКС войск ПВО Т.С. С января 1943 г. по октябрь 1943 года командиром батареи 767 зен.арт.полка ПВО Куйбышевского Див.района ПВО. С октября 1943 года по 25 мая 1945 года - Зам.командира дивизиона 1863 Зенитного арт. полка 1-го Корпуса ПВО. Находясь в действующей армии в составе 139 Отд.зен.арт.дивизиона при 139 стр. дивизии Юго-западного фронта в должности командира взвода был ранен в левый бок и левую руку 25 июля 1941 года в районе города Володарск-Волынск при взятии языка в тылу противника. На излечении находился в госпитале г. Сталино (Справка № 161 от 23 декабря 1941 г) выданная Эвако-госпиталем 1689). По выздоровлению ст.лейтенант СМЕЛОВИЦКИЙ был направлен вновь в действующую армию командиром взвода 113 ОЗАД 13 гв.танковой бригады Юго-западного фронта. При обороне коммуникаций гор. Курска 26 октября 1941 г. был вторично ранен в правую сторону груди пулей навылет (Свид. о болезни № 88). В настоящее время работает начальников физической подготовки бригады. С возложенными на него обязанностями справляется хорошо. Дисциплинирован. Требователен к себе и подчиненным. Делу партии Ленина-Сталина и Социалистической Родине предан.

ВЫВОД: За отвагу и мужество проявленные при выполнении заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками, и получивший при этом два тяжелых ранения, достоин награждения орденом "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА"

Командир (начальник)

НАЧАЛЬНИК ШТАБА 11 БРИГАДЫ П В О

17 марта 1947 г. ПОДПОЛКОВНИК - (А.ЛУГОВСКИЙ)

Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО), ф. 33, оп. 744808, д. 187, л. 82

Все графы заполнять полностью.

25

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество Смеловицкий Петр Аронович

2. Звание красноармеец 3. Должность, часть автошофер 896 отдельного автотранспортного батальона подвоза 23 артиллерийской Красносельской Краснознаменной дивизии прорыва

Представляется к награде медаль "За боевые заслуги"

4. Год рождения 1909 г. 5. Национальность еврей 6. Партийность канд. ВКП(б) с 1944 г. б/л № 6859309

7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) Финская компания 1939–40 г., Отечествен. война Ленфронт 1941 г., 2-й Белорусский фронт 1944 г. ноябрь

8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне не имеет

9. С какого времени в Красной Армии с 1941 года 10. Каким РВК призван Фрунзенский РВК гор. Ленинград

11. Чем ранее награжден (за какие отличия) медаль "За оборону Ленинграда" указ През. Верх. Совета от 12 февраля 1942 г. Уд. № 22722

12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Тов. Смеловицкий работает в 896 ОАТБ в должности автослесаря. За время своей работы показал себя работоспособным слесарем походной автомастерской батальона. Выполняя работу по ремонту автомашин тов. Смеловицкий не считаясь с временем и обстановкой производит ремонт автомашин только хорошо, выпущенные машины после ремонта, в рейсах не имели ни поломок ни ремонта. За время наступательных действий тов. Смеловицкий в составе бригады слесарей отремонтировал 18 автомашин среднего ремонта.

Автомашины прибывающие из рейса осматриваются тщательно и малейшая техническая неисправность быстро приводится в порядок. Автомашины парка находятся в постоянной готовности. Все задания выполняет быстро и хорошо. За хороший ремонт автомашин достоин правительственной награды медаль "За боевые заслуги"

Командир 896 ОАТБ
Майор /Пожарницкий/

"___" февраля 1945 года

Командир (начальник) ______________
(звание)

"___" ___________ 194 г.

Для подшивки

ЦАМО, ф. 33, оп. 686196, д. 2731, л. 25

ЗАКВП МЕДАЛЬЮ ЗА ОТВАГУ

Все графы заполнять полностью

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

280

1. Фамилия, имя и отчество Смиловицкий Самсон Менделеевич

2. Звание Рядовой 3. Должность, часть Стрелок Перв. воздуш. десантный гв. стрелк. полк 4 стрелк. дивизии

Представляется к правительственной награде медали "ЗА ОТВАГУ"

4. Год рождения 1910 5. Национальность Еврей 6. Партийность б/п

7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне (где и когда) На западном фронте с 5/V-43 по 5/IX-43 г.

8. Имеет ли ранения или контузии за Отечественную войну Был тяжело ранен 5/IX-43 г.

9. С какого времени в Красной Армии С 5 мая 1943 г. по 13 марта 1944 г.

10. Каким РВК призван Петропавловским РВК Казахской ССР.

11. Чем ранее награжден (за какие отличия) Медали: За оборон. Кавказа, За победу над Германией, За доблестный труд в Великой Отеч. войне.

12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи

Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

СМИЛОВИЦКИЙ – активный участник Отечественной войны. Участвовал в боях против немецких захватчиков в составе 1-го гв. воздушно-десантного стр. полка, 4 стрелковой дивизии в должности стрелка. В районе села Сидорячи Сумской области, уничтожил снайпера противника и по возвращению с боевого задания был тяжело ранен в челюсть 5 сентября 1943 г. /справка о ранении № 36/

По состоянию здоровья годен к нестроевой службе по ст. 63 гр. I расписания болезней приказа НКО СССР № 336- 42 г.

В настоящее время работает начальником механо-металлографической лаборатории завода 102 МСП СССР. К работе относится добросовестно, пользуется авторитетом, участвует в общественной работе.

Заслуживает представления к правительственной награде – медали "ЗА ОТВАГУ" как активный участник Отечественной войны, имеющий ранение.

КАСЛИНСКИЙ ГОРВОЕНКОМ
ПОДПОЛКОВНИК / БАЕВ /.
Командир (начальник)

"9" ноября 1946 г.

Для подшивки

ЦАМО, ф. 33, оп. 744809, д. 503, л. 280

Отп. в деб.

ОРДЕНОМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 2 СТЕПЕНИ

Все графы заполнять полностью

Наградной лист

1. Фамилия, имя и отчество Смиловицкий Федор Ефремович

2. Звание лейтенант 3. Должность, часть зам. ком. пулроты 102 от. стр. б-ды, зам. ком. пулроты 781 сп. 124 сд, ком. пулроты 289 сп. 100 сд., ком. пулроты 309 сп. 291 сд. — ныне инструктор 4 части Бобруйского ГВК.

Представляется к ордену „Отечественной войны 2 степени"

4. Год рождения 1922 5. Национальность еврей 6. Партийность канд. ВКП(б) — 43

7. Участие в гражданской войне последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войны (где, когда) Отечеств. война: Лен. фр. с 19.9.42 по 30.5.43 г., с 22.7.43 — 1.11.43; 29.1.44 — 7.3.44

8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне легко ранен 30.5.43. тяжело — 7.3.44.

9. С какого времени в Красной Армии 1941—1944 и с 1945 10. Каким РВК призван Бобруйским РВК

11. Чем ранее награжден (за какие отличия) Мед. „За оборону Ленинграда" — 1943 г.

12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи

ДЛЯ ПОДШИВКИ

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

тов. Смиловицкий на фронтах Отечественной войны с 19.9.42 г. по 5.V.43 в должности зам. ком. пулроты 102 отд. стр. бригады, Ленфронта; с 5.V.43 по 30.5.43 в должности зам. ком. пулроты 781 сп 124 сд; с 22.7.43 по 1.11.43 г., в должности ком. пулроты 289 сп 100 сд. Ленфронта и с 29.1.44 по 7.3.44 в должности ком. пулроты 309 сп 291 сд. 42 Армии Ленфронта.

14 января 1943 г. при форсировании р. Невы в р-не 8-й ГЭС под Ленинградом командир пулроты был выведен из строя, командование роты Смиловицкий принял на себя. Пулроты Смиловицкого поддерживало наступление 1 стр. б-на 102 осбр. Рота пулеметным огнем обеспечивала продвижение б-на, было занято несколько домов 2-го городка.

При наступлении в р-не д. Богданово под Псковом 27.2.44 г. принял на себя командование 5 стр. роты 309 сп. 291 сд. и вместе с 6 ротой 4 населенными пунктами, было взято в плен 40 немецких солдат.

5 марта 1944 г. в бою западнее д. Богданово во время контратаки пр-ка 2 пулемета вышли из строя, под сильным огнем пр-ка исправил повреждения пулеметов и сам стал вести огонь по контратакующему противнику.

7 марта при наступлении восточнее 10 км. г. Пскова был тяжело ранен, пролежал в госпитале 4 м-ца. (Справка о ранении выдана № 1324 от 1.7.44).

О боевом подвиге записано со слов.

Бобруйский Горвоенком майор

(Власенко)

14 мая 1945 г.

ЦАМО, ф. 33, оп. 686046, д. 382, л. 142

За боевые заслуги
Кокор
28/V

3-6-45

Все графы заполнять полностью

Ав 1247
12/V

317

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, Имя и отчество. Смиловицкий Владимир Исаакович

2. Звание. Ст. сержант . . 3. Должность, часть Ком. отделения водитель 113 Отд. автосанроты.

Представляется к . медали . За боевые заслуги

4. Год. рожд. 1911 . 5. Национ. Еврей . . 6. Партийн. б/п.

7. Участие в граждан. войне, последующих боевых действиях на защите СССР и отеч. войне (где, когда.). В войне с белофин. в 1939-40 г. на Карельск. перешейке 10.39 г., В отечеств. войне с 24.06.41 г.

8. Имеет ли ранен. и конт. в отеч. войне . не имеет

9. С какого времени в Кр. Армии с июня 1941 г. 10. Каким РВК призван . Красногвардейским РВК г. Ленинград

11. Чем ранее награжден (за какие отличия). Не имеет.

12. Постоянный домашн. адрес представляемого к награждению и адрес его семьи.

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг:

В 113 Отд. АСР ст. сержант СМИЛОВИЦКИЙ В.И. с первых дней отечественной войны самоотверженно и умело выполняя самые трудные задания командования не считаясь со временем и усталостью. При перевозках раненых и грузов достигал наивысших показателей, при крайне бережном к ним отношении.

Закрепленную за ним машину содержит в образцовом состоянии.

Отличной дисциплиной и выдержанностью служит примером для всего личного состава роты. Не имел ни одного взыскания.

Всего за отечественную войну перевез свыше 12000 раненых и 950 тонн груза.

Достоин награждения медалью "ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ"

113 отдельная автосанитарная рота

Командир / начальник / 113 Отд. автосанроты Капитан [подпись]

" 4 " мая 1945 г.

ЦАМО, ф. 33, оп. 690306, д. 2148, л. 317

вх 017728
29-06-45

Все графы заполнять полностью

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество Смиловицкий Юрий Рувимович

2. Звание ефрейтор 3. Должность, часть механик автомобильный 14 Отдельного Дорожно-Строительного, ордена Красной Звезды, батальона

Представляется к правительственной награде медалью „За отвагу"

4. Год рождения 1911 5. Национальность еврей 6. Партийность ч. ВКП(б)

7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) Отечественная война – Западный, 3й Белфронт с 23.6.1941

8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне не имеет

9. С какого времени в Красной Армии с 23.06.1941. 10. Каким РВК призван Бобруйским РВК, Могилевской области

11. Чем ранее награжден (за какие отличия) медаль „За оборону Москвы"

12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи [illegible]

13. № и серия удостоверения личности

Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Ефрейтор Смиловицкий Юрий Рувимович на фронте Отечественной войны с 23 июня 1941 года работает механиком автомобильным в транспортной роте 14 Отдельного Дорожно-Строительного, ордена Красной Звезды, батальона. Все свои силы и знания отдает на образцовое содержание и своевременный ремонт автопарка. Работал на демонтаже электростанции в г. Даркемен тов. Смиловицкий использовал свои технические знания на демонтаже сложных механизмов. Данные ему задания ежедневно выполнял на 150-170%. Своим умением и примером увлекал остальной личный состав на досрочное выполнение заданий командования. Представляю ефрейтора Смиловицкого Ю. Р. к правительственной награде медалью „За отвагу"

Командир (начальник) 14 одсб
(звание) майор [подпись] /Поплавский/

27 июня 1945 г.

Aleitis 61

ЦАМО, ф. 33, оп. 686196, д. 5644, л. 204

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

140

На Командира отделения музыкантов управления сектора БО ВМБП
/должность, наименование, в/части, соед. учрежд. или завед./

Мл. сержант СМИЛОВИЦКИЙ РУВИМ МЕНДЕЛЕЕВИЧ
/военное звание, фамилия, имя и отчество/

Медаль "ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ"
/ наименование награды /

„ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ" 10. 01 1946 г. Приказ № 1 ...-щего пщор

1. Год рождения 1911
2. Национальность Еврей
3. Соцположение Рабочий
4. Партийность б/п
5. С какого времени в РККА или РКВМФ С июня 1941 года
6. Участие в гражданской войне Не учавствовал
7. Ранения и кантузии Не имеет
8. Представлялся ли ранее к награде, когда и за что Не представлялся
9. Какие имеет поощрения и награды и за что Медаль "За Оборону Ленинграда"
10. Служба в белой и других буржуазных армиях и пребывание в плену Не служил, в плену не был.
11. Постоянный адрес

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг. /составляется в штабе в/части, соединения, учреждения или заведения/.

Мл. сержант Смиловицкий Рувим Менделеевич с 24 июня 1941 г. служил в 12-м ОАД погребным, затем телефонистом и кладовщиком.

В дни блокады нес дозор в боевом охранении пулеметчиком второй номер. За добросовестное и бдительное несение службы имел несколько благодарностей. С апреля 1942 г. был переведен в муз. команду штаба сектора БО, где проявил себя хорошим, опытным музыкантом. Во время боевых операций, выполнял задания командования по обслуживанию боевых батарей концертами, оркестра и самодеятельно-

сти, где выполнять задания неоднократно приходилось под обстрелом противника. В то-же время т.Смиловицкий самоотверженно работал, выполняя задания по строительству оборонных сооружений и других заданий на южном берегу, под огнем противника. В период передислокации части проделана большая работа по разгрузке барж, оборудованию новых огневых точек и других хозяйственных работ и строительств. Тов.Смиловицкий за время своей службы не имел взысканий, к своей работе относится честно и добросовестно, являясь солистом оркестра.

За отличное выполнение заданий командования за весь период Отечественной войны достоин Правительственной награды – медали "ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ".

ВРИД.НАЧАЛЬНИКА ШТАБА СЕКТОРА БО ВМБП-
КАПИТАН:- /ПОПОВ/

19 июля 1945 года

ЦАМО, ф. 88, оп. 2, д. 546, лл. 140, 140-об

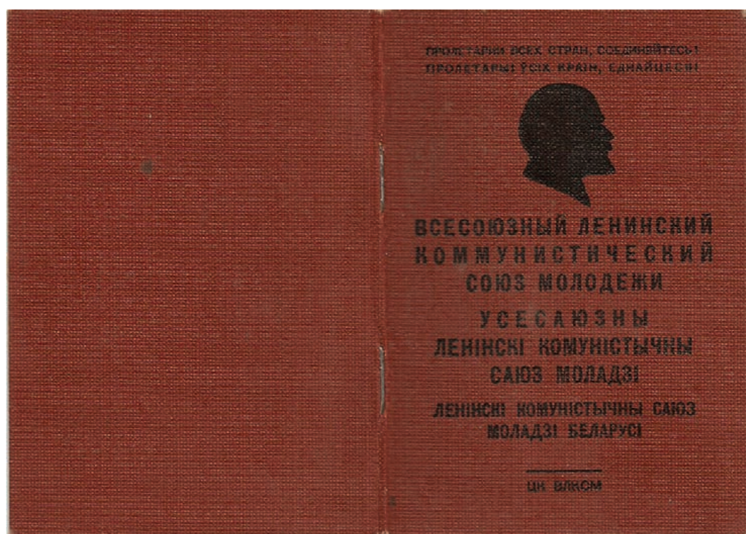
ПРОПАЛИ БЕЗ ВЕСТИ

Фамилия – Смиловицкий
Имя – Матвей
Отчество – Борисович
Дата рождения/возраст __.__.1915
Место рождения г. Речица
Дата и место призыва Вязовский РВК, Сталинградская обл., Вязовский р-н
Последнее место службы – 191 СД 552 СП
Воинское звание – лейтенант
Причина выбытия – пропал без вести
Дата выбытия __.11.1941
Источник – ЦАМО, ф. 33, оп. 11458, д. 515

Фамилия – Смиловицкий
Имя – Янкель
Отчество – Эльевич
Дата рождения/возраст __.__.1922
Дата и место призыва 12.07.1941 Гомельский ГВК, Белорусская ССР, Гомельская обл., г. Гомель
Воинское звание рядовой
Причина выбытия – пропал без вести
Дата выбытия __.02.1944
Источник – ЦАМО, ф. 58, оп. 977520, д. 104

Фамилия – Смиловицкий
Имя – Яков
Отчество – Ильич
Дата рождения – 1922 г.
Место работы до призыва – Гомельский автозавод
Отец – Смиловицкий Илья Аронович
Адрес проживания до войны: г. Гомель, ул. Техническая, д. 22
Место службы – диверсионная группа Юратишского района Гродненской области, командир группы Н.А. Рощинский
Должность – боевик
Причина выбытия – пропал без вести
Дата выбытия – ноябрь 1942 г.
Источник: Национальный архив Республики Беларусь, ф. 4-п, оп. 3, д. 1234, лл. 8-9, 34

Комсомольские документы Л.М. Смиловицкого

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Пралетарыі ўсіх краін, еднайцеся!
ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ
УСЕСАЮЗНЫ ЛЕНІНСКІ КАМУНІСТЫЧНЫ САЮЗ МОЛАДЗІ
ЛЕНІНСКІ КАМУНІСТЫЧНЫ САЮЗ МОЛАДЗІ БЕЛАРУСІ
ЦК ВЛКСМ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ
№14165826 *

Фамилия Смиловицкий
Имя и отчество Лев Матвеевич
Год рождения сентябрь 1925г.
Время вступления в ВЛКСМ октябрь 1942г.
Наименование организации, выдавшей билет Ленинский райком ЛКСМБ г. Минска
личная подпись
Секретарь Райкома
30 января 1956 г.
(время выдачи билета)

Пралетарыі ўсіх краін, еднайцеся!
ЛЕНІНСКІ КАМУНІСТЫЧНЫ САЮЗ МОЛАДЗІ БЕЛАРУСІ

КОМСАМОЛЬСКІ БІЛЕТ
№14165826 *

Прозвішча Смілавіцкі
Імя і імя па бацьку Леў Мацвеевіч
Год нараджэння верасень 1925г.
Час уступлення ў ВЛКСМ кастрычнік 1942г.
Назва арганізацыі, якая выдала білет Ленінскі райком ЛКСМБ г. Мінска
асабісты подпіс
Сакратар Райкома
30 студзеня 1956 г.
(час выдачы білета)

ПРОДЛЕНО по „31" декабря 1953 г.
Зав. ОС ОК ЛКСМБ

ПРОДЛЕНО по „___" ___ 194___ г.
Зав. ОС ОК ЛКСМБ

ПРОДЛЕНО по „___" ___ 194___ г.
Зав. ОС ОК ЛКСМБ

Место фотокарточки

Личная подпись

З. 1248

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Барановичский обком ЛКСМБ

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 44

Предъявитель сего тов. Смиловицкий Лев Матвеевич

является ___

Выдано „9" августа 1952 г.

Действительно по „31" декабря 1952 г.

Секретарь ОК ЛКСМБ:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ленинский Коммунистический Союз Молодежи Белоруссии

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 15

Товарищ Смиловицкий Л. М.

является руководителем лекторской группы ЦК ЛКСМБ

Действительно по 31 декабря 1953 г.

Секретарь ЦК ЛКСМ Белоруссии

Продлено по 31 декабря 1958 г.

Подпись

Продл. по 31 декабря 195___ г.

Подпись

(личная подпись)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Ленинский Коммунистический Союз Молодежи Белоруссии
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 59

Товарищ Смиловицкий Л.М.
является зам. зав. отдела пропаганда и агитации ЦК ЛКСМБ
Действительно по 31 декабря 1958 г.
Секретарь ЦК ЛКСМ Белоруссии

Продлено по 31 декабря 1959 г.
Подпись
Продл. по ______ 195 г.
Подпись ______
(личная подпись)

Членский билет Л.М. Смиловицкого от Союза журналистов СССР

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУССКОЙ ССР

Удостоверение № 537

Выдано тов. Смиловицкому Льву Матвеевичу.

В том, что он действительно является помощником Министра.

Министр культуры Белорусской ССР

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУССКОЙ ССР

Личная подпись

РАЗРЕШЕН ВХОД В СМ БССР

ВЫДАВЕЦТВА „БЕЛАРУСЬ“

(асабісты подпіс)

Мінск. друк. выд. «Звязда». Зак. 1119. Тыр. 200. 1963 г.

Пралетарыі ўсіх краін, яднайцеся!

ПАСВЕДЧАННЕ № 25

Прад'яўнік гэтага тав. Смиловицкий Лев Матвеевич

з'яўляецца редактором

выдавецтва „Беларусь“.

Дата выдачы 20 января 1964 г.

Дырэктар выдавецтва

Пасведчанне вяртаецца выдавецтву пры звальненні з працы.

Министерство высшего и среднего
специального образования БССР

Минский
институт культуры

Личная подпись

Минский институт культуры
УДОСТОВЕРЕНИЕ № 16
Товарищ Смиловицкий
Лев Матвеевич
является доцентом
кафедры истории КПСС и
научного коммунизма
Ректор (В. М. Пузиков)
21 « июня 1980 г.

Служебные удостоверения Л.М. Смиловицкого о работе
в Министерстве культуры БССР (1959-1960 гг.),
издательстве «Беларусь»(1960-1965 гг.);
Минском педагогическом институте им. А.М. Горького и Минском институте
культуры (1965 -1992 гг.)

Семья Смиловицких за 5 лет до отъезда в Израиль.
Стоят слева направо: Илья и Лена Busловичи, Виктория и Леонид Смиловицкие.
Сидят: Галина Израилевна, Лев Матвеевич Смиловицкие и их внучка Лика Буслович. Фото в Минске 1986 г.

11 эпоха Суббота, 5 сентября 2015 • www.sb.by СБ Беларусь сегодня

Как Лева стал Львом

К 90-летию со дня рождения Льва Смиловицкого, фронтовика, ученого, педагога

Родился Лев (Лейба) Смиловицкий 15 сентября 1925 года. Судьба отвела ему 72 года жизни, что по современным меркам немного. Но сколько же они вместили в себя: довоенное детство в Речице, бегство от немцев и тяжелые будни эвакуации в Башкирии, фронт, активное участие в боевых действиях, армейскую службу в послевоенный период, студенчество, работу в министерстве, издательстве, системе высшего образования... Много ярких сюжетных линий, связанных с биографией Льва Матвеевича.

Лев Смиловицкий. Минск, 1982 г.

В довоенной Речице, где родился Л.Смиловицкий, население почти на 60 процентов состояло из евреев. Городок считался одним из центров хасидизма в регионе. Отец Лейбы, Мотл–Борух Смиловицкий, по–русски мог только поддерживать разговор, тогда как на идиш — написать письмо, почитать газету. Мать, Лиза (Лея), научилась русскому языку в результате кампании по ликвидации неграмотности в середине 20–х годов. Трудолюбивый Мотл–Борух умел зарабатывать на семью и был надежным кормильцем для Лизы и троих сыновей. Вспыльчивый по характеру, он презирал пьяниц и курильщиков, считал, что нечего терять время на грамоту. Тем не менее дети Хаим и Лейба учились в русской школе, считавшейся престижной.

16 лет, 1941 год

В мае 1941 г. старший брат Хаим (Ефим) окончил военное училище и отправился служить на границу. За плечами самого Лейбы было пока только 9 классов школы. Сразу после 22 июня Лейба вступил в народное ополчение. Он и его друг Исаак Бабицкий получили винтовки образца 1893 года, которые вместе с примкнутыми штыками были выше роста ребят. Ополченцы патрулировали улицы, охраняли склады и маленький речицкий аэродром, высматривали диверсантов. Когда фашисты подошли к городу, ополчение распустили и подростков отправили по домам. Не остается сомнений, как бы сложилась судьба Лейбы, если бы Мотл–Борух все–таки не внял мудрому совету своей жены, настоявшей на эвакуации семьи. Но сторожить дом осталась бабушка Бася. Гитлеровцы расстреляли ее в ноябре 1941–го вместе с тысячами других евреев Речицы.

В феврале 1943 г. семнадцатилетний Лейба ушел добровольцем в армию. Его военная биография началась на Западном фронте, и уже в августе 1943 года рядовой 11–го минометного полка Л.Смиловицкий получил первое ранение. С ноября 1943–го Смиловицкий — водитель артиллерийской батареи противотанковой бригады 2–го Белорусского фронта. Возил 45–миллиметровую пушку, стрелявшую по немецким танкам прямой наводкой с расстояния в несколько сот метров. Это была игра в кошки–мышки со смертью. Артиллеристов, обслуживавших сорокапятки, на фронте так и прозвали «Прощай, Родина!». О том, как воевал Лейба, которого армейские писари вскоре превратили в Леву, свидетельствует документ из Центрального архива Министерства обороны РФ в Подольске. Вот выписка из приказа от 27 августа 1944 г. по 649–му истребительно–противотанковому артиллерийскому полку 13–й Отдельной истребительно–противотанковой артиллерийской Верхнеднепровской Краснознаменной бригады резерва Главного командования:

Фронтовое водительское удостоверение

«От имени Президиума Верховного Совета СССР наградить медалью «За отвагу» Смиловицкого Льва Матвеевича, шофера 5–й батареи, рядового, за то, что 26 июля 1944 г. в районе д. Курьяны Белостокской области под артиллерийским и минометным огнем противника своевременно доставил боеприпасы на батарею, а во время налета на батарею авиации противника вывел автомашину из–под ударов авиации, тем самым спас автомашину и орудие. Командир 649 ИПТАП полковник Введенский». Вот так из Левы юноша превратился во Льва.

В конце войны Смиловицкий служил в «СМЕРШ» в Северной группе войск в Силезии и Померании — возил начальника контрразведки полка. «СМЕРШ» привлекал молодого человека своей героикой, поэтому неудивительно, что после демобилизации парень решил стать следователем и в 1948 году поступил на юридический факультет МГУ им. М.Ломоносова. Но жить в Москве было негде, и новоиспеченный студент перевелся в Минский юридический институт.

Семья Смиловицких в Речице, 1929 г.

Первую практику Лев проходил в народном суде Речицы и получил хорошую характеристику. Потом был Ленинград — и снова положительные отзывы. Но с началом печально известной кампании по борьбе с космополитизмом евреев начали вытеснять из учреждений судебной системы и правоохранительных органов. Многие в эти годы вынуждены были перейти из прокуратуры в адвокатуру, стали юрисконсультами, нотариусами, арбитрами. И Лев пришел к выводу, что будущее юриста его больше не привлекает. Как раз в это время в ЦК ЛКСМБ подбирали новые кадры, и выпускники с высшим юридическим образованием как нельзя лучше подходили на эту роль. Так состоялась встреча Льва Смиловицкого с первым секретарем ЦК комсомола Белоруссии Петром Машеровым. После чего последовало несколько лет работы в комсомоле — сначала в Барановичах, потом в Минске. Переезд из Барановичей в Минск состоялся, когда страна переживала хрущевскую оттепель. Тогда стало реальностью проведение в Москве VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов 28 июля — 11 августа 1957 года, и Лев Смиловицкий возглавил белорусскую делегацию на этом молодежном форуме.

Германия, август 1945 г.

Однако дальнейшая карьера в партийных и советских управленческих структурах Л.Смиловицкого тормозила. О причинах догадаться нетрудно. И Лев Матвеевич принял приглашение на работу в Министерство культуры, где анкетные данные и пресловутая «пятая графа» никого не смущали. Но особенности работы в министерстве мало соответствовали характеру Льва. Новым местом его работы стало издательство «Беларусь» — стильредактором. Фактически это был труд литературного негра. Рукописи книг чаще всего приходилось «лепить» заново, а то и просто переписывать. Затем Льва Смиловицкого пригласили работать в Минский пединститут им. Горького. И он решил попробовать. Кандидатскую диссертацию по истории написал за год. Но подготовка докторской уже фактически блокировалась. Когда в 1975 г. на базе библиотечного факультета Минского пединститута образовался Минский институт культуры, Лев Матвеевич стал его доцентом и проработал там 17 лет.

В начале 90–х в Израиль перебрались дочь Льва Матвеевича Елена и сын Леонид. Тогда Смиловицкий и сам решился на отъезд. Казалось, опять все начинай сначала. Но годы были уже не те, и ветеран с надеждой следил, как входят в новую жизнь его дети. В начале декабря 1997 года Льва Матвеевича не стало. Тем не менее посеянные им добрые всходы не пропали. Дело Льва Смиловицкого продолжил его сын Леонид Смиловицкий, который последние 20 лет успешно возглавляет проект по исследованию истории евреев Беларуси в Центре диаспоры при Тель–Авивском университете. Смиловицкий–младший стал признанным ученым, автором важных монографий по истории Беларуси до и после 1917 года.

Субботник по восстановлению разрушенного войной Минска, Лев Смиловицкий в центре. 1949 г.

Михаил СТРЕЛЕЦ,
профессор,
доктор исторических наук,
Брест.

Автор выражает искреннюю благодарность Леониду Смиловицкому за консультации, предоставленные для написания очерка материалы и фотографии из семейного архива.

Михаил Стрелец

Как Лева стал Львом[39]
К 90-летию со дня рождения Л.М. Смиловицкого

15 сентября 2015 года исполнилось 90 лет со дня рождения Льва Матвеевича (Лейбы Мотелевича) Смиловицкого. Много сюжетных линий связаны с биографией Льва Матвеевича. И каждая из них просится стать самостоятельным повествованием с интригующими подробностями, наблюдениями и выводами (…)

Начнем с того, что Лев не собирался быть историком, а тогда кем? Да разве знает об этом молодой человек в старших классах школы? Представим себе довоенную Речицу, где родился наш герой. Это был небольшой городок в живописном месте Юго-Восточной Беларуси, который входил в состав Российской Советской Федеративной Республики, а в 1926 г. был включен в состав Беларуси в ходе т.н. второго укрупнения БССР. Советская власть кроила тогда границы республик СССР произвольно. Нужно было укреплять БССР на границе с недружественной Польшей. Так Речица стала белорусским городом, хотя преобладали там русский язык и идиш. И не удивительно, ведь к началу XIX в. евреи составляли большинство населения города. По итогам Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. евреи в Речице составили 5334 чел., или 57,5 % от всего городского населения. Речица считалась одним из центров хасидизма в Белоруссии. В 1914 г. в городе работали Талмуд-Тора, хедеры, еврейское двухклассное народное мужское училище и частные еврейские училища. Евреи составляли почти 60 % населения Речицы.

Это было трудное время в истории белорусских евреев (1921-1928 гг.). Люди пытались очнуться от дурмана политики «военного

---

[39] Частично опубликовано: «Советская Белоруссия», 5 сентября 2015 г.

коммунизма». Советская власть заигрывала с национальными движениями, провозгласила политику белорусизации и идишизации. Идиш, наряду с белорусским, польским и русским, был провозглашен государственным языком БССР.

Идиш был родным языком большинства местечковых евреев. Отец Л.М. Смиловицкого, Мотл-Борух Смиловицкий, по-русски мог только поддерживать разговор, тогда как на идиш – написать письмо, почитать газету. Жена Лиза (Лея) научилась русскому языку в результате кампании по ликвидации безграмотности в середине двадцатых годов. НЭП позволял Мотлу-Боруху зарабатывать на семью. Он подвозил пассажиров с железнодорожной станции на собственной бричке, торговал лошадьми или подрабатывал в качестве кацева (забой и продажа мяса в соответствии еврейской традицией). Когда же индивидуальных предпринимателей придушили налогами, стал ломовым извозчиком. Мотл-Борух, небольшого роста, сухой и гибкий, человек большой физической силы, несмотря на увечье (потеря глаза во время прохождения службы в царской армии), прикладывал все силы, чтобы семья не голодала. Он оставался надёжным кормильцем для Лизы, сыновей Хаима (1920 г.р.), Лейбы (1925 г.р.) и Рахмиэля (1934 г.р.). Вспыльчивый по характеру, он презирал пьяниц и курильщиков и считал, что нечего терять время на русскую грамоту.

Старший и средний сыновья Хаим и Лейба учились в русской школе, которая считалась престижной (педагогический состав, отношение к учебе, перспектива продолжить образование в любом учебном заведении Советского Союза). Преподавание на идиш служило только прикрытием содержания советских учебных программ. В учебниках нельзя было ничего прочитать по истории евреев Палестины, ни узнать об исходе евреев и обо всех основных этапах еврейской истории и традиции в целом. Синагоги в середине 1930-х гг. в Речице закрыли точно также, как церкви и костелы, раввинов арестовывали и ссылали, как и православных священников и католических ксендзов. В этом исключения ни для кого не делали. Следует ли удивляться, что дети Лизы и Боруха-Мотла росли в ассимилированной среде? После разгрома сионистов и роспуска Евсекции у евреев оставался только один выход. Одни демонстрировали

советский патриотизм вынужденно, другие делали это искренне – «бежали впереди паровоза».

В 12 лет у Лейбы появилось новое увлечение – спортивная гимнастика. Закалку дали обязанности по дому. «Журавль» – общественный колодец – находился через дорогу, и Лейба должен был обеспечить дом водой, 5-8 ведер ежедневно. С возрастом силенок прибавилось, и к 15 годам у подростка уже была развитая мускулатура. Это оказалось далеко не лишним, законы улицы требовали умения постоять за себя.

В мае 1941 г. старший брат Хаим (Ефим) окончил военное училище и отправился служить на границу. В начале июня 1941 г. ему позволили краткосрочный отпуск, и он смог навестить родителей и братьев в Речице. Предметом зависти мальчишек была новенькая, с иголочки, командирская форма и лейтенантские петлицы, скрипучие ремни и сапоги. Никто не подозревал, какие события развернутся через считанные дни (…)

(…) В конце войны Л.М. Смиловицкий служил в СМЕРШе, возил начальника контрразведки полка. Это было в Северной группе войск, которая стояла в Силезии и Померании, переданных от Германии по решению Ялтинской конференции союзников, в состав Польши. Штаб СГВ расположился в городе Легница (до 1945 г. немецкий город Лигниц). Условия службы были вполне комфортными, город уцелел. Если сравнивать с тем, что пришлось выдержать на фронте, то теперь жить можно было припеваючи, но тянуло на родину, домой. Рассказы о разрушениях, всеобщем дефиците и голоде не помогали. Германия повержена – цель достигнута, теперь домой. Только домой – там начнется новая жизнь. Оставаться на чужбине было мучительно. Солдаты и старшины срочной службы 1925 г.р. подлежали демобилизации в последнюю очередь, поэтому нашему герою служить пришлось до 1947 г. Вскоре после демобилизации Смиловицкий поступает на юридический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Однако иногородним студентам общежитие не предоставляли, а стеснять родственников в переполненной Москве Лева не хотел. Поэтому молодой человек решил перевестись в Минск. Как ни странно, но в почти полностью разрушенной столице Беларуси студенты Минского юридического института получали общежитие.

Примечательной была встреча Смиловицкого с ректором МГУ академиком А.Н. Несмеяновым, который заявил: «Молодой человек, это – Москва. Вы будете жалеть». Но Лев оказался непреклонен.

Жизнь в послевоенном Минске – отдельная тема. Восстановление города и республики, открытие новых учебных заведений, память о пережитых испытания, горечь утраты близких, следы разгромленного Минского гетто, самого крупного на территории Советского Союза в границах 1939 г. Толпы инвалидов на улицах, бараки и землянки, немецкие военнопленные на стройках… Но общее настроение – оптимизм, ведь победили врага, да какого! Холодная война, политика железного занавеса, «гонения на ведьм» по-советски (кампания по борьбе с безродными космополитами и «дело врачей») были еще впереди.

В институте Лева учился только на пятерки, вел активную общественную работу, был избран в комитет комсомола института. Тем не менее, к четвертому курсу Лев пришел к выводу, что будущее юриста его больше не привлекает. Почему? К началу пятидесятых годов отношение государства к национальной политике в правоохранительных органах, судах и прокуратуре изменилось. Выпускников-евреев лишали престижного распределения, с трудом принимали на работу и увольняли под разными предлогами. Евреи-юристы переходили из прокуратуры в адвокатуру, становились юрисконсультами, нотариусами и арбитрами. Оставшиеся, в основном, ветераны с большим с довоенным стажем, бывшие партизаны и фронтовики должны были беспрекословно выполнять требования системы. Парадокс состоял в том, что эти люди, подвергаясь национальной и профессиональной дискриминации, вынуждены были выступать в роли защитников политики КПСС и советского государства.

Побывав на практике в прокуратуре Лев воочию убедился, как грубо игнорируется принцип презумпции невиновности, что для судебной системы характерен обвинительный уклон. Образно говоря, надо было соскочить с поезда, который вез его не в ту сторону. Итак, наступил момент нового начала в биографии Льва Смиловицкого. Но тогда чем заняться? Как раз в это время ЦК ЛКСМБ подбирал новые кадры, и выпускники с высшим юридическим образованием как нельзя лучше

подходили на эту роль. Поскольку комсомольская работа Льву была хорошо знакома, а его личность известна, то он получил приглашение на собеседование. Так состоялась встреча нашего героя с первым секретарем ЦК комсомола Белоруссии Петром Мироновичем Машеровым. Анкета кандидата соответствовала предъявляемым требованиям – участник Великой Отечественной войны, ранен, награжден, высшее образование, отличник, имеет опыт общественной работы, ни в чем предосудительном замечен не был, родные не репрессировались… Машеров принял положительное кадровое решение.

Первое место самостоятельной службы Л.М. Смиловицкого – руководитель лекторской группы Барановичского областного комитета ЛКСМБ. В 1952 г. Лев женился, его избранницей стала Галина Израилевна Чечик, которая училась во II Ленинградском медицинский институте. В 1954 г. Барановичская область была упразднена, и Лев получил новое назначение, заняв должность заместителя заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК ЛКСМБ. Поскольку должности заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК ЛКСМБ не существовало (ее исполнял секретарь ЦК ЛКСМБ по идеологии), получалось, что Лев Матвеевич оказался заместителем второго человека в белорусском комсомоле. Он готовил отчеты о комсомольской работе в республике, обзоры и аналитические материалы, докладные записки для вышестоящего руководства. ЦК ЛКСМБ отвечал перед ЦК Компартии Белоруссии за молодежную политику во всем ее многообразии. Кстати, вход в ЦК комсомола в Минске (бывший пр. Сталина, затем пр. Ленина, а ныне пр. Независимости, д. 116) был свободным, никакого милицейского поста не существовало.

Переезд из Барановичей в Минск состоялся, когда страна переживала хрущевскую оттепель. Именно тогда стало реальностью проведение в Москве VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов 28 июля – 11 августа 1957 г. Лев Матвеевич возглавил белорусскую делегацию на этом важнейшем форуме, который должен был приоткрыть миру Советский Союз после десятилетий сталинского режима. Участвуя в фестивале, заместитель заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК ЛКСМБ впервые был вовлечен в международную дипломатию.

Фестиваль, ставший событием для советских юношей и девушек и самым массовым мероприятием за всю историю международных молодежных фестивалей, запомнился своей открытостью. Для участия в нем приехали 34 тыс. гостей из 131 страны мира. Иностранцы свободно общались с москвичами, для них были открыты Кремль и парк Горького. За две фестивальных недели было проведено свыше восьмисот мероприятий. О том, какое неизгладимое впечатление произвело на участников белорусской делегации это событие, рассказывает брошюра Л.М. Смиловицкого «О шестом всемирном фестивале молодежи за мир и дружбу (о личных впечатлениях)». Это было время осуждения культа личности Сталина, поиска новых форм экономического и культурного развития, отказа от привычных стереотипов, поощрения инициативы.

Между тем годы шли. Многие комсомольские кадры, которых Л.М. Смиловицкий брал на работу, делали успешную карьеру в партийных и советских управленческих структурах. Самому Льву Матвеевичу в этом плане ничего не светило. Несколько раз его документы запрашивали в ЦК КПБ, но каждый раз возвращали обратно без объяснения причин. Впрочем, догадаться было не трудно. Политика ЦК КП республики проводилась в русле общегосударственной линии, которая и при Хрущеве оставалась антисемитской. Положительное решение так и не последовало. В 1959 г. наступил момент, когда возраст (34 года) поставил вопрос о том, что делать дальше? Поразмыслив, Лев Матвеевич, понял, что откладывать больше нельзя. Надеяться было не на кого, и он принял приглашение на работу в Министерство культуры БССР на должность помощника министра.

Григорий Яковлевич Киселев (1913-1970 гг.), министр культуры республики, остановил свой выбор на Льве Матвеевиче не потому, что они были земляками. Киселев, уроженец Буда-Кошелевского района, выпускник Гомельского пединститута, участник партизанского движения, бывший заведующий отделом науки и вузов БССР (1947) знал, что делает. Не исключено, что кандидатура Смиловицкого обсуждалась Киселевым с Машеровым, который к тому времени уже стал одним из секретарей ЦК Компартии Белоруссии. Показательно, что здесь анкетные данные Льва Матвеевича уже никого не смутили: министерство

культуры – это не ЦК КПБ. Нужен был подготовленный грамотный специалист с незапятнанной репутацией, прошедший номенклатурную школу, имевший богатый жизненный опыт, скромный, работящий, не болтливый, инициативный, способный принять самостоятельное решение. И, конечно, прекрасно владеющий искусством пера. Еврейское происхождение кандидата в помощники министра обернулось достоинством – будет лучше стараться и на меньшее претендовать.

Григорий Яковлевич был высокого мнения о своем новом помощнике. Он ценил в нем интеллект, житейский опыт, склонность к скрупулезному анализу. В обязанности помощника министра входила не только подготовка материалов к докладам на партактивах, выступлениям на совещаниях и коллегиях министерства, встречах с работниками искусства, писателями и музыкантами, но и (время от времени) написание статей в газетах за подписью шефа. Они были посвящены проблемам государственной политики в области культуры, готовились с глубоким знанием дела, отличались оригинальными примерами и обоснованной авторской концепцией. Справедливости ради отметим, что Киселев, в отличие от многих других себе подобных руководителей всегда возвращал гонорар помощнику за публикацию в периодической печати.

К той роли, в которой оказался Лев Матвеевич, хорошо подходила известная поговорка: «Секретарь главнее наркома». Помощник решал, кого пускать к министру, в какой очередности представлять шефу те или иные материалы. Нахождение на такой должности сулило целый ряд благ: выгодные знакомства, хороший отдых, дефицитные продукты питания в столе заказов, улучшение жилищных условий и пр. Но тут случилось непредвиденное. Смиловицкий почувствовал, что новая обстановка, в которой он оказался, угнетает. Атмосфера чинопочитания, преклонения перед начальством, лизоблюдство, хождение на «полусогнутых» претили его натуре. Внутренне смириться самому, найти оправдание заискиванию подчиненных перед начальством, поступать подобным образом – все вызывало в нем протест. Что делать? А ведь была уже семья и двое маленьких детей. Жизнь на зарплату советского служащего, от сих до сих. Решение уйти стало полной неожиданностью для коллег по министерству, с которыми Лев Матвеевич проработал меньше года.

Григорий Яковлевич отговаривал помощника от опрометчивого шага. Но тщетно.

Работу удалось найти в издательстве «Беларусь», где Смиловицкий более пяти лет проработал стильредактором. Фактически это был труд литературного негра. Рукописи книг чаще всего приходилось «лепить» заново, а зачастую просто переписывать. Ежедневный размеренный труд с 9.00 до 18.00. Лев Матвеевич устраивал начальство и здесь. Его отличали грамотность, чувство композиции, образность речи, покладистый характер и высокая работоспособность. Но как долго это могло продолжаться, ведь ему уже стукнуло 40. Смириться, ждать пенсии? Выхода, казалось, не было… И тут подвернулся случай, который всегда имеет место, когда человек внутренне готов к переменам, более того, жаждет их.

В издательство «Беларусь» поступила рукопись книги Анатолия Денисовича Молочко, заведующего кафедрой истории партии Минского пединститута им. А.М. Горького. Готовить книгу к изданию поручили Льву Матвеевичу. Работа предстояла большая, однако тема Смиловицкому была хороша знакома. Спустя полгода монография А.Д. Молочко: «Достижения Белоруссии в развитии экономики и культуры за годы советской власти – торжество ленинской национальной политики». Минск, 1969 г. вышла в свет.

Итогами работы А.Д. Молочко остался очень доволен и пригласил Л.М. Смиловицкого к себе на кафедру в качестве преподавателя-ассистента. Но что делать в вузе без ученой степени? Роль ассистента – удел молодого человека в начале педагогической карьеры, когда сил и времени без меры. Однако накопленные знания, работоспособность и мотивация внушали надежду, и Лев Матвеевич решил попробовать, приняв это приглашение с условием, что он будет писать диссертацию. Забегая вперед, отметим, что герой нашего очерка успешно проделал путь от ассистента до доцента. В 1968 г. он пополнил корпус кандидатов наук, защитив диссертацию на тему истории развития социалистической промышленности в 1933-1937 гг. Научный руководитель профессор Михаил Ефимович Шкляр был восхищен тем, что работа была написана практически за один год, и тем, что она поднимала планку для соискателей ученой степени кандидата наук.

Конечно, сделаем поправку на время, когда готовилась эта диссертация. Ни о каких преступлениях Сталина, ошибках и просчетах партийного и советского руководства в середине тридцатых годов говорить было немыслимо, а Эзопов язык в науке неприемлем. Это теперь, когда все позволено, можно быть умным и смелым, критиковать, не опасаясь последствий, а тогда? Советская власть цепко держала бразды правления в своих руках и не собиралась ни с кем делиться. Не будем забывать и о возможностях спецхрана, куда были упрятаны наиболее компрометирующие материалы. Отделы специального хранения запрещенной литературы существовали не только при библиотеках, но и в архивах. При этом обобщать разрешалось только положительный опыт партии, как бы странно это не звучало сегодня.

После защиты диссертации Лев Матвеевич не обольщался достигнутым успехом. Он считал, что присуждение первой ученой степени – это только пропуск в науку. В ходе работы над диссертацией соискатель проходит сложную школу, приобретает необходимые навыки в научной работе, подтверждает свою способность работать с источниками, учится понимать значимость документа, видеть фон событий, выявлять закономерности, видеть общее и особенное, искать недостающее звено. Этот опыт пригодится для продолжения занятий наукой. Однако самому Смиловицкому этого сделать не дали. Все его попытки заняться докторской диссертацией были фактически блокированы. В Институте истории партии при ЦК КПБ и Академии наук БССР существовали свои представления, кто достоин получить право стать доктором наук и носить высокое звание советского профессора. В первую очередь речь шла не о научной квалификации, новизне постановки вопросов, вводе в научный оборот неизвестных сведений и материалов, убедительном их анализе, а о формальном допуске в высокое научное сообщество. Здесь мало было иметь безупречную биографию, быть членом партии (обязательное условие, чтобы иметь допуск для работы в партийных архивах, фонды которых считались секретными), сказывался и национальный вопрос. После войны число евреев-профессоров в БССР можно пересчитать по пальцам. К началу 1980-х гг., когда Лев Матвеевич «покусился» на это предприятие, степень доктора исторических наук и звание профессора в республике

среди евреев имели только единицы, а именно: Гилер Маркович Лившиц (1962 г.), Михаил Ефимович Шкляр (1963 г.), Адам Иосифович Залесский (1964 г.), Лев Михайлович Шнеерсон (1965 г.), Григорий Маркович Трухнов (1967 г.), Залман Юдович Копысский (1968 г., д.и.н., без звания профессора), Эфроим Моисеевич Карпачев (1970 г. д.и.н., без звания профессора). Да и в последующий период советской истории евреев не очень пускали в профессора: Яков Наумович Мараш (1974 г.), Давид Борисович Мельцер (1976 г.), Борис Самуилович Клейн (1990 г.), Хаим Юдкович Бейлькин (1991 г.).

Поскольку научное поприще оказалось недоступным, Лев Матвеевич переключил все внимание на педагогическую ниву. Отклик пришел незамедлительно. Придирчивые молодые глаза внимательно следили за каждым словом и жестом. Дружеский настрой Льва Матвеевича, его заботливость и участие в делах студентов располагали. Педагог сопереживал проблемам подопечных, вкладывал в них душу, сердце. Середина 1980-х – начало 1990-х годов пришлись на эпоху трудных испытаний. Рушились старые стереотипы, открывались запретные темы, достоянием гласности становились бывшие государственные секреты, шла всеобщая переоценка ценностей. Оставаться в стороне от этих процессов было невозможно. Часть историков не пожелали «поступиться принципами» и превратились в догматиков, а другие нашли в себе силы по-новому взглянуть на открывшиеся обстоятельства. Страсти кипели. Острое идеологическое противоборство привело к тому, что из-за позиции партийного и государственного руководства республики Беларусь заслужила репутацию советской «Вандеи»[40]. Заметим, что даже до смерти Л.И. Брежнева, во время т.н. развитого социализма, Смиловицкий далеко не всё разделял в политике КПСС. Несмотря на сильнейший нажим, он никогда не подписывал ни писем, ни обращений антисионистского или антиизраильского содержания.

---

[40] Вандейский мятеж – гражданская война между сторонниками и противниками революционного движения на западе Франции с 1793 по 1796 гг.; стало нарицательным для определения контрреволюции.

В 1990 г. в Израиль уехала его дочь Елена. Отец не возражал против этого шага, а после того, как в 1992 г. подобное сделал сын Леонид, Лев Матвеевич и сам решился на отъезд. В Израиле все внимание Л.М. Смиловицкого было занято интересами семьи. Нужно было узнавать новую страну, постигать ее историю, устраивать быт, учить язык. Впервые появилась возможность прикоснуться к еврейской традиции, получить представление о том, как жили предки. И удивляться, что существует другой мир, другая культура, менталитет, словом, все, от чего десятилетиями был отгорожен СССР железным занавесом. Это было не простое время, приходилось все начинать сначала. Встать на ноги, подтвердить профессиональный статус, доказать, что можешь и на что способен. Конечно, эти задачи были по плечу не пенсионеру, а молодым. Вот почему Лев Матвеевич с такой надеждой следил, как обустраиваются в израильской действительности его дети. И они встали на ноги, родились внуки… Но в начале декабря 1997 г. после тяжелой и продолжительной болезни Льва Матвеевича не стало. Тем не менее, посеянные всходы не пропали. Дело доцента Смиловицкого продолжил его сын, Леонид Львович Смиловицкий, который последние 20 лет успешно возглавляет проект изучения истории евреев Беларуси в Центре диаспоры при Тель-Авивском университете. Смиловицкий-младший стал признанным ученым, автором важных монографий по истории Беларуси до и после 1917 г.

Благодарственное письмо Леониду Смиловицкому за активное участие в 1994-1995 гг. в работе Фонда Стивена Спилберга – записи видеосвидельств людей, переживших Катастрофу восточноевропейского еврейства в годы Второй мировой войны

ПОСОЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
В ГОСУДАРСТВЕ ИЗРАИЛЬ

AMBASSADOR OF THE REPUBLIC OF
BELARUS TO THE STATE OF ISRAEL

Тель-Авив, 28 сентября 2015 года

Уважаемый господин Смиловицкий,

Приглашаем Вас принять участие в открытии фотовыставок «Победа одна на всех» и «Беларусь – земля под белыми крыльями», посвященных 70-летию Победы в Великой Отечественной войне и 15-летию создания Союзного государства Беларуси и России.

Мероприятие состоится в Российском культурном центре в Тель-Авиве (ул. Геула 38), начало в 18.00.

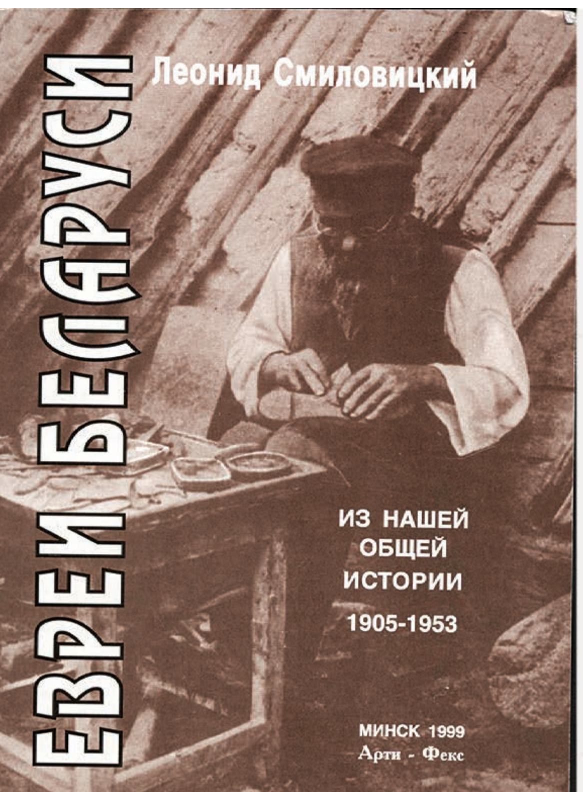
Будем рады видеть Вас.

С уважением,

Владимир Скворцов

Доктору Леониду Смиловицкому
ведущему исследователю Центра изучения диаспоры,
Тель-Авивского университета

Просим подтвердить Ваше участие по телефону 050-521-48-19 либо по электронной почте – israel@mfa.gov.by

Леонид Львович Смиловицкий родился в Речице Гомельской области БССР в 1955 г., окончил исторический факультет Минского государственного педагогического института им. А.М.Горького в 1977 г., в 1977—1979 гг. служил в армии; в 1979—1980 гг. работал научным сотрудником в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны, учился в аспирантуре при Белорусском государственном университете, где в 1984 г. защитил диссертацию на звание кандидата исторических наук; в 1980—1992 гг. преподавал в Минском институте культуры, доцент кафедры истории СССР, БССР и зарубежных стран.

В Израиле с октября 1992 г. В 1993—1994 гг. — научный сотрудник Мемориального института Яд Вашем, а с 1995 г. и по настоящее время работает в Институте еврейской диаспоры при Тель-Авивском университете, сотрудничает с фондом Стивена Спилберга в Лос-Анжелесе, Институтом еврейской политики в Лондоне, Институтом изучения Холокоста в Вашингтоне, редакцией Краткой еврейской энциклопедии в Иерусалиме. Занимается историей евреев Белоруссии XX века, публикуется на иврите, английском, русском и белорусском языках в Израиле, Великобритании, Соединенных Штатах Америки, России и Белоруссии.

Живет и работает в Иерусалиме, женат, растит двух сыновей.

Леонид Львович Смиловицкий (1955),
доктор исторических наук,
работает в Институте еврейской диаспоры
при Тель-Авивском университете.
Сотрудничает с фондом Стивена Спилберга
в Лос-Анджелесе,
Институтом еврейской политики в Лондоне,
Институтом изучения Холокоста в Вашингтоне,
редакцией Краткой еврейской энциклопедии
в Иерусалиме.

Леонид Смиловицкий
КАТАСТРОФА ЕВРЕЕВ В БЕЛОРУССИИ 1941-1944

"The struggles of Belarusian Jews in the first years after WWII to maintain Jewish religion and culture were stubborn and often heroic, but they were rarely successful and almost never documented. In this book, Leonid Smilovitsky painstakingly reconstructed a lost chapter of modern Jewish history. The contents describe the day to day courage of 'ordinary Jews' living in conditions of almost hopeless adversity and are a testimony to the power of the human spirit."

Shaul Stampfer, Sandrow Professor of Soviet and East European Jewish History, Hebrew University, Jerusalem

"Belarus was devastated by the Nazi occupation. At least a quarter of its population perished in these years, including nearly 90 per cent of the Jewish population of the area. Most of the Jews who survived did so by flight into the interior of the Soviet Union and many returned after the war, so that in the years until 1953 there were nearly 200,000 Jews in the Belarusian Soviet Republic. They were largely terrorised by their wartime experiences and the official antisemitism of Stalin's last years. However, some Jewish life did continue as is demonstrated by this detailed and comprehensive study. It is essential reading for all those interested in the Holocaust and its aftermath in Belarus and in the Soviet Union as a whole."

Antony Polonsky, Albert Abramson Professor of Holocaust Studies at Brandeis University and the United States Holocaust Memorial Museum

"Leonid Smilovitsky has made good use of his rare access to Belarusian archives, including those of the secret police, and has written a fine-grained, detailed history of Belarusian Jewry in the tumultuous decade after WWII. The reader gains a palpable sense of Soviet realities and Jewish courage, as Jews tried to reconstruct their lives, including the practice of Judaism, in the post-war era. Our impressions of that time will have to be revised in view of the fascinating evidence that Smilovitsky has brought together."

Zvi Gitelman, Preston R. Tisch Professor of Judaic Studies, University of Michigan

"The Jews in Belarus are part of modern Belarusian history. This authoritative monograph deals with a very short time segment of Jewish life in what was called Soviet Byelorussia. The author has to be complimented for finding and retrieving so much original material for the period following the destructive years of WWII. Hopefully this publication will serve as an introduction to the study of Jews on the entire Belarusian territory where they interacted with the Belarusian population for many centuries."

Vitaut Kipel, Director of the Belarusian Institute of Arts and Sciences in New York

Central European University Press
Budapest – New York
Sales and information: ceupress@ceu.hu
Website: http://www.ceupress.com

JEWISH LIFE IN BELARUS

The Final Decade of the Stalin Regime (1944–53)

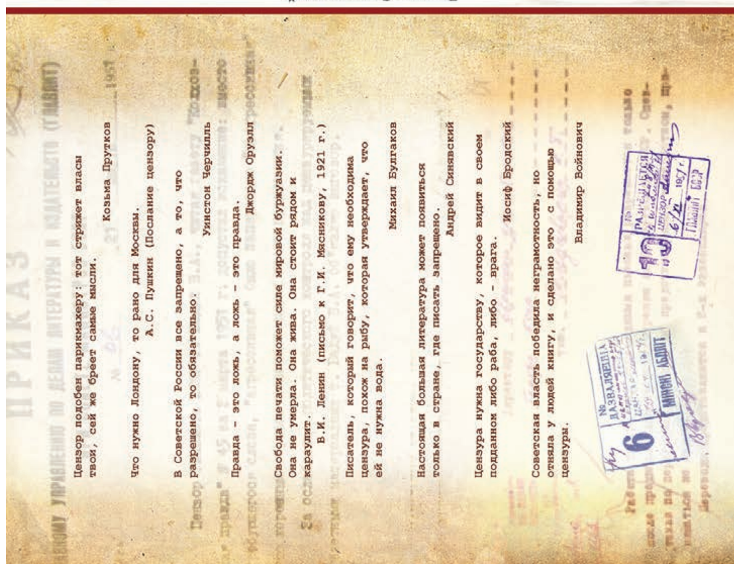
Leonid Smilovitsky

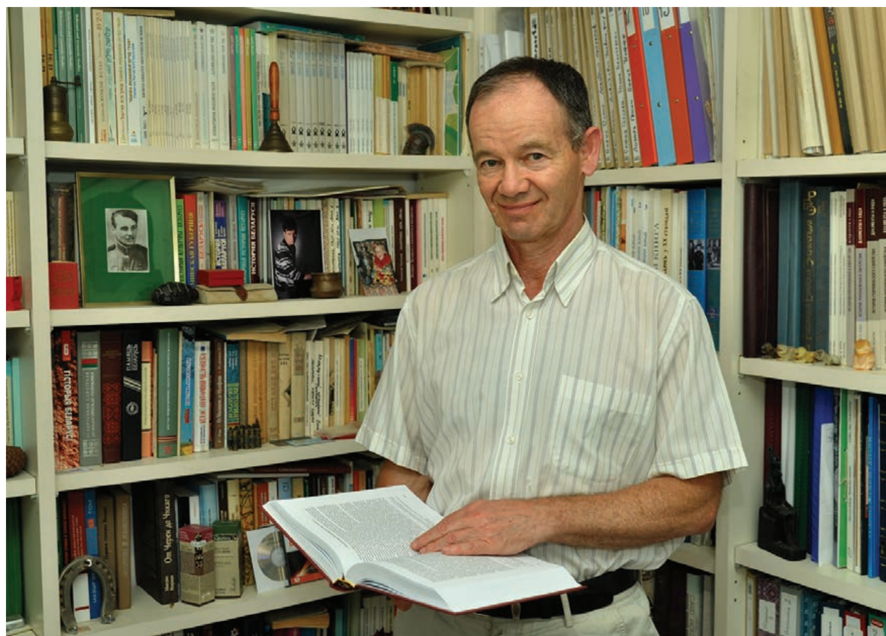
CEU PRESS

JEWISH LIFE IN BELARUS
The Final Decade of the Stalin Regime, (1944–53)
Leonid Smilovitsky
CEU PRESS

Леонид Смиловицкий
Цензура в БССР
послевоенные годы
1944–1956
Порядок изъятия и руководство по изъятию установлены §§ 151—174 „Инструкции цензору".

Цензура в БССР: послевоенные годы, 1944-1956 гг.
Леонид Смиловицкий

Цензор подобен парикмахеру: тот стрижет власы твои, сей же бреет самые мысли.
Козьма Прутков
Что нужно Лондону, то рано для Москвы.
А.С. Пушкин (Послание цензору)
В Советской России все запрещено, а то, что разрешено, то обязательно.
Уинстон Черчилль
Правда - это ложь, а ложь - это правда.
Джордж Оруэлл
Свобода печати поможет силе мировой буржуазии. Она не умерла. Она жива. Она стоит рядом и караулит.
В.И. Ленин (письмо к Г.И. Мясникову, 1921 г.)
Писатель, который говорит, что ему необходима цензура, похож на рыбу, которая утверждает, что ей не нужна вода.
Михаил Булгаков
Настоящая большая литература может появиться только в стране, где писать запрещено.
Андрей Синявский
Цензура нужна государству, которое видит в своем подданном либо раба, либо - врага.
Иосиф Бродский
Советская власть победила неграмотность, но отняла у людей книгу, и сделано это с помощью цензуры.
Владимир Войнович

Леонид Смиловицкий в своем рабочем кабинете. Иерусалим, 2015 г.
Фото А. Литина

На память брату Ха-
иму, будущему лей-
тенанту, от его
брата Левы.

3/-IX-40 г.

ISBN 978-965-92411-1-8
9 789659 241118